

Ростислав Левтеров

Некрай и Тьма

Три пути, что приведут к Вратам в Никуда.

Покоришься воле нелюбимого отца и уедешь на чужбину, где свяжешь судьбу с тем, кого презираешь — в твоей душе родится тьма.

Приблизись к мечте, оставив после себя вереницу трупов — ты проклятие этого мира. Был, есть и... будешь ли?

Поймешь себя, вспомнив ту, кого потерял и забыл; не в силах отпустить ту, кого любил и предал. Впереди тебя — пустота.

Но над всеми вами — Он есть и грядет,

И возвещает о себе Шелестом Невосполнимых Утрат

Кровью Ягненка,

Слепым Глазом,

Запахом Тлена...

1. Вино и кровь

Предисловие

Некоторые необходимые пояснения.

Летоисчисление. В мире принято треарийское летоисчисление. В нем два периода: доимперская эпоха — и имперская, отсчет которой ведется с момента провозглашения Адриана Великого императором Треары. События в «Искре и Тьме» начинаются в 879 году имп. эпохи.

Архика (другие названия: *Атма, Двента*) — крупный материк, имеющий форму вытянутого прямоугольника. Юг — Великая Пустыня — находится на экваторе, север — Архипелаг Стейнорд и полуостров Безлюдье — за Северным полярным кругом.

Нижнеземье и Верхнеземье. Архикю традиционно делят на юг (*Нижнеземье*) и север (*Верхнеземье*). Границей выступают лес Шагра и Марнийский хребет.

Империя Треара (в первые годы — *Двента*). Столица — *Павсем*. В годы ее расцвета империи был подвластен весь мир. У истоков ее возникновения стояли тремане, или, чаще, тремахи — кочевой народ из Нижнеземья. Существовала до конца VIII века.

Вересы — этническая общность. Все существовавшие в IX веке вересские племена можно условно разделить на три группы:

Воиградские вересы — воиградцы, коренники, дупляки, верхневойцы;

Дубичские вересы — дубичи, болотники, венегы;

Равногорский этнос — курчени, вустичи, огоры.

Остальные пояснения будут в сносках в конце глав.

Приятного чтения, друзья!

Воин остановился. Спрыгнул с коня, огляделся. Заходящее солнце окрасило горизонт в янтарный цвет. Вокруг раскинулась степь: море колышущейся на ветру высокой травы. Впереди, в ста шагах, росли молодые тополя, окружавшие небольшой овраг.

Позади целый день скачки, с раннего утра, и цель близка. Он знал, что цель эта там, в овраге.

Воин похлопал скакуна по взмыленной шее, забросил себе на плечо скатанный аркан.

За спиной — лук в чехле, колчан на тридцать стрел, за поясом два кинжала.

Пригнувшись, человек пробежал несколько шагов и замер. С шумом вспорхнула пустельга. Воин чуть улыбнулся: «Вспугнул...», — и продолжил путь.

Чем ближе к оврагу, тем тише подкрадывался охотник. Только чуть заметное волнение ковыля выдавало его присутствие. На полпути он остановился и прислушался. Ничего, лишь шелест листвы да стрекот кузнечиков.

Подкравшись к оврагу, воин снова застыл. Она точно там — наложница кагана Хайсы, владыки адрагов, считавших себя единственными хозяевами необъятных степей Нижнеземья, венежанка Млада, убежавшая прошлой ночью из их становища на правом берегу реки Крин. Ее лодку нашли наутро в зарослях осокоря, чуть ниже по течению. Девушка ушла далеко, но пущенный по следу нукері Улещ, или, как его чаще звали, Унэгіі не торопился. Он не должен ее спугнуть, иначе она убьет себя.

Унэг услышал усталое, с присвистом, дыхание наложницы. Она бежала весь день. Бежала бы и ночью, но силы покинули ее. Тело ломит, во рту пересохло, и страх притупила

апатия после дня долгого пути по изнуряющей жаре. Точно так же сдается загнанная косуля после долгого преследования. Хотя нет, звери дольше сопротивляются. Люди слабее.

Еще немного, глаза ей смежит сон, и она уснет прямо на холодной земле, на жухлой листве, среди кривых корней, стелющихся по склону. Он подождет. Он знал, что наложница в его руках. Работа выполнена. Всё как всегда. Эти рабы глупы, словно овцы. На что они надеются, когда осмеливаются на такое? Унэг не знал и не хотел знать. Ему было всё равно.

Прислушиваясь, кочевник встал и, приготовив аркан, подкрался к беглянке. Какое-то время воин разглядывал девушку. Действительно прекрасна.

Спустя мгновение он опомнился. Она принадлежит Хайсе, этому потному, вонючему и слюнявому обжоре, и Унэг вернёт ее. О том, что будет дальше, он старался не думать.

Воин наклонился к наложнице и быстро выдернул нож из-за ее пояса. Девушка проснулась и замерла.

Почему-то она ожидала увидеть именно его — хмурого, молчаливого, загадочного. Смуглое лицо, словно высеченное из камня; нос сломан и слегка свернут набок, тонкие губы твердо сжаты, а глаза...

Черные глаза задумчиво, бесстрастно осматривали ее. Млада так и лежала, не в силах пошевелиться от ужаса, и Унэг спокойно связал ей руки.

— Убей меня, прошу, — произнесла она. Слеза стекла по щеке. — Убей, прошу тебя, багатур.

— Вставай. Пошли. — Он потянул пленницу за собой.

Выбравшись из оврага, Унэг крикнул. На зов прискакал конь. Громко всхрапнув, он ткнулся в плечо хозяина

— Я здесь, Эдаар, здесь. — Унэг потрепал коня по гриве.

Ночь незаметно накрыла степь темным одеялом. Последние лучи солнца окончательно угасли, и на небе появилась бледная луна.

— Мы переночуем здесь.

Унэг развел костер. Другой конец аркана, которым кочевник стянул руки девушке, он привязал к своему поясу.

— Скажи что-нибудь, — взмолилась Млада. — Пожалуйста.

Унэг молчал, глядя на огонь. Он отломил кусок пшеничной лепешки и протянул девушке.

— Поешь.

— Зачем? — едва слышно спросила она. — Зачем мне есть? Разве не на смерть ты меня поведешь? Не лучше ли поскорей умереть?

— Ты мне надоела, женщина. — Унэг нахмурился, потом сказал: — Хорошо. Скажу так. До твоей смерти еще полтора-два дня. Проживи их достойно. Ешь. Умереть от голода я тебе не позволю. Если надо, затолкаю еду тебе в глотку.

Девушка внимательно посмотрела на него. Она хотела что-то сказать, но передумала. Резко выхватила лепешку и начала яростно жевать. Унэг усмехнулся.

Костер потрескивал. Унэг лениво отмахивался от мошкары и задумчиво изучал девушку, торопливо поедавшую лепешку и бросавшую в ответ косые взгляды.

— На что ты надеялась? — вдруг поинтересовался он. — До ближайшей слободы дней десять пути по голой степи. Это в лучшем случае... Вряд ли бы ты выжила. И... насколько я

знаю, твой отец... Он ведь отдал тебя Хайсе? Как бы он принял тебя обратно?

— Почему это тебя интересует? Тебе не все ли равно? Твой хозяин прикажет убить меня, дрогнет ли тогда рука твоя?

— Ты права. — Он отвернулся. — Мне все равно. Лягу спать.

— Вот и заткнись! — Млада вскочила на ноги. — Я не боюсь тебя, багатур! Почему ты отворачиваешься? Злишься? Хочешь узнать, на что я надеялась? Так? И я скажу — я надеялась на смерть! Да! Лучше смерть в степи, лучше пусть загрызут меня волки, это много лучше, чем жить среди вашего поганого племени! Да издохнете вы все!

Унэг исподлобья взглянул на девушку и дернул веревку, отчего пленница упала на колени.

— Не шуми, — сказал он. — Я не причинял тебе зла.

— Ты... ты? — Голос ее надломился.

— Успокойся.

Млада так же внезапно смолкла. Сгорбилась. В какой-то миг кочевнику стало жаль беглянку. Всего на миг.

Ветер стих, и равнина ожила. Пение сверчков, крики ночных птиц, шорох травы, далекий-далекий волчий вой — все звуки слились в один неповторимый, вибрирующий шум ночной степи.

Они долго молчали. Унэг подбрасывал хворост в огонь, Млада лежала на боку, положив голову на седло.

— Прости меня, — неожиданно произнесла она. — Я... я не хотела.

Девушка села и сказала:

— Наверное, ты хороший человек. — Она вздохнула, как бы собираясь с силами. — Выслушай меня, багатур. Я не могу держать в себе все это.

— Говори, — сухо бросил воин.

— Спасибо. — По щекам девушки потекли слезы. — Сейчас... я не буду плакать. — Но непослушные слезы все равно лились. — Всё. Я буду говорить. Да, мой отец отдал меня в рабство Хайсе в обмен на обещание мира. Прошел год с тех пор, и я... не знаю, как к этому относиться. Я как-то слышала, что отец сильно болен. Он умирает. И мне его жалко. Да, жалко, — повторила он с тенью недоверия. — А ведь... сколько проклятий вырвалось из моих уст. Я так ненавидела его, а теперь вот... жалею.

— Глупо жалеть человека, предавшего тебя, — заметил Унэг.

— По-вашему, это так, — сказала Млада. — По-вашему, и женщина ничего не стоит. Женщину можно насиловать, убивать, особенно если она с севера, из нашего народа. Меня втапывали в грязь все кому не лень. Все это время на меня плевали все, от нукера до раба. И я скажу тебе! — Она выпрямилась, и глаза ее гневно сверкнули. — Твой Хайса ни разу не был мужчиной! В прямом смысле этого слова!

Воин удивленно вскинул бровь, но промолчал.

— На моей родине женщин уважают, — продолжала она. — Мы даем новую жизнь. Но вы не такие. Женщина для вас утроба. Бесправная тварь. Твой Хайса никогда не был мужчиной, он только пил вино и аракии и смотрел, как этот проклятый Буреп меня насиловал. Каждую ночь. Каждую ночь! Не веришь? Тебе показать синяки у меня между ног?

Воин был невозмутим.

— Не хочешь слушать? Но ваше племя такое. Вы такие — закрыть глаза, и всё. Я сама сколько раз видела, как какого-нибудь славного в прошлом воина убивали, как только он

оказывался обузой. Помнишь Беара? Этой весной, в дни половодья, он сломал ногу на охоте, и той же ночью его отвезли в поле и бросили там, как собаку. Разве так поступили бы мы, венеги, с таким багатуром, каким был Беар? Сколько лет он прослужил Хайсе? Сколько врагов он убил?

Слова венежанки больно ранили Унэга, но он не выдал себя.

— Я знаю, тебе не нравятся мои слова, — безжалостно продолжала Млада. — Но перед смертью я все скажу. Скажу Хайсе в лицо. И тебе скажу! Тебя ждет такой же конец. Помни об этом, багатур. И я рада, что зарезала Буреба. Рада, что он наконец подох.

— Лучше бы ты утопилась...

— Я знаю, что со мной будет, багатур. Я готова.

— Зачем тогда бежала?

— Надеялась.

Девушка смолкла и взглянула на кочевника. Их взгляды на миг встретились... и торопливо разошлись.

Воин лег на спину и долго смотрел на ночное небо. Он знал, она тоже не спит.

Рассвет едва-едва успел рассеять сумрак первыми робкими лучами, когда Унэг отправился в путь.

День выдался жаркий. В хрустально-чистом небе ярко светило летнее солнце. Парил пух ковыля.

Они шли целый день, с редкими перерывами. В них Унэг неизменно делил с Младой лепешку и воду. Солнце нещадно жгло девушке голову. По-прежнему связанная, пленница обреченно брела вслед за Эдааром, на котором воин восседал прямо, как скала.

К вечеру измученная девушка еле передвигала ноги. Голова у нее кружилась, глаза слезились, потрескавшиеся губы кровоточили, стиснутые грубой веревкой запястья саднили. В сапогах обнажились мелкие гвозди, исцарапавшие пятки. Она держалась из последних сил.

На закате Млада упала, не в силах больше подняться.

Унэг остановился на ночлег в узкой балке, по дну которой протекал наполовину заросший рогозом ручей. Млада совсем чуть-чуть не дошла до ручья, Улеш донес ее на руках.

Все тело девушки, особенно ноги, болело и ломило. Забываясь тревожным сном, она видела, как воин снял ей сапоги и приложил к израненным ступням какие-то травы. Он напоил и умыл ее водой из ручья. Его шершавые руки пахли костром. А потом кочевник исчез, и...

Ее братья и сестра, смеясь, смотрели на нее...

Я дома...

Конечно же, я дома! Как хорошо дома!

Пахнет просмоленной избой, свежескошенным сеном. Густой туман окутывает град. От росы промокли ноги, но Млада бежит по тропинке, вниз, к прохладной реке, посмотреть на зародившееся в темном массиве их древнего леса свежее, веселое утро...

Она проснулась очень рано, от холода. Совсем окоченела. Унэг жарил на костре перепела. И, едва увидев его, девушка заплакала. Щемящее чувство тоски овладело ею. Она больше не могла сдерживаться ни минуты. Твердость, терпение покинули ее. Девушка долго рыдала, уткнувшись лицом в траву.

Унэг вставил в сапоги пленницы стельки, вырезанные из куска войлочного потника.

— Нам осталось полдня пути, — сказал он. — Крепись.

Млада больше не проронила ни слова.

Степь сменилась покатою долиной. Внизу, за редкими деревьями, блестя на солнце, нес свои темные воды Крин. Река, в которой немало растворилось крови венегов и степняков.

Унэг беспокойно поглядывал на Младу. Вчера вечером он испугался за нее. Но сегодня пленница шла уверенней. Это хорошо. Он доведёт ее до становища. Однако на душе у него было скверно. Все время, пока она брела позади, он боролся с чувством вины, жалости и еще чего-то... Кочевник раздраженно качал головой, отгонял крамольные, в общем-то, мысли, но эта глухая смута не давала ему покоя. Они ехали, ехали, останавливались отдохнуть, и так целый день. Он отводил глаза, он боялся на нее посмотреть.

Спустившись к реке, Унэг увидел приближавшегося к ним всадника. Это был Берюк, старый нукер из дружины каганаiv, одетый, как всегда, по-боевому: кольчуга, шлем с бармицейv за спиной щит, в руке — длинное копьё.

— Ты не меня ждешь, Берюк-гай? — спросил его Унэг.

— Давно тебя жду. — Берюк хищно взглянул на Младу, обнажив почерневшие зубы, и легко ткнул ее в грудь копьем: — Сегодня ты умрешь, дочь шакала. Слышишь?

Млада отшатнулась.

— Оставь ее, — холодно сказал Унэг. — Едем к переправе.

Они спустились к илистому причалу, скрытому в зарослях тальника. Там сидели круглолицые скуластые парни. Они играли в камни и громко кричали. У берега покачивался широкий плот из грубо подогнанных друг к другу бревен. Увидев, кто к ним прибыл, парни испуганно вскочили.

— Что встали? — рявкнул Берюк. — Вот ты, да-да, ты, подойди ко мне, подойди, сын шакала.

Толстый юноша с глуповатым выражением на лице послушно подошел. Берюк хлестнул его кнутом.

— Переправьте нас на тот берег! — Еще один удар. — Переправьте! Живее, псы!

Старый кочевник скакал среди суетившихся ребят, визгливо орал и продолжал их избивать. Унэг равнодушно смотрел, жуя соломинку. К таким сценам он привык. Возраст несколько не смягчил Берюка.

На том берегу они почти сразу же наткнулись на три изувеченных трупа. Мертвецы валялись друг на друге, будто мешки с зерном, облепленные мухами и слепнями. Один из них смотрел в небо широко открытыми остекленевшими глазами, оскалив рот в жуткой усмешке.

— Хорошо позабавились мы вчера, — ухмыльнулся Берюк.

— Кто это? — спросил Унэг.

— Рабы Мергена.

— Мерген здесь? Что он здесь делает?

— Повелитель его призвал, — все так же плотоядно скалясь, ответил Берюк. — Вчера, когда солнце только коснулось северной стороны, Мерген прискакал с тысячей воинов. Все хотят войны, — многозначительно добавил он.

— За что их убили?

— Ни за что. Мерген отдал нам этих собак просто так, чтобы, хе-хе, позабавиться.

Венеги — они что тухлое мясо. Только червей кормить.

Унэг искоса взглянул на пленницу — взгляд устремлен вниз, посиневшие губы что-то шепчут и шепчут. И снова на него нахлынула волна жалости к ней.

«Да что со мной? — подумал он с досадой. — Поскорей бы дойти и отдать ее, ведьму...»

По равнине неслись лошади, поднимавшие тучи пыли. Около табуна с лаем носились косматые собаки. За ними неспешно ехал табунщик с длинной палкой в руках.

Вскоре показалось крупное селение, в центре которого высился шатер кагана с развевающимся черно-красным бунчуком.

Вдоль дороги валялись разбитые телеги, куски обрешетки юрт, треснутые казаны, истлевший войлок, кости домашних животных и другой мусор, которого становилось все больше по мере приближения к становищу.

Ханская стоянка встретила вонюю навоза, кухни, шкур и человеческих отходов, а также бляением овец и лаем собак. Начиналось поселение с обширных загонов для скота. За ними теснились наскоро выстроенные грязные шалаши — жилища самых бедных степняков. Их обитатели равнодушно смотрели на воинов с пленницей, перед которыми с шумом и гиканьем носились пузатые полуголые, кривоногие дети, белые от покрывавшей их мелкой воздушной пыли.

Чем дальше, тем богаче становились дома кочевников. Убогие шалаши сменились широкими майханами из смазанного жиром войлока. Майханы украшали козлиные рога с развешенными на них кусками сушеного мяса и предметами домашней утвари. Вокруг главного шатра, стоявшего в центре большой площади, расположились украшенные орнаментом юрты самых влиятельных родов Орды.

Здесь царило оживление. Женщины и дети, едва завидев пленницу, раздражались проклятиями, кидали в нее камни и плевались. Девушка прикрывалась связанными руками и пряталась за Эдааром. Берюк, шипя, точно змея, копьём отгонял ее назад, повторяя излюбленную фразу про дочь шакала.

Рядом с цветастым шатром кагана стоял навес, под ним — длинный стол. За столом важно восседали местные богачи — дарханы, а также нукеры — самые искусные воины. Во главе, в глубоком кресле, покрытом шкурами, восседал тучный сонный мужчина с седой окладистой бородой и большой плешью, одетый в синий халат с шелковой каймой и пятнами жира на груди.

Унэг спрыгнул с коня, схватил Младу за локоть, подошел к вождю и низко поклонился: — Твоя наложница, повелитель!

Хайса глянул на пленницу налитыми кровью глазами. Он тяжело дышал, словно его тошнило. Справа от него сидел молодой статный человек с черными, заплетенными в тонкую косу волосами и с холодным блеском в глазах.

— Отец, — начал он.

— Помолчи, Барх. — У Хайсы был грубый, булькающий голос. — Я еще не сошел с ума, на что ты давно надеешься. Налей мне вина, Соян.

Слуга послушно налил вино в пузатую глиняную чашу. Барх, сжав губы, опустил глаза. Хайса шумно выпил, пролив несколько капель на бороду, швырнул чашу на стол, болезненно вздохнул и схватился за бок. Гости безмолвно наблюдали за ним, никто не ел и не пил.

— Спасибо тебе, Унэг-гай, — немного отдышавшись, с усилием выговорил он. — Я знал, ты ее приведешь.

Хайса запальчиво схватил тарелку с козым сыром, намереваясь запустить ею в девушку, но острая боль пронзила его, и он бессильно откинулся назад. Тарелка упала и разбилась. Барх нахмурился. Отдышавшись, Хайса сказал:

— Посмотри на меня, грязная сука. Ты лишила меня моего мальчика, забрала у меня сына, мою гордость, родную кровь зарезала! Ножом по горлу. Ножом, сука! А ведь ему исполнилось всего восемнадцать. Восемнадцать! Бурейбай! Бурейбай... Выпейте за него, верные мои слуги.

Гости подняли кубки и выпили. Никто не сказал ни слова.

— Унэг, — тихо сказал Хайса.

— Да, мой господин.

— Веди ее. Покончим с этим.

Опять Унэг вел свою пленницу. Вел на запад, туда, куда заходит солнце. Он медленно ехал сквозь возбужденную толпу, и руки его дрожали.

«Опять, — думал он. — Опять это проклятое наваждение. Что за злой дух меня мучает? Почему мне так тяжело сейчас? Что она со мной сделала?»

Унэг старался не показывать, что нервничает, но сердце отчаянно билось. Млада брела позади, совсем рядом, он чувствовал ее страх так, будто сам шел на казнь.

Она дрожала, ноги подкашивались, глаза, полные слёз, ничего не видели, кроме грязно-желто-серых пятен. Их проклятия слились в сплошной гул. Кто-то подбежал к ней и ударил палкой. Она упала на землю.

— Вставай, шлюха! — еще чья-то палка нестерпимо больно врезалась в бок.

— Сука проклятая! Убийца!

— Пусть загрызут тебя демоны!

Унэг ждал. На лбу выступил пот. «Вставай же, прошу! — мысленно взмолился он. — Вставай! Умри достойно, умри же поскорей, избавь меня от всего этого, несчастная!»

Унэг потянул за веревку. Млада, хрипя, поднялась и послушно пошла туда, где должна была свершиться казнь.

Посреди пустыря имелось небольшое углубление — около четырех шагов в диаметре, — где стоял покрытый бурыми пятнами столб. Дно выемки было усеяно мелкими камнями, и от него жутко несло мертвечиной. Чуть в стороне от орущей толпы стояли всадники, среди которых выделялся богато одетый рыжеволосый мужчина средних лет с иронично прищуренными глазами.

Унэг остановился и бросил свой конец аркана на землю. Он не сразу понял, что Млада смотрит. Вывалинная в пыли и навозе, с копной свалывшихся волос, в разорванной рубаше, исцарапанная, избитая, она была все так же красива, как и всегда. Как и тогда, когда он увидел ее впервые: та же бледная шелковистая кожа, чистое, одухотворенное лицо. Она смотрела на него, ее губы что-то шептали...

— Прощай... — Унэг точно проснулся, и слова девушки обдали его, как свежесть утреннего ветра.

Из толпы выскочил парень, разорвал на ней рубашу. Млада инстинктивно прикрылась связанными руками, но тут веревка натянулась, повалив ее в пыль. Несколько человек, толкаясь и возбужденно крича, потащили жертву по земле. Рыжеволосый смеялся, поглядывая на нее и беззаботно беседуя со спутниками.

Поучаствовать в казни собралось все становище. Настоящий рёв разносился по степи.

Младу привязали за шею к столбу, руки стянули за спиной.

Секунда, вторая...

С севера медленно надвигались тучи.

Третья...

Повеяло едва ощутимой прохладой.

Четвертая...

Млада смотрела на небо...

Град камней, больших и маленьких, обрушился на нее. Девушка металась, точно дикая кошка, крупные капли крови шлепались на сухую землю...

И тут рев обезумевшей толпы перекрыл судорожный, рваный крик Млады:

— Хайса! Хайса, проклятый! Ты умрешь! Я приду за тобой, Хайса!

Рыжеволосый вздрогнул. Натянута улыбнулся, что-то сказал своим. Всадники развернулись и ускакали.

Окровавленная, со сломанными зубами, с разбитыми в клочья губами девушка еще мгновение стояла на коленях. Окровавленными глазами словно смотрела куда-то. Может, молилась? Умоляла богов о мести? Сбитая очередным булыжником, угодившим в висок, наконец рухнула на залитое ее кровью дно позорной ямы и затихла.

Унэг устало брел мимо юрт, переступая через канавы с нечистотами, мимо деревянных рам с подвешенными на них кожаными мехами с кумысом. Он словно пребывал в трансе, ничего не замечая; его шатало, кожа на лице горела, будто опаленная огнем.

А потом он остановился. Пелена сошла с глаз, он увидел потемневшее от пепельно-синих туч небо и с непередаваемой горечью вздохнул.

«Умерла...»

Млада так и лежала там, обхватив посиневшими переломанными руками забрызганный кровью столб. Три пацана, смеясь и корча друг другу рожи, кидали в нее камушки. Какая-то женщина зычно окликнула их, и они убежали.

Спускались сумерки. Начал моросить дождь. Дождь падал на мёртвую, стекая по спине грязными ручейками, размывая бурые пятна на песке. Усиливался, заполнял яму черной жижей, скрывая под ней венежанку Младу.

Шайна приоткрыла полог, за которым находился он, этот ужасный человек. Все женщины называли его просто хозяином. Толстый, обнаженный, с волосатой грудью, он лежал на нескольких матрацах. Голова обессилена покоилась на многочисленных маленьких подушках. Из-под одной, в изголовье, выглядывала рукоять меча. Вокруг валялись чаши, бутылки, кувшины. В ярко освещенной солнцем опочивальне Хайсы жутко воняло мочой, вином, потом и еще неизвестно чем. Сам он спал. Сон был тревожен: хан вздрагивал, хрипел, заплеванная рвотой грудь судорожно вздымалась.

— Омойте его, — шептала на ухо Шайне и еще одной девушке, по имени Марджан, злая Айял. — Давайте же.

У Шайны душа ушла в пятки. Она безумно боялась хозяина. Вместе с Марджан Шайна стискивая полотенце, осторожно подошла к нему. Он приоткрыл поросычьи глазки.

— У-уфф... — выдавил он.

Обе девушки застыли.

— Идите сюда... Ближе... еще ближе...

— Господин?

— Вина...

Девушки переглянулись.

— Вина!!! — заревел Хайса, достал меч и взмахнул наотмашь. Марджан успела закрыть лицо ладонями, и клинок полоснул по запястьям, оставив глубокие порезы. Кровь брызнула, попав на ханское брюхо.

— Хорошо, сейчас, — поспешно сказала Шайна и, обхватив подругу за плечи, попятилась.

За пологом ждала Айял.

— Бери, — сунув Шайне кувшин, сказала она. — Иди. Влей ему это пойло прямо в глотку. Пусть подавится.

— Пожалуйста, не надо... — попыталась возразить она, глядя, как по полу растекается кровь.

— Не спорь, иди. — После непродолжительной борьбы Айял толкнула девушку так, что она, влетев в опочивальню, споткнулась, упав прямо на хозяина и уронив кувшин.

Вино смешалось с кровью.

Хайса никак не отреагировал. Чувствуя, что ее сейчас стошнит, Шайна отбежала и с опаской взглянула на него.

Хан кочевников Хайса неподвижно лежал на спине. Глаза на мертвенно-бледном лице неестественно широко раскрылись. На лбу вздулись вены. Рот был открыт, переполненный переливавшейся через край комковатой слизистой массой...

i **Нукер** — элитный воин.

ii **Унэг** — лис. В именах кочевников ударение, как правило, падает на последний слог. В исключительных случаях ударения будут указаны (например, Хайса).

iii **Арак** — алкогольный напиток из перебродившего кобыльего молока.

iv **Каган** — хан ханов.

v **Бармица** — кольчужная сетка, обрамлявшая шлем снизу.

2. Помню твой смех

В просторной темной комнате с заросшим паутиной потолком и почерневшими бревенчатыми стенами, на широком дубовом ложе вытянулся укрытый шерстяным одеялом старик. На столе чадила толстая оплывшая свеча. Огонек нервными бликами играл на дряблой, покрытой пигментными пятнами коже. В углу сидела на табурете девка в белом платке. Руки нервно теребили передник. Старик судорожно глотал беззубым ртом воздух и сухо кашлял.

— Эй! Кто там? — спросил он дрожащим, затхлым голосом. — Подойди сюда...

Девка, кланяясь, громко и неуклюже протопала по скрипящим половицам.

— Чего вам, ваше величество?

— Зачем... зачем так гремишь, дура? Прикажу вот выпороть...

— Простите, ваше величество...

Старик, хмуря всклокоченные брови, водил по сторонам глазами. Он был слеп.

— Где ты? Дай мне руку. Дай... руку. Молодые пальцы... Хе-хе... Мягкие, теплые. И сама ты, верно, ничего...

Старик обессиленно выпустил ладонь и закрыл глаза. Девка, согнувшись в поклоне, так и стояла у одра, не в силах пошевелиться от страха.

— Где мой сын? — внезапно сказал он. — Где Горыня? Где Искра?

— Искра где-то здесь, во дворе... — пролепетала девка.

— А Горыня? Где он? Опять пьян?

— Не знаю, ваше величество...

— Так позови их, — велел старик. — Всё, иди вон... бестолочь.

Искра сидела на ступеньках высокого резного крыльца, ведущего в покои отца, князя Волчьего Стана Вятко, что уже который месяц валялся в спальне, тяжело и неизлечимо больной. Она смеялась, слушая спор двух людей во дворе. Яркое солнце золотило ее пышные волосы, веером рассыпавшиеся по плечам.

— Да что ты буробишь, глупая баба! — восклицал княжеский десятник по имени Девятко — жилистый мужик с пышными усами. Он сидел на пне и кинжалом выстругивал из дерева какую-то фигурку. — Не было этого никогда.

— Тебе всё не было, — ворчала Белка, кухарка. — А я знаю. Точно знаю. Клянусь Матерью-Хранительницей. Щека еще в позапрошлом году рассказывал то же, и Рахтай — Рахтай-то от чего помер?

— От пьянства...

— Ничего не от пьянства, скажешь тоже... Вот клянуся, клянуся Матерью-Хранительницей! Павно своими глазами видел! Он теперь даже заикается! Как выскочил выверь! Прямо из ниоткуда выскочил, чертяка... Манька его клялася, а я Маньку ево уж скоко знаю! Точно было!

— Как же, клянись, глупая баба, клянись, — сказал Девятко, не поднимая головы. — Пятьдесят зим прожил на свете, и никакого выверта здесь отродясь не было...

— Тьфу ты, дурак! Да ведь весь Стан знает!

Девятко насмешливо покачал головой.

— Да что с тобой спорить! — Белка сплюнула, развернулась и пошла к стряпной избе,

плавно покачивая бедрами.

— Выверт! — сказал Девятко. — Что за ерунда!

Искре нравилось, когда говорил Девятко, его степенные рассуждения всегда поднимали ей настроение.

— Якобы выверт стянул дитя новорожденное у Павно прошлой ночью, — ворчал он. — Слышь меня, красавица?

— Да, дядька.

— Что скажешь?

— Не знаю, дядька, — ответила Искра, шуря глаза на солнце.

— Вот-вот, и никто не знает. А я — знаю. Сказка это. Про выверта. Треплют языком, а чё треплют? Хоть бы подумали, что это за чудо такое — выверт. А это чудо не наше. Из Марна. Кажись. Иль нет? Может, и из Залесья оно...

— О чем ты, дядька? — спросила Искра.

— Да вот не вспомню, откуда слух-то сей...

— Про кого, про выверта?

— Да, про него... Кажись, все-таки из Залесья она, эта сказка. Легенда. Или нет? Эх память уже не та... Нет, конечно, понимаю, что Шагра зовётся Лесом Мертвяков, но...

— Госпожа... — прозвучал позади робкий голос.

Искра обернулась. Нянька отца едва взглянула на княжну и тут же потупила глаза. «Слишком уж робкая, — подумала Искра. — Дурёха».

— Что ты, Любава? — поинтересовалась она.

— Батюшка вас зовет...

Всё веселье мигом улетучилось.

— Хорошо, иду, — сказала Искра, хмурясь.

— И брата вашего тоже! — добавила нянька.

— Я не знаю, где он! Наверное, как всегда, браги набрался и лежит под какой-нибудь берёзой!

Вятко беспокойно дремал. Искра подошла к нему, присела на край ложа, отвернулась и стала ждать.

— Я слышал, как ты вошла. Только не услышал шаги сына.

— Оставьте, — резко ответила Искра. — Мне все равно. Я не собираюсь его искать.

— Дай мне свою ладошку, доченька... — Князь протянул руку.

— Не дам. — Искра отодвинулась дальше.

— Всё капризничаешь, — устало вздохнул князь. — Капризничаешь...

— Чего вы хотели? — холодно спросила она.

— Узнаю этот тон. Знаю, как сердишься ты. Губки твои плотно сжаты, и смотришь ты не на меня... Да и не надо. У тебя острый взгляд, Искра, уж я-то помню. Злость тебе не к лицу.

Искра молчала.

— Где Горыня? — повторил князь. — Без него не могу сказать...

Девушка с детства недолюбливала отца. Как, впрочем, и многие. Но в последний год она его возненавидела, даже несмотря на болезнь, так неожиданно подкосившую еще не совсем старого человека (этой зимой князю стукнуло шестьдесят).

Скрипнула дверь. Вошел, пригнувшись, Горыня. На румяном лице топорщилась рыжая

борода. Глаза — красные и опухшие. Широко и небрежно шагая, он подошел к кровати и прогрохотал:

— Здорово, батя! Чего надо?

Вятко усмехнулся.

— Трезв, кажется. Хе-хе...

— Отец, — спросила Искра, — вы скажете, наконец...

— Скажу, скажу. Искра, ты ведь созрела уже. Я ведь слышу твой запах... Так пахнут женщины...

Искра вскочила с места.

— Сядь, успокойся, — опередил ее князь. — Сначала выслушай, потом скажешь. Я обещал тебя выдать замуж за Андрея, сына северского князя Мечеслава? Обещал, давно обещал... Время пришло, дочка. Не кипятись, не кипятись... Горыня!

— Слушаю, батя.

— Возьмешь сорок воинов, или около того, и всё что надо. Приданое, слуг... в общем, позаботься об этом. Здесь останется Будивой. Он храбр и опытен, справится. Езжайте, вас ждут.

— Нет! — крикнула Искра. — Хочешь продать меня, как ты продал Младу?

Князь, услышав эти слова, зашелся в кашле.

— Оставь, сестра, — проговорил Горыня, положив ладонь на ее плечо. — Не надо. Пойдем.

Оттолкнув брата, Искра выбежала из комнаты. Горыня посмотрел ей вслед, вздохнул и сказал:

— Я понял, батя. Я всё сделаю. Отвезу. Но... но напоследок, уж позволь, скажу тебе, *отец*, — он выделил последнее слово. — За Младу, сестренку, не прощу. И никто не простит. Ни один венежанин. Это на прощанье. Надеюсь, не увидимся более.

Вятко презрительно скривил губы. Он хотел в очередной раз объяснить этому глупому увальню, что тот не прав, но... Горыня ушёл, оставив его наедине с прожитой жизнью. Князь вытирал слезящиеся слепые глаза и глухо бормотал:

— Божежко Вышень, проклятый, ты там, на небе, плывешь среди облаков, всё, вроде, видишь. Что ж молчишь-то? Иль осуждаешь меня, как и все? Хе-хе... Осуждай, осуждай. Наверное, так и есть, раз я с зимы здесь лежу да никак не подохну. Но я не в обиде. Придёт время, они поймут. Придёт...

Вечером Искра печально брела вдоль покосившегося, заросшего плющом и малинником забора, окружавшего княжеские хоромы, возвышавшиеся в центре Волчьего Стана. Град стоял на большом продолговатом острове, разрезавшем реку Крин надвое.

По ту сторону изгороди теснились терема богатых горожан, летние клетки, хозяйственные постройки, сараи, доходившие до самой воды. Когда-то обнесенный частоколом по всему периметру, с четырьмя сторожевыми вышками, Волчий Стан, главная крепость на пути степняков в Залесье, нынче представлял жалкое подобие прошлого. Частокол местами обрушился, где-то вовсе ушел под воду. Из четырех вышек осталась одна, на которую никто не осмеливался забираться. С высокими покатыми берегами большой земли столицу княжества соединяли два бревенчатых моста — сваи почернели и густо обросли водной растительностью. Ворота отсутствовали, и на их месте выросли торговые ряды, у которых вечно толкался разнородный люд. На большой земле жили бедняки,

приехавшие из удаленных слобод и крепостей, цепью стоявших на пограничье.

С севера к городу подступала дремучая чащоба — Шагра. Лес Мертвецов в простонародье. С юга на много верст вдаль тянулась степь.

Волчий Стан запаршивел. Зарос сорняками и крапивой. Владения — сожженные и разоренные прошлой весной деревни. И над всем этим витал дух мучительно долго умиравшего князя Вятко, с его грехами и тщеславием. Когда-то давно он отравил брата, чтобы захватить власть. Потом так же отделался от первой жены за то, что она рожала ему слабых детей, умиравших в младенчестве. Мать Светозара, Млады, Светлогора, Горыни и Искры князь, по слухам, избивал. Когда Искра была еще крохой, мама ушла. Сбежала ночью, и с тех пор ее не видели. Это по словам отца. Почему-то никто не кинулся ее искать. Чем старше Искра становилась, тем больше замечала, что история та находится под негласным запретом. Что случилось той злопамятной ночью, не рассказывал даже Девятко.

А прошлой весной Вятко отдал на откуп степнякам Младу, родную дочь.

Что с сестрой? Жива ли? Помнит ли о ней? Искра часто вспоминала ее холодный, где-то даже надменный взгляд, скупые движения, молчаливость. Искра всегда пакостила старшей сестре, но Млада никогда не ругалась. Она была ей как мать, которую они не помнили.

Искра тосковала по сестре.

Девушка слышала голоса — под живописным узловатым дубом, за длинным щербатым столом пиновала дружина брата. Искра остановилась за плетеной изгородью. Трактирщик с мальчишкой-служгой суетились, подливая мужикам вина. Дружинники орали, гремели деревянными кружками, сквернословили, бросали собакам обглоданные кости. Те кружились тут же, среди разнообразного мусора: глиняных черепков, рваных сапог, чьих-то доспехов, листков квашеной капусты.

Горыня спал, положив голову на стол. Уже набрался. И дня не проходило без этого. Пускай — ей, если честно, плевать. Они никогда не были близки. Если он и вспоминал сестренку, то крайне редко.

Огромный воин, которому ужасный багровый шрам, пересекавший лицо, придавал свирепый вид, хрипло ругался. Искра улыбнулась, глянув на него. Несмотря на устрашающую внешность, в десятнике с подходящим его наружности именем Злоба было что-то привлекательное, может, даже душевное. Еще один десятник, Черный Зуб — смуглый улыбающийся богатырь — заметил Искру и помахал рукой. Чуть раскосые глаза и почти черная борода говорили о том, что кто-то в его роду был выходцем из степей. Искра смутилась и поспешила уйти, пока ее братца не разбудили.

Девушка незаметно спустилась к реке, туда, где в мутную речную гладь врезался небольшой мостик. На нем, свесив ноги в воду, сидел брат Светлогор. Девушка сняла сандалии, тихонько подошла к нему и, обхватив его руку, прижалась к плечу.

— Добрый вечер, братец мой родной, — прошептала она и поцеловала в щеку.

Светлогор повернулся к ней, улыбнулся и продолжил свое занятие. У него на коленях лежали палочки и листочки. Нахмурившись, он сосредоточенно их перебирал, откладывая некоторые в сторону. Искра взъерошила его волосы и с нежностью проговорила:

— Как ты похож на нее... Когда я смотрю на тебя, у меня так больно сжимается сердце. Я знаю, ты тоже думаешь о ней. Ты веришь, что она вернется? Ты же чувствуешь, ты всё понимаешь. Ты всегда был рядом с ней.

Светлогор не обращал на нее внимания.

— Молчишь... Теперь ты молчишь. А я помню, помню твой смех и твой голос, когда ты повторял за Младой ее слова...

Искра вдохнула его запах — легкий запах пота, дыма и сосновой смолы. Она всматривалась в его глаза, и иногда ей казалось, что там, внутри него, сидит она, его сестра-двойня Млада, и смотрит на младшую всё понимающими глазами...

Светлогор молчал. Он всегда молчал. К сожалению, бог, тот самый, ведающий всеми тайнами бог Солнца и Ясного Неба Высень, не наделил парня разумом. Светлогор родился слабоумным. Он всегда был замкнут в себе, ни на что не реагировал, не разговаривал, и только Млада являлась тем единственным человеком, кого он... видел и кому радовался.

Тот день, когда степняки уводили Младу, для Светлогора стал самым тяжелым в жизни. Он рвался к ней, но цепкие руки стражников не пускали несчастного. Он отчаянно кричал, и слезы залили искаженное горем лицо. Вятко, дрожа от ярости, несколько раз ударил сына рукой, одетой в кольчужную перчатку.

— Уберите его отсюда! — срываясь на визг, орал он. Птичье лицо князя побагровело, глаза налились кровью. — Бросьте его в темницу, что ли! Жаль, я не удавил этого недоумка в детстве...

Венежане, глядя на беснующегося князя, этого маленького, щуплого человека, шепотом изрыгали проклятья и с тяжким грузом на сердце расходились по домам.

С тех пор Светлогор еще сильнее замкнулся в себе. Превратился, как говорили становичи, в дерево. Сидел на берегу, покачивался, будто волнуемый ветром, до тех пор, пока слуги не уводили его домой, чтобы покормить и уложить спать.

— Я хотела попрощаться с тобой, братец, — сказала Искра. — Пусть ты не слышишь меня, но все же... Я люблю тебя. Ты один у меня, единственный...

Искра смахнула слезу и, выпрямившись, добавила:

— Но я вернусь за тобой. Я постараюсь. Обещаю. Если все будет хорошо...

Светлогор во второй раз посмотрел на сестру и опять погрузился в свою тихую-тихую жизнь, где он был один, куда не пускал ни единое живое существо...

Наступил день отъезда. Весь град собрался на площади — плотно утоптанном круглом месте, посередине которого, на насыпном валу, стоял слегка накренившийся, потрескавшийся деревянный идол; рядом виднелись следы кострища. Идол изображал бородатого дядьку, маленькие глазки-булавки почти скрылись под грозно свисающими бровями. То и был Высень, или бог-Отец, которого, наряду с еще одной богиней, богиней-Матерью, или Матерью-Хранительницей, больше всего почитали венеги Подлесья. Со временем идол обветшал, черты лица стерлись, но вокруг него всегда лежали свежие цветы.

Из ворот княжеских хором выехали три крытые повозки. На козлах сидели дворовые холопы, три брата-близнеца: Воропай, Мартын и Труха. В первых двух повозках лежали щедро обложенные крапивой съестные припасы, а также оружие, доспехи, различная утварь и тому подобная мелочь, в третьей — приданое невесты и ее наряды. Вслед за повозками, на красивой лошади соловой масти, выехала сама Искра, одетая в серый кафтан и в высокие синие сапожки со шнуровкой. К седлу был приторочен лук и колчан со стрелами, на поясе короткий меч. Следом показались служанка Искры, крепкая плечистая девка по имени Буяна, а также книжник и писарь Доброгост — статный сухопарый старик с длинной бородой.

На площади их уже поджидали тридцать конников — дружина Горыни — и он сам, на гнедом коне, в блестящей кольчуге и в сфероконическом шлеме с острым наносником. Подле него находились Девятко, Злоба и Черный Зуб в полном боевом облачении.

У ворот стоял коренастый мужчина; загорелое лицо покрывала густая жесткая борода с яркой седой прядью посередине, — Будивой, воевода Волчьего Стана, который становился, в отсутствие Горыни, главным во всем княжестве, если не считать князя. Подъехав к нему, Искра схватилась за прядь и озорно подергала.

— Ну что, Седая Борода, остаешься?

— Остаюсь, государыня, — серьезно пробасил воевода.

— Не скучай!

— Хм... уж лучше скучать, — задумчиво произнес Будивой, почесав голову.

Вокруг шумела толпа, люди желали княжеской дочери удачи и счастья. Искра, посмотрев на брата, не сдержалась и фыркнула. Горыня трясся, по опухшему лицу струились крупные капли пота. Он перехватил ее взгляд и буркнул:

— Отстань.

Искра обернулась к жителям Волчьего Стана.

— Прощайте, друзья! Прощайте, родные! Надеюсь, скоро увидимся!

Венежане не смолкали до тех пор, пока весь эскорт не скрылся из виду в лесу, на восточном берегу, прогрохотав по мосту и окатив пылью прибрежные лачуги.

Пламя свечи, догорая, затрепыхалось и погасло, погрузив унылую ложницу во мрак ночи. Вятко не спал. Горло дико чесалось, он мучительно пытался откашляться, скреб шею заскорузлыми ногтями, но ничего не помогало. Сильно хотелось пить. Невыносимо больно сводило левую ногу, хотелось встать, чтобы ее размять, но у князя давно не было сил.

— Где эта курвина дочь, как ее там? Паскуда паршивая... вечно ее где-то носит. Шушукается, небось, с бабами... Неблагодарные... Бросили меня. Ждут моей смерти, никак не дождутся, паскуды, выродки. А я и не умру. Не умру им назло. Черта с два! Буду специально медленно подыхать! Буду дерьмом исходить, пускай нос воротят. Столько добра я им сделал, а они все: «Млада, Млада...» Что значит судьба одного человека, пусть даже княжны? Ничего! Я им мир подарил, сволочам. Что б они делали сейчас? Оседлали бы их степняки, как волов, да плетью погоняли... Вот тогда я б и посмотрел, как они запели б... Да и больно-то нужна была эта деловая сучка. Вечно все не по ней, вечно все не так. Совала свой хитрющий нос всюду, сучка, вся в деда. Уж ей степняки язычок-то быстро укоротили, хе-хе...

Вятко попытался пошевелиться, и его пронзила сильнейшая боль. Чуть зажившие раны-пролежни от этого движения разъяренно заныли. По лицу старика покатались слезы.

— Будьте вы все прокляты! Да поглотит вас тьма Подземелья. Будьте прокляты вы все, чертовы дети...

3. Черен как ночь

Ранним туманным утром Унэг сидел на краю утеса, возвышавшегося над рекой, под тонкой ивой, в полутора верстах от Орды.

Туман стелился над водой, заползал на берег, сизой дымкой окутывал редкие деревья и кустарники, растущие вдоль Крина. Скошенный каменистый край обрыва хрупко нависал над мутной рекой, грозя вот-вот обрушиться. Позади, лениво встряхивая головой, гулял на выпасе Эдаар.

После смерти Млады Унэг, откровенно говоря, затосковал, хоть и боялся себе в этом признаться. Орда, в которой он прожил жизнь, стала будто чужой. Кочевник ушел в степь. Воин провел там несколько дней, охотясь на зайцев, волков и лисиц и стараясь понять, что он чувствовал к венежанке. Даже самому себе он боялся признаться, что... казненная была ему небезразлична.

Долгие дни Унэг проводил в одиночестве.

Воин вспомнил мать. Как она напевала ему печальные песни. Ее голос, так непохожий на все остальные женские голоса в становище, журчал как ручеек. В нем звучала тоска.

Отец Унэга привез ее с западного края Шагры, оттуда, где протекает таинственная река Горынь. Он говорил, что она из племени дубичей, лесных жителей, — туда однажды дошли отряды адрагов. Отец погиб, когда Унэгу было лет пять. После этого мать ушла. Ушла, и ее никто не остановил. Воин хорошо помнил то утро, такое же туманное. Он сидел на чьих-то коленях, чьи-то костлявые руки, пропахшие кислым молоком и дымом очага, гладили его по голове. Мать медленно удалялась. Унэг не плакал... но неслышно шептал: «Мама! Мама...»

Почему он так тяжело переживал смерть Млады? Чужеземки, которую он видел лишь изредка. Что это, любовь? А может, она была тонкой нитью, связывавшей Унэга с матерью?

Унэг поехал домой, когда стемнело. В какой-то момент он вознегодовал.

«К демонам все! — думал он, сжимая в руках обернутую полосами кожи рукоять кнута. — Я размяк».

Но Унэг никак не мог отделаться от чувства, что *она* рядом. После казни он постоянно ощущал присутствие девушки. Ему казалось, что она что-то хочет ему сказать. Как и сейчас, в эту теплую лунную ночь.

— Вот так ты мне мстишь за свою смерть, женщина? — сказал он вслух, попридержав коня. — Ну, дай знать о себе!

Но ночь была тиха, как сон младенца. Где-то рядом прошуршала в траве змея, издали блеснули в темноте глаза лисицы. Хрипло ухнул сыч.

«Не хватало разговоров с мертвецами», — мысленно проворчал он, трогаясь с места.

Унэг въехал на обширный плоский холм с одинокой раскидистой липой у края. Под деревом лежал большой гладкий валун, видимо, принесенный сюда с реки. Около него полукругом были расставлены пеньки, бревна и даже лавки. Это место называлось Белес, и через два-три дня здесь должен был состояться курултай.

Унэг спешился, привязал коня к дереву, прислонился к стволу и посмотрел вниз.

Становище — как на ладони. Подсвеченная множеством костров, окутанная курящимся дымом очагов, столица кочевников прилепилась к реке, в чьих угрюмых водах отражался месяц, как пчелиный улей к ветке. В самом центре воздвигали каменный дом для Мергена

— там, где раньше стоял шатер Хайсы. На восток от холма раскинулся шумящий, словно потревоженное осиное гнездо, лагерь ванов — владетельных князей, стоявших во главе множества родовых областей — улусов, на которые был поделен Адрагский каганат. Каждый князь привез с собой родственников, дружину, рабов.

Беспокойное столпотворение кочевых повозок — пузатых и широких, крытых войлоком, шкурами, тканями. За ними — наспех сколоченные загоны для лошадей и овец. Всё это смердело отхожими местами, лошадиным навозом, запахом невымытых, несмотря на близость реки, человеческих тел. Крики, ругань, бляение и ржание стояли день и ночь; случайные люди слонялись по становищу и тащили всё, что плохо лежит, из-за чего часто возникали ссоры и драки.

Мерген с ванами пытался навести порядок — и за рекой выросло несколько виселиц.

Унэг обернулся.

— Можешь не стараться, Тумур, я давно тебя заметил.

— Тьфу ты! — вздохнул темник, устало поднимаясь на холм. — А я хотел напугать тебя.

— Ты шумишь, как медведь. Тебя любой лучник застрелит, даже в кромешной тьме.

Тумур подошел к Унэгу и тепло пожал ему руку.

— Где ты пропадаешь? — поинтересовался он. — Байбакові ловишь? Себе на ужин?

— Нет, — ответил Унэг. — А что привело сюда тебя, да еще и ночью?

— Хочу поговорить с тобой, друг. Я ждал тебя весь день. Только ты один еще не сказал своего слова. Но давай присядем.

— Ну? — спросил Тумур, после того как они уселись.

— Не понимаю, что ты хочешь услышать?

— С кем ты?

— Ты знаешь ответ.

— Да... — Темник рассеяно пригладил волосы. — Вот и я тоже... не могу. Мерген мне не нравится. Не нравится, хоть убей. Но он будет ханом. Все уже заверили его в своей верности — Аюн, Пурхан, Багша, камыкский хан Байрак, посол шухенов, как его там... ну и Талгат, конечно... все, кроме Урдуса.

— Этого следовало ожидать, — сказал Унэг.

— Да, он так и не простил Мергену убийство дочери. Хотя... она и правда была падшей женщиной, но разве отцовскому сердцу прикажешь?

— Точно.

— Унэг, друг, мы умрем. Уже послезавтра, как только аксакалы поднимут этого шакала на белом одеяле и преподнесут ему меч Хуура, мы будем болтаться на виселице, рядом с теми ублюдками там, внизу. Он не даст Барху ничего, он убьет его, а вместе с ним и нас.

— Это судьба.

— Да ты что, смеешься?! — Тумур хлопнул себя по коленям. — Надо найти выход!

— Присягнем Мергену. — Унэг излучал спокойствие.

— Нет.

— Тогда пойдем завтра утром к Урдусу и все обсудим.

— Мудрые слова, друг. Так и сделаем.

Стоянка Урдуса находилась в стороне от лагеря ванов. Несколько хмурых всадников с копьями охраняли два десятка повозок, поставленных в круг.

Урдус был худым мужчиной средних лет, с пухлыми губами и вопросительным

выражением на вытянутом дряблом лице, из-за чего производил впечатление глуповатого человека. Он лично разлил чай из закопченного медного котелка в пиалы и раздал гостям, рассевшимся на сплетенном из ивы коврик, — Тумуру, Берюку и Унэгу.

— Вы правильно сделали, что пришли ко мне. — Урдус говорил быстро и невнятно, так что гостям приходилось все время прислушиваться. — Не все так плохо, как кажется.

— Не вижу ничего хорошего в нашем положении, — буркнул Тумур.

Узкие двустворчатые двери открылись, и в юрту вошла молодая женщина, неся поднос с выпечкой.

— Кушайте, гости дорогие! — сказал хозяин. — Баурсаки моей младшей дочери Сонай чудо как хороши!

— Благодарю. — Тумур попробовал один. — Ближе к делу.

— Да-да! — Урдус отпил из чашки и поморщился. — Горячий... Так, во-первых, у меня десять тысяч конников, а у вас сколько?

— Сколько-сколько? — переспросил Тумур.

— Он сказал, десять тысяч, — буркнул Берюк, сверля взглядом Сонай.

Тумур фыркнул.

— Не преувеличивай, дорогой Урдус. У тебя никак не больше тысячи.

— Ладно, тысяча, — со вздохом подтвердил Урдус.

— У меня верных мне... тысячи... две, может, больше, — призадумавшись, сказал Тумур.

— Верные? Это точно? — с сомнением поинтересовался Урдус.

— Вернее не бывает, — сказал Берюк, жадно поглощая баурсаки.

— Ну вот! — Урдус довольно хлопнул в ладоши. — Уже кое-что!

— Этого мало, — отрезал Унэг.

— Соглашусь с тобой, уважаемый, — кивнул Урдус. — Но вы забыли о старейшинах. Скажите мне, что они?

— Мой отец, Мíху, — отвечал Тумур, — в бешенстве. Он каждый день упрекает меня в бездействии.

— И остальные тоже не в восторге, уж поверьте мне! — воскликнул Урдус. — Этот говнюк Мерген натворил дел! Он наплевал на все обычаи! Обещал курултай в пятидесятый день после смерти Хайсы-хана, а до него осталось всего ничего! Тридцать дней прошло! Послушайте меня внимательно. Соберем сейчас же аксакалов и обсудим. Если мы все будем правильно говорить завтра вечером на Белесе, можем еще склонить чашу весов в нашу сторону!

— Если бы Барх хоть что-нибудь делал, кроме кусания собственных ногтей! — проворчал Берюк.

— Сам себе удивляюсь, — сказал Урдус, — зачем я поддерживаю этого юношу? Видят духи, он недостоин быть великим ханом. Но лучше он, чем собака Мерген.

— Да, выбора нет, — покачал головой Тумур. — Говорят, Шайтан поклялся меня убить.

— Не тебя одного! — воскликнул Берюк. — Но я убью его, клянусь, каким бы хорошим бойцом он ни был. А если не я, то Унэг. Против Унэга в бою, — тут Берюк похлопал воина по плечу, — никто не устоит, уж я-то знаю!

— Помню, помню, Берюк-гай! — засмеялся Урдус. — Крепко же тебе тогда досталось!

— Но я все-таки сломал ему нос!

— Ладно, — серьезно сказал Урдус. — Унэг-гай отличный и непобедимый воин, но его

умение завтра нам вряд ли поможет. Не будем терять время, уважаемые.

Спустя полчаса все четверо, сопровождаемые тремя воинами Урдуса, направились к юрте Тумура. По пути им пришлось проезжать мимо стоянки Талгата — наиболее ярого сторонника Мергена. Семеро всадников ловили на себе злые взгляды.

Внезапно дорогу им преградил горбатый парень. Недоброжелательно глядел его единственный глубоко посаженный глаз с черным зрачком. Другой отсутствовал — на его месте красовалась ужасающая дыра. Почерневшая и засохшая кожа со множеством мелких, узловатых морщин обрамляла глаз. В руках этот странный человек держал кинжал.

Одноглазый оскалился, показав ряд гнилых зубов, вскинул руку с кинжалом, обвел ею всю семерку, после чего поднес оружие к собственному горлу и слегка провел острием. Выступила кровь.

— Вы умрете! — прорычал он и оглушительно захохотал.

Тумур вынул меч.

— Уйди с дороги, пес! — потребовал он.

На шум вышел Шайтан. Кожаная кыспаиіі, накинутая на мускулистое тело, лопалась в плечах. Шея толще головы. На щеках — глубокие зарубцевавшиеся полосы, будто шрамы от когтей. На поясе висел меч поистине устрашающих размеров.

Шайтан положил руку на плечо Одноглазого.

— Уйди, — пробасил он.

От толчка Одноглазый чуть не упал, но удержался на ногах и отошел. Шайтан снял меч, воткнул его перед собой в землю и сложил ладони на навершии. Окинул всех долгим, изучающим взглядом.

Потянулись томительные минуты. Урдус часто заморгал, толстые губы задрожали. Унэг даже позавидовал ему. Сам он ничего, кроме раздражения, не почувствовал.

Наконец Шайтан спокойно вынул меч, сошел с дороги и указал оружием вперед:

— Прошу вас, — сказал он. — Не держите зла на Хаваша, он безумен.

Двор Тумура был обнесен посеревшими от времени прутьями, на которых висели овчинные тулупы, седла, кувшины. В углу двора стояла повозка без верха. На одной из дуг висела связка сушеных рыб. Два пса, бегая вдоль загородки, сердито тявкали, прячась под телегой.

Старейшины собрались в беседке. Выпили кумыс, пожелали здоровья друг другу. Начали разговор. Урдус рассказал о происшествии с Шайтаном. Едва он договорил, старейшины разразились бранью.

— Мерген обнаглел до того, что в открытую угрожает нам расправой! — возмущался Ягай, маленький старичок с крысиным лицом.

— Вот увидите, он убьет нас всех, — говорил Миху со свойственной ему прямолинейностью. — И попляшет на наших костях.

— Что будет с адрагами? — задумчиво вопрошал дряхлый трясущийся Хардар, поддерживаемый правнуком, вытиравшим платком его слюнявый рот. — Ведь Мерген угробит наш народ. Понастроит дворцов, и мы превратимся в изнеженных недоумков, подобно деханам.

— И тогда дженчи легко нас покорят, перебьют или превратят в рабов, — улыбаясь во весь рот, как будто это была веселая мысль, подытожил потный толстяк Очирбат.

Между тем Урдус продолжал:

— Что же делали у Талгата воины Мергена? И я думаю, что знаю ответ!

— И что они там делали? — не поднимая глаз и отрешенно постукивая клюкой по земле, спросил седовласый благообразный Манас.

— Мерген мой старый враг, думаю, вы все об этом знаете. А старый враг — это все равно что жена: во-первых, ты знаешь его как свои пять пальцев, во-вторых, он постоянно досаждаёт тебе и всячески портит твою жизнь.

— Ты такого плохого мнения о своей Сарнай? — насмешливо поинтересовался Берюк.

— Не трогай Сарнай, она великая женщина.

— Значит, она ещё хуже Мергена, — рассудил Берюк.

— Так вот, — не умолкал Урдус. — Лет пять назад Мерген поссорился с одним крупным скотоводцем из своего улуса, уж не помню имени... Знаете, что он сделал?

— Что? — спросили у него.

— Так как вопрос был спорный, Мерген созвал совет. Пригласил на него старейшин, самого скотоводца со слугами, домочадцами, разговаривал с ними вежливо, достойно... А его дружина пряталась неподалеку, и, когда пришло время, воины взошли на холм и вырезали всю семью землевладельца. Скажу ещё! Пару лет назад был примерно такой же случай — там его головорезы отправили к праотцам целое село!

— Ты хочешь сказать... — сурово начал Миху, но Урдус не дал ему договорить:

— Это я и хочу сказать! Мерген так и сделает, вот увидите. Отрядит для этой цели человек триста...

— Мы выстроим позади них своих людей, — вставил Тумур.

— Ты же не думаешь, — заметил Урдус, поглядев на темника с прищуром, — что воины Мергена будут кружить вокруг Белеса с обнаженными мечами, ожидая, когда свистнет их хозяин?

— Нет, не думаю, — невозмутимо ответил Тумур. — И мы тоже замаскируемся. Будем делать вид, что считаем ворон в небе. А когда Барх свистнет...

— А что насчет Барха? — поинтересовался высокий угловатый Сапар с обожженной щекой. — Мы вот говорим о нем, а он что? Хочет ли он быть каганом? И сможет ли?

— Пусть на этот вопрос ответит почтенный Манас, — проговорил Миху. — Ведь он его дед. И живет вместе с ним.

Все уставились на него. Манас выдержал паузу, выводя палкой на песке узоры, и наконец заговорил:

— Не знаю, что и сказать, уважаемые. Барх сложный человек. Я долго присматривался к нему и понял одно: парня снedaёт ненависть. Он жаждет крови. Крови венегов. Дженчей. Он хочет быть каганом, уж поверьте. Сможет ли он быть им? Сможет.

— Мерген хитер и изворотлив, — заметил Сапар. — Чего о Бархе не скажешь.

— Мерген хитер, как трусливый шакал, — изрек Манас. — А Барх хитер, как ястреб. Он будет жесток и беспощаден к врагам. Никакой Вятко не умаслит его сладкими речами, ибо мой внук есть бич, что обрушится на спину всякого, кто посмеет встать у него на пути!

— Ой ли? — с сомнением покачал головой Хардар. — Ты не на базаре, Манас-ата, не заливай нам уши!

Манас промолчал.

Беседа длилась ещё долго. Унэг не слушал их. В какой-то момент он принялся ходить по двору. Остановился у загородки. За ней в пыли резвились дети, гоняющие перепуганную

кошку. Подошел Манас.

— Унэг... — тихо обратился он.

Воин взглянул на старика.

— Слушаю вас.

— Что ты скажешь? Обо всем этом?

— Я воин. Не мое дело говорить.

Манас через силу улыбнулся.

— Понимаю. — И старик побрел назад.

Старик Манас остановился у входа в юрту. Сердце забилося. Он присел на скамью.

Почему он так боится собственного внука? Барх всегда был уважителен. В чем дело? Каждый раз его охватывало непонятное волнение. И каждый раз старику хотелось уйти подальше и не видеть эти пронзительные карие глаза.

Манас вспомнил рождение внука. Эрдэнэ отличалась тихим и кротким нравом. Она родила Хайсе его первенца, но не возрадовалась, а наоборот, впала в хандру. Через год Эрдэнэ покончила с собой, перерезав вены.

Барх перенял от матери склонность к уединению. Но в последнее время привычная тоска, вкупе со всепоглощающей ненавистью, пропитала каждый уголок дома Манаса. Может, именно это и страшит его?

Старик привстал, прислушался, потом снова сел. «Посижу еще», — подумал он. Он вспомнил еще одну историю, связанную с рождением Барха. Он появился на свет с родимым пятном на груди, в районе сердца, отдаленно напоминающим птицу. По мере того как парень рос, пятно преобразалось и вскоре превратилось в удивительно четкое изображение ворона, приготовившегося схватить добычу: вскинутые крылья, растопыренные когти.

Не секрет, что Хайса плохо относился к сыну. Но как-то раз, лет двадцать назад, к кагану пришел некто, назвавшийся Соамом. Незнакомый человек, судя по внешности и выговору, — камык (хотя он это отрицал, называя себя истинным адрагом), рассказал кагану о славном будущем его сына, упомянув, между прочим, о птице на груди. «Я потомственный шаман, — утверждал Соам. — И мой отец, один из самых искусных шаманов своего времени, всю жизнь хранил тайну, связанную с пророчеством о вороне». Видя, как заинтересовался весьма падкий на подобного рода вещи Хайса, Соам с воодушевлением продолжил: «Хан Эйдариv, которого, как известно, соплеменники называли Вороном, у смертного одра поведал о том, что спустя много лет вернется. И его узнают по знаку на груди. Он вернется, чтобы набросить тень на весь мир — подлинные слова Эйдара».

«Проходимец! — со злостью подумал Манас. — По твоей вине умер Абай!»

Шаман Абай, получив соперника в лице Соама, вскоре после возвращения с печально известного драгнитарского похода спился и умер. Последние дни всеми уважаемого Абая, целителя, хранителя обычаев и сказителя, были ужасны: он валялся в пыли, нечистотах и в безумии выкрикивал разные гнусности. Так он и окончил свои дни — оборванный, одичавший изгой, которого по какой-то неведомой прихоти пощадили и не убили Хайса.

Соам стал единственным шаманом.

«Хм... ворон набросит тень, — думал Манас. — Что-то это шитое рваными нитями пророчество не изменило взаимоотношений отца и сына. Бурев, второй сын, всегда был на первом месте».

Но хватит думать. Хочет этого Манас или нет, но ему надо поговорить с внуком по

душам. Об этом его попросили старейшины. Он взял себя в руки и вошел внутрь.

Скрипнула половица, и старик, перепугавшись, замер. Затем, собравшись с духом, ступил дальше. Свет горящего очага на мгновение резанул глаза — Манас прикрылся рукой, моргнул, обвел взглядом помещение и... остолбенел.

Барх стоял в центре юрты полностью обнаженный. В руке он держал меч. Манас никогда прежде не видел ничего подобного — клинок меча был черен, как ночь, и по нему пробегала неуловимая, ломаная, сине-голубая линия. Что-то похожее на молнию. Перекрестье отсутствовало — клинок сразу переходил в эфес, представлявший собой беспорядочный клубок черных, блестящих змей (или червей?), обвившихся вокруг рукояти.

Барх приставил клинок к груди старика.

— Потрогай, ата, — попросил он, вперив в него одурманенные очи.

Манас прикоснулся и ощутил обжигающий, пронизывающий до костей холод и в ужасе отдернул руку. По мрачному лицу внука скользнула тень улыбки.

— Если бы я захотел, ты бы уже умер. Эта сталь несет смерть всему живому, стоит только притронуться. — Барх подумал немного и прибавил: — Если я захочу.

— Откуда это у тебя? — спросил Манас, потирая обожженные льдом таинственного меча пальцы. — Почему ты наг?

Барх не ответил. Он скосил глаза на грудь и провел ладонью по родимому пятну.

— Всегда думал, что благодаря этому я исключителен.

— А сейчас?

— Сейчас тем более. У меня нет сомнений. Слишком долго я находился под пятой у... *него*. Унижался. — Барх произнес это слово с невыразимым отвращением.

— И что?

Барх закрыл глаза.

— Я знаю про все эти разговоры. Мол, дух Эйдархана вселился в меня.

— Осмелюсь сказать, что...

— Эйдархан был слабым и изнеженным человеком, — продолжал он, будто не слыша деда. — Не он покорила весь мир. Это сделали его солдаты, возвращенные Даркханому, — вот кто был подлинно велик! И я хочу верить, что *это* его печать.

Барх отвернулся и пошел к себе, за ширму.

— Но ты не ответил на мои вопросы! — крикнул ему вслед Манас.

— Неправда, ата, — сухо ответил Барх. — Ты услышал то, что все хотели знать. Остальное вас не касается.

Манас сидел на матрасе, поджав ноги, вспотевший и измученный. Огонек в чашке с маслом горел тонким коптящим пламенем, дрожа и мигая от малейшего дуновения ветра. Старик не мог заснуть. Ему казалось, что от меча струится невидимая нить холода, которая окутывает ноги, вызывая в них судороги. Манас вскакивал, прыгал на месте и испуганно растирал их.

«Глупости! — упрямо шептал он себе. — Нет ничего такого. Просто это старость...»

Вскоре он заснул, убаюканный шумом внезапно пошедшего дождя.

i **Курултай** — собрание знати для решения важных государственных вопросов, здесь: выбора нового кагана.

ii **Байбак** — грызун из рода сурков.

iii **Кыспа** — куртка-безрукавка, жакет.

i v **Адриан Великий**, у кочевников — *Эйдархан* (29 год до имп. эпохи — 52 имп. эпохи), — двенганский вождь, завоеватель, основатель империи Треара и ее первый император, треманин по национальности. **Двенганский союз** — межплеменной союз, возникший в середине II века до имп. эпохи как ответ на агрессию Марна. Племена вошедшие в союз: *тремане* — самый многочисленный на тот момент этнос, живший в верхнем Нижнеземье; *хурты*, из которых впоследствии вышли *адраги*, *дженчи* и *гхурры*, *двенганские племена* — *драгны*, *драггиты* и другие.

v **Бакуин**, в Нижнеземье более известен как *Даркхан* (между 55 и 51 годами до имп. эпохи — 9 имп. эпохи), — самый известный двенганский полководец, завоеватель, покоривший практически всё Нижнеземье, фактический творец будущей Треарийской империи, бывший раб, треманин по национальности. Прославился крайней жестокостью.

4. Говорить с лесом

Отряд, проскакав с полверсты по большаку — Жертвеннику, как величали его венегы, — остановился по приказу Горыни у опушки, в центре которой высился заросший сорняком насыпной холм.

Горыня слез с коня и, сняв шлем, подошел к кургану. Встал на колени. Рядом незаметно присела Искра.

— Вот, Светозар, мы и пришли к тебе, — сказал княжич. — Давно не были, брат. Но не забываем тебя, поверь. Не забываем.

Горыня покачивался. Искра смотрела на него с плохо скрываемой неприязнью.

— Благослови нас, брат, — продолжал Горыня. — Едем в дальний путь, сестру вот... выдать замуж за князя Северского.

Он посмотрел на Искру. Девушка уже стояла на ногах.

— Хватит, поехали, — сказала она, отряхиваясь. — Еще, чего доброго, расплачешься.

Горыня криво ухмыльнулся.

— Пошли, сестричка...

Вскоре Жертвенник сузился. Дорога опустела, местами заросла пыреем и подорожником, изредка путь преграждал бурелом. Тракт пробегал в низине, у самой реки. С обеих сторон возвышался сосновый лес. Вечерело — солнце коснулось верхушек деревьев. В сумраке леса глухо бормотали тетерева и призрачно хохотал черный дятел.

Отряд миновал все венежские слободы и деревни. Впереди был только один двор — Болоний Яр, жилище Сивояра — отшельника и ведуна.

Болоний Яр расположился на холме, один из склонов которого круто обрывался вниз, к реке. Несколько ладных изб окружал частокол. Во дворе рос старый дуб, и от земли, вверх по его шишковатой коре, полз мох. Под кроной висел большой выпуклый нарост, чем-то похожий на выпяченную губу. Хозяин называл этот нарост глазом и дереву поклонялся, как божеству.

Отряд остановился. Горыня прямо на коне клевал носом и сопел. Вместо него в ворота постучал Девятко.

— Кто вы такие? — послышался голос.

— Свои, — ответил десятник. — Мы из Волчьего Стана.

— Вашему князю мы оброк не платим и платить не будем, — донесся тот же голос.

— Мы путники, — терпеливо объяснил Девятко. — Просимся на ночлег.

— Клянетесь ли вы своими богами, что не со злом пришли?

— Конечно, клянемся. Да ты открой, и мы тебе все расскажем. Доколе нам под твоими воротами топтаться?

Ворота отворились. Два похожих друг на друга парня встретили гостей угрюмо. В глубине двора стоял пожилой, но крепкий еще мужчина — прищуренные глаза смотрели хитро и проницательно.

— Помните, что на вас падет проклятие, если вы причините вред моему дому, — сурово молвил он.

— Бог с тобой, человече, о чем ты толкуешь? — пророкотал Злоба. — Неужто мы похожи на разбойников?

Хозяин нахмурился.

— Злоба, — шепнула Искра. — Ты бы помалкивал.

Сивояр призадумался и вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я вижу, вы добрые люди. Глаз у меня наметанный, меня не обманешь. Милости прошу, заходите, место найдется всем.

Большой стол под дубом щедро уставили яствами: дичью, квашеной капустой, еще теплым хлебом, медовыми сотами, а также кувшинами с квасом, переваром, пивом и крепкими настойками. Сивояр с сыновьями — Легостаем и Ледом, — Искра со служанкой. Доброгост и десятники неспешно беседовали при свете нескольких пучков лучин. Им прислуживала пухлая розовощекая женщина. Горыня уже спал. Половина дружины расселась во дворе рядом; другая отдыхала в сарае, на сене.

— А на юге, у самого океана, — нараспев вещал Доброгост, весьма довольный тем, что его слушает так много народу, — стоит древний Вереспонь, волшебное место, дивный, чудный град...

— Да что в нем дивного? — перебил Девятко, обмакнув кусок хлеба в мед. — Огромный грязный базарный город. И называется он по-другому. Давным-давно уже его именуют Вередором. А Вереспонем он звался в незапамятную старину, когда мы, венеги, жили со всеми северянами: воиградцами, дубичами, болотниками, равногорцами и прочими — одним племенем. Звались тогда наши пращурсы вересами; они-то и поставили этот город. Какой же ты книжник, ежели не знаешь, что Вередор таковым именуется вот уж тыщу лет?

— Да откуда ж вы все это знаете, милейший? — высокомерно поинтересовался писарь. — Вы даже и читать-то не умеете.

— Знаю, и все тут, — отрезал десятник. — Что мне ваша грамота? Я жизнь видел, в отличие от тебя, деревянная голова. Потому и знаю.

— Хорошо, соглашусь с вами, — через силу сказал Доброгост. — Истинно, Вередор является крупнейшим торговым местом. Это потому, что находится на древнем торговом пути, соединяющем южные страны с землями бывшей империи. А еще дальше на север есть град, именующийся Павсем; когда-то был он столицей империи. Половина града, восточная, легла на большой земле, другая же — на острове, и половинки разделяются узким перешейком...

— Говорят, на том острове живут чудища, — грохнул оглушительным раскатистым басом Злоба, вытирая вымазанные жиром ручищи об рукава. — И остров тот зовется Чумным.

— Тише ты, зверина, — толкнула его Искра. — Весь народ разбудишь...

— Не ворчи, княжна, — ответил Злоба. — Дружина привыкшая...

— Да, вы точно сказали, — согласился писарь. — Чумный остров, по-ихнему Плаг. Средоточие зла...

— Ну ты и сказочник, деревянная голова, — усмехнулся Девятко. — Насчет зла, может, и соглашусь, но с оговорками: чудищ там нет, а живут одни воры, пираты и разбойники. Есть еще чернокнижники; но они обособлены, ни с кем не общаются, хлопот соседнему сброду не доставляют. Хотя, конечно, ходит о них много слухов...

— Безмерно удивляюсь вашим познаниям, милейший, — сказал Доброгост. — Истину говорите, как есть чернокнижники. Последователи проклятого императора Карла Кровавого. Кости Карла там и хранятся; колдуны призывают дух его прийти, чтоб с его

помощью наслать мор на все земли...

— Этим они и занимаются, поверьте, — вставил Сивояр. — Царь этот сейчас во тьме подземелья, и сам Дув ему друг.

— Ну, может, так оно и есть, — недоверчиво протянул Девятко. — Только все это, как говорится, вилами по воде писано...

Ярко светила луна. С реки доносились щебетание камышевки и криканье диких уток, хлопавших крыльями.

— А вот у нас говорят, — спросила Искра Сивояра, — что вы ведун. Правда ли это?

— Может, и правда, — загадочно ответил он, поглаживая бороду. — Раз говорят, знать, неспроста.

— Интересно! — оживилась княжна. — Расскажите, что вы такого делаете, раз вы ведун?

— Да ничего, — немного помолчав, сказал Сивояр. — Ну, разве что... Я умею говорить с лесом. Слышать его. Вот, например, дуб, очень древний. Он тут главный и всё видит на вёрсты вокруг. Он-то и дает мне силу познавать тайны леса. Много лет я учился у него. Благодаря ему я слышу, о чем говорит зверье, о чем поет ветер, шепчутся деревья. Даже последняя животинка может обратиться ко мне за помощью.

Искра вдруг поняла, что Сивояр как будто изучает ее. В прищуре хозяина, в многочисленных морщинках вокруг серых, словно прозрачных глаз таилась насмешка. Доброгост между тем продолжал рассказывать об окружающем мире:

— На восток от Вереспоня, простите, Вередора, тянутся непроходимые болота. Через них напрямик течёт Горынь и, достигнув Шагры, поворачивает на север. На болотах живут болотники; о них мы ничего не знаем, кроме того, что они грязные и жестокие люди. В обычае у них многоженство, едят они всякую нечисть...

— Ты удивишься, деревянная голова, — в который раз перебил книжника Девятко, — но многие народы Залесья говорят про нас, венегов, то же самое...

— Хм... Ну уж не знаю, что сказать, уважаемый, — задумался писарь. — Наверное, вы, как всегда, правы. Но, позвольте, я продолжу. Шагра, великий лес, тянется от болот до Вечных, или Марнийских гор, а за ними — Восточный океан. Тамошний народ, марны, зовут океан Холодным. В предгорьях живут равногорцы; прозывают они Шагру Деодаром. Они во вражде с северянами. Хотя воиградцы — более точное название. Северяне они для нас. Дубичи тоже не жалуют Воиград. Но в открытую против них не идут.

— Да они вообще против них никак не идут, — возразил всеведущий Девятко. — Дубичи мирный народ, живут себе в своем лесу, никого не трогают. Но Воиград недолюбливают, тут ты прав, деревянная голова.

— А кто ж тогда совершает набеги на воев, скажите-ка мне, пожалуйста? — вспыхнул, наконец, Доброгост. — Иль вы будете это отрицать?

— Я и не отрицаю, — спокойно ответил десятник, выпив крепкой рябиновой настойки, охнув и занюхав пучком зелени. — Набеги есть. В Междуречьеіі, где раньше империя была, сейчас разбойники — их несметное количество. Промышляют они работорговлей. Логово их в местечке, называемом хутор Абаряха; это на равнине, близ Волдыхи. И нет от них спасенья никому, не только Воиграду.

— Поразительные знания вы обнаруживаете, дорогой десятник, — сказал Доброгост. — Может, расскажете нам о, так сказать, дальних странах?

— Отчего ж не рассказать? Расскажу. За Горыню, значит, лежит Союз, сиречь —

объединенье пяти царств. На восток от Союза — Гвинтан, у них имеется священный лес, Дамхон зовётся. В нем, как болтают, обитают колдуны, великаны, единороги и прочая сказочная живность. И нет туда доступа простому смертному — так мне говорил самый что ни на есть настоящий гвинтанец, именем Эри. Представлялся, проходимец, друидом — колдуном по-ихнему. Чертов жулик. А на крайнем севере — королевство, окруженное неприступными горами, называется Шелом. Там есть пропасть Даньеон — необъятная и бездонная. Спустившись туда, можно попасть в царство Дува. Только туда, кроме покойников и приговорённых к смерти преступников, никто не спускался, так что доподлинно неизвестно — есть там что или нет. Ну и, чуть ближе, в Междуречье, существуют не только бандиты и лиходеи, но и Треара, будь она неладна, только она сейчас настолько мала, что о ней и говорить-то стыдно.

— М-да, — произнёс Сивояр. — Вот вам и империя. Карл, безумец, все разрушил.

— Не соглашусь, — возразил Доброгост. — Никак не соглашусь! Распад Треары начался задолго до Карла. Уж лет триста, как северские княжества обрели независимость. А южане — Двахирь, например, — и того раньше. Так что крах империи был всего-навсего вопросом времени. И благодаренье богу, что Карл уничтожил наконец это чудище.

— Империя-то умерла, но детище ее нет, — грустно сказал Девятко. — Я говорю о церкви триединой. И Пронта — нынешняя столица Треары — как раз есть средоточие триединства. Оттуда идет эта зараза, столько крови выпившая когда-то.

— Ну, это было давно, — сказал Доброгост. — Может, зря вы это. Воиград-то тоже в триединстве.

— Скажи-ка мне, ученый человек, ты знаешь, откуда я родом? — неожиданно спросил Девятко.

— Знаю. Из Дубича вроде как.

— Сколько лет прошло, — призадумавшись, сказал десятник, — уж никто не знает. Триста? Четыреста? Когда Всеслав-то жил?

— Больше, больше бери, уважаемый, — подсказал Сивояр.

— Вот — больше. Но память о жестокости этих... как их? Дай бог памяти... Молний Девы — вот как их кличут в сказаниях, то были особые воины тремахов, церковники, мать их. Их жестокость холодит нашу кровь до сих пор. До сих пор! Мне один летописец сказывал, что у князя дубичей в архивах хранятся сотни свитков, живописующих зверства извергов. Летописец этот утверждал, что уснуть не мог ночами — такая жуть. Вот вам ваше триединство.

Черный Зуб, за весь вечер не проронивший ни слова, отправился спать. Порядком захмелевший Злоба заигрывал с Буяной, не обращавшей на него никакого внимания. Доброгост без устали занимал немногих оставшихся историями. Девятко подмечал неточности и легонько подтрунивал над писарем. Разговор зашел о Безлюдье, земле на крайнем севере, за Шеломом. Доброгост поведал о драконах, обитающих там: они дышали огнем, говорили на человеческом языке и похищали девиц. Девятко, разумеется, с ним не согласился: пламени во рту у них нет, разговаривать они не умеют, девиц похищают точно так же, как и всю другую живность, для того чтобы съесть. И вообще, они всего лишь ящерицы, подобно степным, только большие и с крыльями — ничего особенного. Последнее замечание окончательно вывело из себя старика. Он в сердцах сплюнул, выпил, умолк, а потом и вовсе ушел.

С его уходом разговор стих. Злоба, пошатываясь, отправился спать в конюшню. Искра и

Буяна ушли в избу. А под дубом остались только Сивояр и Девятко. Они о чем-то увлеченно беседовали...

Искра не спала. Думала о предстоящей свадьбе. Странно как-то: ехать в чужие края, чтобы связать жизнь с неизвестным человеком. И вообще, их там ждут? Как давно отец договаривался с князем Воиграда? Она даже не помнила имя суженого. И, если честно, не хотелось знать.

Девушка чувствовала пустоту в душе. Она покинула родной дом, чтобы уехать в неизвестность, как когда-то сестра.

«Вот бы узнать, что там с Младой? Жива ли?»

Искра откинула одеяло, встала, босиком прошлась по комнате. Щербатые доски приятно холодили ноги. В большое окно светила луна, висевшая над черными пиками сосен.

«Жива ли она?» — думала девушка, и тут словно кто-то шепнул ей, точно ветер, бившийся в запертое окно, вдруг обрел голос на одно, еле уловимое мгновение: — «*Мертва! Мертва!*»

Искра вздрогнула, оглянулась, но быстро опомнилась. Раскрыла створки. В комнату вместе с шумом дремлющего леса ворвался несущий прохладу ветер, всколыхнувший буйные кудри. Княжна вдохнула полной грудью.

«Мертва... — снова мелькнула эта мысль. — Не верю. Не поверю, ни за что. Она вернется».

По двору, ссутулившись, проковылял Сивояр. Ведун подошел к дубу, прикоснулся к нему руками. Застыл — похоже, молился. Потом внезапно посмотрел на Искру, словно знал, что она наблюдает за ним. Девушка отшатнулась, но успела заметить, как старик вынул из-под рубахи оберег на цепочке. Оберег блеснул ярким изумрудным светом. Искра на миг зажмурилась, а когда открыла глаза, с изумлением увидела, как на том месте, где только что стоял Сивояр, вспыхнул светящийся фосфоресцирующий зеленый туман, окутавший фигуру старика.

Туман рассеялся, и Искра там же разглядела... сову. Тяжело взмахнув крыльями, птица поднялась в небо. К ней присоединилась еще одна. Они покружились и улетели.

Искру поразила внезапная догадка. Дрожа от волнения, девушка легла и долго не могла заснуть...

Наступило утро. Отряд уже был на ногах. Горыня вывалился из избы, приблизился к кадке с водой и окунул туда голову.

— Где это мы? — спросил он, вытерев лицо рукой.

— У одного хорошего человека в гостях, — ответили ему.

— Как ваше здоровье? — иронично поинтересовался рослый дружинник по имени Чурбак — жизнерадостный парень с открытым лицом и шапкой жестких волос, похожих на солону.

— Могло быть и лучше, — проворчал Горыня. — Здесь здоровье поправить можно или как?

— Пьяница, — не удержавшись, бросила появившаяся на крыльце Искра.

Светозар был такой же. Он утонул в реке три года назад, спяну решив посостязаться с дружками в умении плавать. Горыня, бравший пример со старшего брата и вообще очень любивший его, стал демонстративно оплакивать его кончину. И продолжал оплакивать до сих пор. Искру уже тошнило от этого.

«Я знаю, как это происходит, — думала она. — Они напиваются и начинают плакаться друг другу. Скупые мужские слезы. Мозолистые ладони похлопывают тебя по плечу. Бороды забрызганы дешевым пивом. Им кажется, вот она — настоящая жизнь. «Я потерял брата, — говорят или слушают они. — Я брата потерял! Помянем...» Как же меня воротит от этого...»

Горыня, пошатываясь, смотрел на сестру. Капли стекали с бороды на рубаху.
— Да иди ты... — тихо и печально пробормотал он.

— Там, в трех-четыре вёрстах отсюда, — говорил Сивояр, — после последней стрелы, в землях дупляков, беспокойно стало. Какой-то темный люд тревожит путников. Сам не видел, не знаю, но поговаривают, что черные они и жутко злые. Убивают всех и уносят в леса. Потому-то наверх никто в последние года два и не ходит. Вы первые. Будьте начеку. Да защитит вас лес! Бывайте.

Отряд, поблагодарив гостеприимного хозяина, продолжил путь.

— Скажи, Доброгост, — спрашивала Искра, — долго ли ехать до этого... как его там? Воиграда?

— Да дней пять. Может, шесть. Или больше.

— А какие они, эти северяне? И почему их не любят?

— Ох, княжна... — задумался старый писарь. — Что ж тебе сказать-то... Они, конечно же, отличаются от нас. Живут все больше в белокаменных хоромы. Культурные. Ну, и вера у них такая... немного странная. Триединство. Чуждое, как я думаю, любому вересу верование. Наверное, поэтому их и не любят. А может, только мы так и думаем? Но ты не бойся, Искра, кажется мне, что народ они хороший...

Тут Искра заметила приближавшегося к ним Девятко.

«Опять хочет поумничать, — подумала она, вспомнив прошедшую ночь. — Ну его...»

Искра стала побаиваться десятника. О чем он шептался с Сивояром? Она поспешила присоединиться к Буяне. Это не укрылось от Девятко. Он подмигнул ей. Слегка поклонился. Остался в стороне.

і **Карл Кровавый** (748 — примерно 785) — последний треарийский император, правивший в 769–778 годах. Отличался невероятной, превосходящей всякие пределы жестокостью и кровожадностью, кроме того, был совершенно безумен.

і і **Междуречье** — территория между реками Горынь и Волдыха. Раньше была центральной областью империи, от которой остались разрушенные Карлом Кровавым города и разветвленная сеть дорог, ведущих во все уголки Верхнеземья. После падения империи долгое время являлась средоточием многочисленных разбойничьих шаек.

5. Увечья, безумие и соблазны

Громко хлопнула упавшая книга. Звук расплылся по необъятной царской библиотеке, потревожив, кажется, все затаенные уголки. В темные лабиринты массивных стеллажей влился едва слышный ветерок, чуть встревоживший паутину, окутавшую многочисленные толстенные фолианты. Слабый свет, пробивавшийся сквозь пыльные окна, привносил ощущение заброшенности в это полузабытое место.

И еще один шорох нарушил глубокую тишину библиотеки. Андрей закрыл книгу и протер уставшие глаза. Престарелый Нестор немощно возился в недрах своего бумажного царства. Андрей слышал его утомленное дыхание; слышал, как негнущиеся старческие пальцы шелестят пожелтевшими страницами. Он никогда не видел его. Иногда он вообще сомневался в существовании библиотекаря. Только так некстати возникавший шум да изредка мелькавшая вдали белоснежная борода напоминали ему, что тот всё же есть. Царский архивариус вел крайне замкнутый образ жизни.

Андрей, сын великого князя Воюградского Мечеслава, распрямил спину. Шея побаливала, как всегда. Это ничего, а вот если он попытается встать, его пронзит сильнейшая боль; стрелы ее молнией вонзятся в мозг, и выступят слезы, задрожат руки. Этого не избежать. Левая рука, как, впрочем, и вся левая сторона тела, останется безжизненной. И безучастной.

Хорошо. Вот сейчас. Надо только сосредоточиться. Увидеть кипящую лаву, растекающуюся по нервам. От этого можно даже получать удовольствие, если сильно постараться. Наконец он решился, но в самый последний момент запаниковал. «Где моя трость? — покрываясь холодным потом, подумал он. — Мне трость нужна! А, вон она... Нет, пока не вставай, не надо. Только не вставай».

Он стиснул рукоять трости. Андрей с облегчением вздохнул. Ожидание боли всегда гораздо хуже самой боли. Избитая истина. До того как стать калекой, он пользовался этим приемом часто и умело. Своих жертв княжич называл просто — *тело*. А теперь он сам стал *телом*. Хоть смейся, хоть плачь.

«Почему мне всегда хочется подняться в эту минуту? — размышлял Андрей. — Упаду — и буду лежать на полу, как рыба на берегу. Нестора испугаю. Хотя тогда, может быть, я наконец-то услышу его голос? А может, и самого увижу?»

Андрей откинулся на спинку кресла. «Когда-нибудь я так и останусь здесь, застывший, похолодевший, точно статуя Всеслава в саду».

В последний год Андрей увлекся чтением. Он каждый день приходил в библиотеку, и призрачный архивариус очень быстро приунылся к его вкусам и привычкам. Княжич усаживался за стол с двумя массивными медными канделябрами. Тут же стояла кружка с травяным чаем. И, конечно, Нестор подготавливал несколько томов на историческую и военную темы. Андрей читал два или три часа, после этого мудрый старик словно просыпался. Сначала это раздражало, но потом сын князя принял это как заботу: ему нельзя было долго сидеть без движения, потом он мог вообще не встать. Незаметное, ненавязчивое внимание — когда-то гордый воин, он ценил это.

Итак, почти дочитана очередная рукопись: «Путешествие в запретные страны» Лерма Динийского. Кажется, Карл Тремахский, прочитав в юности эту книгу, сошел с ума. Неудивительно. Но на Андрея подобные вещи не действуют. Вообще, он сомневался в

правдивости сведений, содержащихся в книге. Черная магия, колдуны, демоны и прочая — что за чушь! Впрочем, благодаря этой чепухе Карл Кровавый и развалил величайшую за всю историю империю. Империю, которой был подвластен весь цивилизованный мир.

Сколько всего он прочитал? Десять? Нет, больше. «Деяния Туа Эйкского» Теодора Кельма; «Жизнь Адриана Великого», огромная и тяжеленная книга; «Всеслав и алары» — сей труд, говорят, принадлежал перу достославного Нестора; «Мифы и легенды Севера» — очень интересное сочинение еще одного марнийца, Юрма Кавгунского... Но больше всего Андрея впечатлили «Хроники Двенгана» неизвестного автора, в которых подробно описывались завоевательные войны Двенгана, предтечи Треары. Приводились любопытные сведения о легендарных полководцах двенган: Гуулеі и Бакуине.

Ладно, хватит. Пора идти на ужин к отцу. Андрей уже три раза переворачивал песочные часы.

Андрей ковылял по пролету, соединявшему библиотеку с царским дворцом. Это был изящный переход, расположенный на высоте пары десятков саженей. Такие же чудо-мосты вели из дворца в Храм Триединого Бога и в Боярский Дом. Сам дворец, находившийся в центре Кремля, как паук в паутине, величаво возносил свои многочисленные шпили вверх, бросая, казалось, вызов самому небу.

«Сколько же рабов сложили здесь свои кости, интересно знать? — думал княжич, глядя на стены, отделанные шеломским мрамором. — Сколько жизней потребовалось отдать только для того, чтобы дед потешил своё самолюбие? И к чему все привело? Знал бы дед, что сие великолепие — единственное, что осталось у нас сегодня. Наш Кремль в чертовом треарийском стиле, божество, коим впору детей пугать, а вокруг, куда ни кинь, незасеянные поля и обнищавшие крестьяне...»

Андрей с трудом волочил сухую, как хуштинская колбаса, ногу. Мимо пробежала крыса. Когда же прекратится эта дрожь? «Мне бы сейчас лечь спать. Но батюшка, видите ли, привык ужинать в обществе сыновей». Андрею так хотелось присесть, но здесь, на этом треклятом мосту, продуваемом всеми ветрами, можно так и остаться. «Пусть меня доставляют туда и обратно на чем-нибудь вроде носилок. Сам виноват. Если бы...»

Андрей решительно двинулся вперед. «Должен же когда-нибудь кончиться этот коридор?» — досадовал он.

Воспоминания всегда были с ним.

Три года назад карательный поход в местечко под названием Пёстрая Холка превратился в увеселительную поездку. Цель дружины, возглавляемой им лично, состояла в подавлении крестьянских волнений, разгоревшихся в той ныне подконтрольной дубичскому отщепенцу Военегу земле. Дружина и он сам беспрерывно пьянствовали, насиловали и убивали.

И вот наступила та роковая ночь. Андрей смутно помнил ее лицо: веснушчатое, перепуганное. Он вскользь ударил девочку рукой в перчатке с металлическими шипами, оставив на щеке ряд глубоких борозд.

А дальше — пьяная ночь, узкая полоска месяца, покосившиеся избы, снег. Тени... Пронзительная боль. Тишина и холод.

Его нашли утром в снегу — полумертвого, окоченевшего, с вилами, воткнутыми в левый бок.

Андрей старался забыть, вычеркнуть тот день из жизни, но снова и снова слышал тот

сиплый, дрожащий от ярости голос: «Это тебе за дочь, демон! За дочь! Да сгинет весь твой род!»

В обеденном зале всегда стоял затхлый запах, не перебиваемый даже ароматами блюд. «Запах тлена и смерти, — подумал Андрей. — Всюду тлен. Даже здесь». За спиной противно закрипели высокие, в два человеческих роста, двери. Заходящее солнце освещало расписные сводчатые стены с облупившейся и потускневшей краской. Однако искусно выведенные художником хрестоматийные подвиги Всеслава и Божидара всё еще не потеряли былого лоска.

— Ну вот, наконец-то и мой сын. — Великий князь Мечеслав, моложавый, подтянутый, поднялся и указал на пустующее кресло. — Присаживайся, дорогой. Я сегодня велел постелить ковровые дорожки, а то мрамор ведь черт знает какой скользкий. Ой! Прошу прощения за ругательство, ваше святейшество.

Человек, к которому обратился великий князь, был стар, невысок ростом и очень подвижен. Одет был в просторную рясу красно-бело-черных цветов.

— Ничего, государь. — Священник вежливо улыбнулся, но тут же нахмурился. — Бог простит, бог всё прощает...

— Знаю, знаю, — поспешил прервать его Мечеслав, усаживаясь. — Андрей, ты как? Вижу, вижу, неважно... А мы вот тоже читаем. Берем с тебя пример.

Поодаль стоял худощавый человек с лицом в оспинах. Он держал увесистую книгу в свином переплете.

— Читай же, Матвей, — махнул рукой Мечеслав.

— Слушок до меня дошел... — начал Андрей, со стоном усевшись.

— Ты о свадьбе? — натянуто улыбнувшись, спросил Мечеслав. — Ну как же... время пришло. Как и договаривались с венежанским князем.

— Отец! Ты же знаешь, как я отношусь к этому... союзу.

— Андрюша! Может, не будем сейчас об этом? — Тонкие пальцы Мечеслава постучали по столу. — Сынок мой, ваше преосвященство, нервничает. Скоро ведь знакомство с невестой...

— По слухам, эти венегии такие дикари, — угрюмо сказал Андрей. — Это, конечно, хорошо. Только вот эта бестия... как ее?

— М-м-м... Искра? Да, кажется, Искра, — подсказал Мечеслав.

— Вот-вот. Что я буду с ней делать?

— Это уже тебе решать.

— Смеешься?

Мечеслав против воли улыбнулся. Священник, а вернее, принципар Великой Трединой церкви Клеомен придирчиво изучал запеченного с яблоками гуся.

— Ты же понимаешь... — донимал Андрей.

— Хватит, сын мой. — Мечеслав слегка хлопнул ладонью по столу. — Поговорим потом. Итак, друзья, выпьем и послушаем Матвея.

— Я прямо скажу, отец. Плевать я хотел на нее...

— Давай не будем, сын мой. Ну не при госте же. В самом-то деле! Успокойся! Уже все решено. Успокойся. Такой вечер... Читай же, Матвей!

— Великий князь Блажен, — прочистив горло, начал Матвей, — собравши войско и присоединивши к нему союзников — алар и вустов — двинулся быстрым шагом к городу

Лух. Там имелся брод чрез реку Горынь. Его Величество намеревались переправиться чрез оную реку и выйти на равнины, где можно было широко встать и принять бой. Но противник опередил: легионы Тута из Эйкак уже затаились средь пригородных садов. Воинство славного нашего повелителя, попав в засаду, билось насмерть, но гнусная измена алар и вустов склонила чашу весов в пользу противника. Увидев, что силы неравны, князь велел трубить отход; сердце его преисполнилось печали. Вересы отступали, теснимые неприятелем, к коему примкнули также и вероломные дубичи. Спустя два дня тремахи, изрядно потрепав наше войско, повернули назад. Тут Эйкский вступил в Пронту с величайшей помпой. Ему были оказаны всяческие почести, горожане призвали его на царствование. Но он не успел взойти на престол, так как был коварно умерщвлён завистниками...

— Надо же, какой был человек! — сказал Мечеслав. — А ведь Тут — выходец из низов. Его отец был рыбаком, насколько я знаю. Но... там говорится, будто батюшка печалился, так? А по-моему, батюшка отнюдь не печалился. Батюшка был в ярости. Чьи строки это? Кто написал?

— Акун, наш послушник, — ответил Клеомен. — Очень мудрый старец. Между прочим, участвовал в той битве при Лухе. И вы правы, Акун как-то сказывал, что Блажен, да пребудет в мире его прах, рубил головы боярские так, что сам весь забрызгался кровью. Но писать об этом, сами понимаете, не стоит. Ведь преподобный Блажен...

— ...свят и непорочен, — закатив глаза, закончил князь. — Вернул нас в лоно истинной веры после стольких лет хождения во тьме. Знаем.

— Вот именно. — Священник рассердился и задергался. — И не надо насмешничать, ваше величество. Вы бы вспомнили, кто должен бы быть на моем месте? Кому наследовал священный трон храма нашего ваш батюшка? Но, несмотря на это, принципар я.

— А я скажу вам, преподобный Клеомен, — парировал Мечеслав. — Лев, вот кто должен был быть и на великокняжеском троне, и на священном. Лев — или убитые им Игнатий, Глеб, Василько и Антоний. Я уж не говорю о Романе, умершем во младенчестве. А я — и самый младший, и самый нелюбимый. Не зря ведь я Мечеслав: батюшка презирал вересские имена.

— Что вы такое говорите, ваше величество! — воскликнул Клеомен. — Все эти слухи о братоубийстве! Как вы можете?!

— А что, не так было?

— Не знаю, что ответить. Грешно об этом за столом...

— Вот и не будем ссориться, ваше святейшество. На носу праздник. Первый урожай...

— Которого нет, — подметил Андрей, морщась от ноющей боли в левой ноге. Она, в отличие от руки, как-то работала, но при этом постоянно болела. — Что же мы будем класть на алтари? Крапиву вместо снопов пшеницы? А может, пустые миски горожан, в знак скорби и голода? При этом все вместе дружно вознесем хвалу господу за милость и поклонимся всем трем его ипостасям...

Клеомен с перемазанными жиром губами застыл, не дожидаясь.

— М-да... — Мечеслав озабоченно погладил окладистую бородку. — Все так, все так. Мы в окружении. Везде враги, всюду.

Андрей отдался гневу. Его раздражало нытье отца, бесило притворное благочестие вертлявого лицемерного святоши, столь активно уплетавшего гуся. Пусть послушают.

— Давайте подведем итог, — сказал Андрей, пристально и нахально уставившись на

священника, — насколько это было возможно с лицом, искаженным гримасой боли. — Как известно, тремахский император Аптомах Старый*v* лет триста назад решил ввести новую веру взамен устаревшей. Их старые боги: бог Земли Каян, бог Небес, Молний и Грома Даит и бог Смерти Прах — были объединены в одного бога: единого, неосязаемого, непостижимого, коего, значит, можно понять и почувствовать его благодатную силу через три всем известные сущности. Отец Милосердный, Отец Карающий и Отец Земной. Иньяр Мизера и Терра.

Клеомен успокоился, скрестил руки на груди и внимательно слушал. Мечеслав украдкой посмеивался.

— Все вы знаете, — продолжал княжич, — что Аптомах, ничтоже сумняшеся, объявил тремахов богоизбранным народом, все остальные же, стало быть, превратились в изгоев и рабов и, что естественно, подверглись гонениям и истреблению.

— Какой же, однако, вы... умный. — Клеомен явно хотел сказать что-то другое, но вовремя сдержался.

— Вижу, вам нравится мой рассказ. Так продолжалось много лет. За это время в империи произошел церковный раскол, так как продолжать в том же духе означало уложить себя в могилу. Новая церковь простерла милость бога над всеми подвластными тремахам народами.

— Но ведь это правда, ваше святейшество, — сказал Мечеслав, успокаивающе похлопав принципара по руке. — После смерти Аптомаха империя начала терять свою власть. Вспомните предка нашего Всеслава, который просто люто ненавидел тремахов. И виной этому была, смею заметить, именно благословенная церковь Триединого бога вкупе с Молниями Девы-воительницы.

Клеомен ничего не ответил, продолжая хмуриться, и, покусывая губы, что-то бормотать себе под нос.

— Слава богам, — последнее слово Андрей выделил, — безумец Карл окончательно добил этого давно гниющего зверя — Треару. Мир избавился наконец-то от своей не в меру заботливой мамыши. Живут тремахи потихоньку на задворках, и хорошо бы, только вот у нас под боком уродился новый Аптомах — имя же ему Блажен. Всеслав, верно, перевернулся в могиле — такого потомка займет! Блажен сжег памятники нашим исконным вересским богам и вернул трехликое чудище. Даже создал отряд «божьих воителей» — все как у тремахов! И все возрадовались! Разорил добрый древний Дубич, разорил и еще много кого. Те же алары или равногорские кланы до сих пор скрежещут зубами при любом упоминании о Воиграде... В конце концов, видно, возомнив себя новым Адрианом-завоевателем, Блажен напал на умирающую Треару — своего кумира и учителя. И получил по шапке, после чего все растерял.

Князь замолчал. Клеомен, казалось, готов был заплакать.

— Результат правления деда очевиден: мы в окружении ненавидящих нас соседей, причем таких же вересов, как и мы, — упрямо продолжал Андрей, уставившись на пустую тарелку. — У нас нет ничего, кроме Кремля, за пределами которого нищета. Даже во дворце нашем пустота, даже слуг не хватает. Все бегут. В тот же Дубич.

Клеомен встал. Руки его дрожали.

— Я... я скажу вам одно, — срывающимся голосом воскликнул он. — Что бы вы ни говорили, я искренне верю в *моего* бога. Я не повинен ни в одной смерти, и на моих руках нет крови.

По морщинистой щеке потекла слеза.

— Вы, ваше высочество, во многом правы, признаю это, — продолжил он. — Наш народ на краю гибели. Только, боюсь, ваш гнев вызван не страданиями народа, а уязвленным самолюбием. Ваше величество, разрешите откланяться.

С этими словами Клеомен удалился.

— Посидишь еще? — спросил сына отец, прервав затянувшееся молчание.

— Конечно, — невесело ответил Андрей.

— Ты можешь идти, Матвей, — сказал чтецу Мечеслав. — И вели принести свечи, темно уже.

Матвей низко поклонился и, сунув книгу под мышку, ушел.

— Зачем ты так с Клеоменом? — небрежно откинувшись в кресле, поинтересовался Мечеслав.

— Не знаю. Накипело. Ты еще со своей Искрой...

Явился хромоногий слуга, насвистывая что-то, отдаленно напомилавшее песню. Поставил на стол канделябр, уронив при этом полотенец, висевшее на плече.

— Избавься от них, отец, — сказал вдруг Андрей. — Разгони священников. Ведь они дармоеды, ничего более. Верни нашу старую веру.

— Эх, сын мой. — Мечеслав поднялся, задумчиво прошелся по залу. — Давно ли ты стал такой начитанный? Где же ты был раньше?

Слуга ворчливо спросил:

— Со стола убирать, ваше величество, иль как?

— Потом. Оставьте нас.

— Как вам будет угодно, ваше величество.

Мечеслав открыл окно. Ветер пронесся по залу, поднимая тополиный пух, скопившийся в углах.

— Я так не могу, — сказал Мечеслав. — Ты хочешь вернуть старых богов? Ястреба, бога Светлого Неба, Сову, бога Ночи? Не слишком ли? У нас есть бог — Триединый. Пойми стоит мне поднять руку на храм, народ разгневется. У них нет больше другого бога. Ястреб остался в сказках.

Андрей слушал, водя пальцем по ободу бокала.

— Но всё же я сделал многое, — продолжал князь. — Надеюсь, во всяком случае. Я отказался от священного трона. Упразднил «божьих воителей». Заключил союз с Волчьим Станом. Хотя они, конечно же, нам мало чем помогут, но всё же. С равногорцами, надеюсь, у нас больше проблем не будет.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, поверь. — Мечеслав сел рядом с сыном, налил себе и ему вина. — У меня есть верные слуги, хорошо поработавшие в тех краях. И еще, — прибавил он, отпив вина, — на свадьбе будут присутствовать оба дубичских брата — Борис и Военег.

— Не может быть. — Андрей взглянул на отца. — Ты пригласил сюда дубичских псов? Прямо в загон с овцами... — княжич горько усмехнулся.

— К выгоде нашей, понимаешь? — ответил Мечеслав, не замечая, как отреагировал сын. — Теперь всё переменится...

— Если переменится, то только в худшую сторону, — отрезал Андрей. — О чем ты только думал, отец? Зачем ты их пригласил?

— Сдружимся.

— Чего?

— Я хочу начать торговать, — объяснил Мечеслав. — Заверить Бориса в том, что торговый путь через наш город снова может быть открыт. Только представь себе: древний тракт, соединяющий Вередор и Марн, снова заполнится караванами, купцами... И что для этого нужно? Дать гарантии, что мы никому не угрожаем. И всё.

— Борис и так прекрасно знает, что мы никому не угрожаем.

— Насколько я знаю, в Дубиче до сих пор поминают моего батюшку недобрым словом. Я принесу извинения. А ещё венежанская княжна.

— Она-то чем нам поможет?

— Не понимаешь?

— Нет.

— У меня есть отличная идея... — Мечеслав выдержал, как ему казалось, эффектную паузу и сказал: — Что, если нам объединиться? Создать союз вересских княжеств, наподобие Союза Пяти Городов? Думаю, всем идея должна прийти по душе...

В ответ Андрей рассмеялся.

— Что ты смеешься?

— Это нереально.

— Почему?

— Да потому. Слишком ты наивен. Зачем Борису платить за вещь, которую можно взять и так?

Мечеслав округлил глаза.

— Брось, — сказал он. — Что ты такое болтаешь?

— А ты порассуждай.

Мечеслав призадумался.

— К тому же, — прошептал Андрей, наклонившись к отцу, — ты забыл о Военеге. Я правильно понял — он тоже будет?

— Должен. В письме от него прямо так и сказано.

Андрей вздохнул.

— Помоги мне встать. Я пойду спать.

— Может, закончишь мысль? Чего я должен опасаться? Законы гостеприимства...

— Как же ты наивен, отец... Лучше бы ты не упразднял «божьих воителей».

Мечеслав шел, пошатываясь, в свои покои. В голове шумело. Он обратил внимание на паутину, облепившую плотной липкой массой почерневшую от старости и сырости картину с изображенным на ней венценосным предком, имя которого он позабыл, да, в общем-то, никогда и не знал. Рядом горел факел, вставленный в насквозь проржавевший обод. Князь покачал головой. Как же здесь темно и сыро! Ему бы те возможности, которыми обладал его деятельный родитель, он построил бы совсем другой замок. Не эту темницу.

Впереди маячил свет, пробивавшийся через приоткрытую дверь. «Менелая не спит, — подумал он. — Пожалуй, проведем».

В горнице его супруги княгини Менелай горело множество свечей, капавших воском прямо на мебель, — около трех десятков, больших и маленьких, в подсвечниках, в чашах. Всюду валялись склянки, ложки, деревянные и тряпичные игрушки, разноцветное тряпье. На стенах висели пышные гобелены, дар шамранских купцов ко дню свадьбы. В углу — ложе с

шелковым балдахином, возле — нарядная кровать.

Менелая — тощая женщина с жидкими седыми волосами и зелеными, как у младшего сына, глазами, вскочила с ложа. Растрепанная, в расшнурованной сверху сорочке. Увидев дряблую шею супруги, Мечеслав поморщился и отвернулся.

— Молчи, молчи! — прошептала она. — Дитя разбудишь.

Мечеслав, глубоко вздохнув, поцеловал ее в лоб.

— Ты сегодня кроху не видел, — суется, сказала Менелая. — Подойди же, посмотри на дочку.

Он хотел возразить, но передумал. Схватив супруга, Менелая подвела его к пустой кровати.

— Видишь? — умиленно пробормотала она. — Какая красавица! Похожа на тебя. Не уходи, посиди, пока она спит.

— Нет. Пожалуй, я пойду, — отстранился Мечеслав. — Еще надо встретиться кое с кем. Спокойной ночи, — неловко прибавил он, уходя.

— Ты всегда убегаешь, — скривив тонкие синюшные губы, сказала Менелая. — Почему ты нас не любишь? Ни разу подарочка не принес...

«Пусть себе ревет, — думал Мечеслав, с облегчением вдыхая затхлый воздух коридора. — Что с ней произошло? Если бы, допустим, неудачное разрешение от тяжести или еще чего... так ведь ничего. На ровном месте. Хотя... на ровном ли?»

Приблизившись к своим покоям, он остановился.

«Грех на мне. А она ведь чувствует. Что же она, не женщина, что ли? Грех... и дети мои за него расплачиваются».

Он шагнул и снова остановился. Прислушался.

«Она пришла. Она там. Вот — сердце-то как застучало».

Мечеслав вошел и уселся в глубокое кресло, обитое синим бархатом. В открытое окно светили звезды. Тонкая занавесь развевалась.

— Ты здесь, — сказал Мечеслав. — Выходи.

Из угла, покрытого мраком, вышла девушка. На шее — золотой медальон, изображающий птицу. Волнистые темные волосы, чувственные губы. Черные глаза. Вместе с тем было в облике ночной гостьи нечто противоестественное.

Девушка преклонила колени и поцеловала руку князя.

— Я не ждал тебя, — устало сказал Мечеслав.

— Ты знал, что я приду, — ответила девушка, не выпуская его руки. — Ты опять боишься меня?

Мечеслав промолчал, стараясь не смотреть в глаза ночной гостье.

— Иди ко мне, — произнесла она. — Чего ты ждешь?

— Не могу, — еле слышно ответил он. — Моя жена вот уже третий год баюкает невидимое дитя, один сын искалечен, другой играет в игрушки... — Его пальцы впились в подлокотники. — А я забавляюсь с любовницей! Да какой! Я боюсь встречи с тобой — и жду... как проклятый.

По лицу девушки пробежала едва видимая тень.

— Часто я думаю, что тебя, кроме любви, ничего не интересует, — продолжил Мечеслав, упершись в колени и обхватив голову. — Мне кажется, что, любя меня, ты пьешь мою жизнь, точно комар — кровь. За все эти годы я так и не узнал тебя. Более того, я постарел, а ты так же молода, как и тогда, десять лет назад.

Мечеслав схватил незнакомку за плечи и посмотрел ей в глаза.

— Кто ты? — спросил он. — Откуда ты? Ответь хоть раз, найди в себе силы.

Девушка загадочно улыбнулась.

— Я задал вопрос. Не молчи.

— Позволь мне хотя бы обнять тебя. Всего на миг.

Мечеслав отодвинулся, но девушка всё же приникла к нему, поцеловала в шею...

И у Мечеслава закружилась голова. Он ответил на порыв, ответил поневоле, влекомый неясной силой, возникающей всегда, когда она находилась рядом. Он не мог сопротивляться, забывал все слова. Хотелось плакать, хотелось кричать, радоваться. Хотелось всецело отдаться запретной любви.

Призрачный свет луны лег на пол, повторяя контуры окна.

Незнакомка спала, положив голову князю на грудь. А Мечеслав не спал. Он размышлял, почему же опять так получилось. Может быть, ночная гостья — это демон-искуситель, являющийся к нему во снах?

Нонет, она настоящая, спит, так доверчиво прильнув к Мечеславу. Ее волосы щекочут лицо.

— Проснись, — прошептал Мечеслав. — Тебе пора вставать.

— Да, слышу, — сонно ответила незнакомка.

— Расскажи мне, что там?

Девушка села, потянувшись и протерев глаза.

— В Хордреве и в Курчене, — прямо начала она, — как и во всех Равногорских княжествах, по лесам ходят слухи... Слушай, у тебя есть выпить что-нибудь?

— Вон там, справа от окна, — Мечеслав нетерпеливо взмахнул рукой. — Продолжай.

Девушка прыгнула, как кошка, и безошибочно нашла кувшин с водой, стоявший на столе у окна.

— Как ты всё находишь во тьме? — вглядываясь в полумрак, поинтересовался Мечеслав. — Ты ведь не человек, верно?

Девушка обернулась.

— С чего ты это взял? Здесь не так темно.

— Ладно, не будем. Продолжай, что там, у равногорцев?

— Ничего хорошего. Ходят слухи о нечисти, заполонившей лес. В одном глухом местечке на берегу Лесной нашли деревню с мертвецами. Еще рассказывают о тенях, живущих во тьме, о жутких криках...

— Что еще?

— Князь вустичей Кирьян повесился недавно, а перед смертью сказал, что скоро тьма накроет всю землю, от края до края.

Мечеслав поежился.

— Не похоже на него. Кирьян был лишен предрассудков.

— Вот именно, — согласилась девушка. — Поэтому сын князя... забыла имя... вроде Корочан? Он обвинил в его смерти соседей, курченей.

— Хорошо, пусть грызутся. — Мечеслав потянулся. — Что еще скажешь?

— Венеги едут. Но им угрожает опасность. Вышли людей навстречу.

— Какая опасность? Что, все та же? Нечисть?

— Искра — она очень даже ничего... — задумчиво сказала незнакомка.

— И ты хочешь сказать мне после этого, что ты обычный человек? — повысил голос Мечеслав. — Отвечай!

И услышал в ответ смех.

— Друг мой, — ответила ночная гостья, — у меня есть тайна, которую я раскрыть тебе пока не могу. Но я человек. Поверь.

— Вот как? — после неловкой паузы пробормотал Мечеслав.

Девушка быстро оделась. Звякнул, повиснув на шее, медальон.

— Прощай.

— Иди. Смотри не попадись на глаза кому-нибудь. Надеюсь, больше не свидимся. Перестань искушать меня.

Ночная гостья подошла к окну. На миг князю померещилось, что на голове любовницы появились рога. Мечеслав закрыл глаза, а когда открыл их, наступило утро.

i **Гуул**, или **Хуур** (год рождения неизвестен, ориентировочно середина 70-х годов до имп. эпохи — 23 до имп. эпохи) — легендарный двенганский полководец, завоеватель, вождь хуртов.

ii **Пара десятков сажений** — около 25 метров.

iii **Всеслав II** (469–495, годы княжения 483–495) — вересский князь, страстный борец за независимость, непримиримый враг империи. Нанес несколько чувствительных поражений ее войскам. Погиб в сражении.

iv **Божидар** (474–516, годы княжения 495–514) — брат Всеслава II и его наследник на княжеском престоле. Продолжил политику брата, но не так успешно. В 514 году был взят в плен и казнен в Павсеме.

v **Тут Эйкский** (801–847) — полководец, первый после Карла Кровавого и Времени Безвластия и последний император Треары (с осени 846 по весну 847 года). После его низвержения империя окончательно распалась на множество стран. Вел много войн с Блаженом Воиградским, отцом Мечеслава.

vi **Аптомах Старый** (381–468), создатель религии Триединства. Провозгласил тремахов богоизбранным народом и повел крайне агрессивную и репрессивную внешнюю политику. В течение ста лет (с 432 года, когда был провозглашен манифест Аптомаха) церковные иерархи маниакально искореняли всякое инакомыслие с помощью особого военизированного подразделения — *бейсондеров, или Молний Девы-воительницы*. Это привело к росту напряженности во всех регионах империи, особенно сильно волновались вересские регионы и Алария. Кроме того, росло недовольство и в самой столице. Все это привело к провозглашению (в 527 году) новой мирной церковной политики. Император Бад на десятом вселенском соборе объявил об упразднении института бейсондеров и о пропаганде вероучения среди покоренных народов. Это послужило причиной раскола. В течение последующих двух десятилетий империю сотрясала война между ортодоксами и обновленцами. На момент описываемых событий **Триединство** — ведущая религия в Стейнорде, Воиграде, Союзе Пяти Королевств, Шеломе и в Треаре — крохотном государстве-принципархате (во главе его стоят церковные власти). Приверженцев Триединства называют *триплехами*.

6. Чую запах

Унэг остался ночевать у Тумура. Друзья посидели еще немного, неспешно распивая кувшинчик вина. Затем Тумур отправился спать, а Унэг захотел остаться под беседкой. Рабыня вынесла тюфяк и подушку. Воин лег, лишь сняв сапоги и пояс с кинжалами. И незаметно уснул.

Бесконечная вереница образов. Из их хаоса он запоминает лишь некоторые. Остальные бесследно испаряются, оставляя тревожный след...

Мать, поющая колыбельную. На своем родном языке. Грязный ребенок, спотыкаясь, бредет по разбитой дороге. Разрушенный каменный город, овеваемый холодными ветрами. Колодец, в нем кто-то есть, Унэг чувствует на себе взгляд оттуда. Девушка, очень похожая на Младу. Она что-то говорит.

Хайса, пьяный, в своем шатре, и вокруг него вьются тени. Он разглядел в тенях лица. Угрюмые, мечущиеся из стороны в сторону, налетающие друг на друга, сливающиеся в единое уродливое целое. Пустые глазницы смотрят в никуда, черные рты многоголосно шепчут...

Млада что-то говорит, и он едва различает: «Тебя ждет такой же конец. Помни об этом, багатур...»

Унэг проснулся в холодном поту. Некоторое время он лежал, приходя в себя и глядя на небо. Бледно-розовая луна, неприветливая, как зимняя степь, и тяжелая, как старый тур, нависала, кажется, прямо над ним. Дул сухой ветер. Полотняные кровли бедняцких шалашей громко хлопали о деревянные каркасы. Ветер подхватывал дым от потухших костров и разносил по округе.

Унэг задумался о последних событиях. Предсмертное проклятие венежанки. Смерть Хайсы спустя каких-то три часа. Бегство шамана Соама — подлец исчез сразу же.

«Не к добру это, — размышлял Унэг. — Не к добру. Ведьма она, и Соам это знал. Иначе почему он сбежал? Значит, и я проклят ею?»

Что-то ему подсказывало, что это не так.

Неожиданно начался дождь. Унэг побежал в юрту. Только успел заново расстелить тюфяк, как сквозь богатырский храп Тумура различил чей-то крик.

Унэг вышел к калитке. Тяжело брела, причитая, женщина. Она махала руками, словно кого-то отгоняя. В небе беззвучно блеснула молния, и Унэг узнал безумную старуху Умай. Не дойдя до воина несколько шагов, она с воплем пала на колени и простерла к нему руки; морщинистое лицо исказила гримаса ужаса.

— Оно идет! Оно идет! Уходи, парень!

Старуха закашлялась. Новая молния осветила вздувшиеся вены на лбу. На крики выбежали люди. Они держали факелы, шипящие под дождем.

— Что случилось? — спрашивали они, со страхом глядя на корчившуюся в судорогах Умай.

Старуха задыхалась, хрипела, рвала на груди одежды, металась из стороны в сторону. Один из рабов, повинаясь жесту хозяина, попытался приподнять беснующуюся, но Умай оттолкнула его.

Внезапно она затихла.

— Умерла? — послышался голос в толпе.

Тот же раб поднес факел. Умай широко раскрытыми глазами смотрела, казалось, в никуда. Глаза покрыла сплошная черная пелена, глубокая, как бездна. Старуха прошептала:

— Запах... Чую... запах.

— Убейте ее! — раздался чей-то истеричный голос.

— Не надо, — сказал Унэг, глядя на застывшую в неестественной позе безумную. — Умай умерла.

Над мертвым телом возникла призрачная, едва видная фигура человека. Дождь обтекал ее. Черты лица в темноте разглядеть не удалось, но воину показалось, что призрак смеется.

Манас сидел на большом камне под деревом, свесив голову. Рука сжимала посох. Казалось, старик ничего не замечал, даже заснул, но это было не так. Он исподлобья посматривал на людей, собиравшихся на Белесе.

Рыжебородый, краснолицый, квадратный Пурхан, кряхтя и постанывая, распекал слугу, согнувшегося в поклоне. Статный Талгат стоял вытянувшись, бросая настороженные взгляды по сторонам. Два его младших брата, судя по всему, скучали. Высокий и нескладный Байрак, хан камыков и бечелов, сидел на пеньке, стряхивая пыль с платья. Старейшины — Сапар, Миху, Очирбат, Хардар с правнуком, пугливо и восторженно глазевшим на все вокруг, — тихо переговаривались. Остальные постепенно подходили.

Вот пришел как всегда задумчивый и отрешенный Аюн. Он поздоровался со всеми, Манасу почтительно пожал руку. Следом приковылял Багша, объект насмешек, — грязный угловатый дядька, больше похожий на конюха, нежели на вана. Эллак, легендарный и свирепый воин, ветеран Хайсовских компаний, ныне несчастый гость в становище, появился под удивленный шепоток присутствующих.

«Проницательный, честный человек, судя по слухам, — подумал Манас, глядя на него. — Вот кого нам не хватало все это время...»

Небо затянуло тучами. Внезапными порывами налетал ветер. Манасу приходилось придерживать рукой белую войлочную шапку. Шумела, раскачиваясь, липа. С веток срывались листья и улетали с холма. Время шло, погода портилась, а главные действующие лица еще не прибыли.

«Гордецы, — досадовал старик. — Выжидают, кто придет последним. Какой в этом смысл? Ребячество!»

«Ребячество»... Какое по-человечески теплое слово. Как-то плохо оно вязалось с призраком смерти, нависшим над всеми ними.

Мерген и Барх взошли на холм и расположились напротив друг друга. Барх сел на длинное бревно, приняв позу мыслителя. Для его дяди приготовили удобное кресло, в котором он и устроился, по-царски закинув ногу на ногу. Приближенные обоих претендентов на ханский престол также явились общей толпой.

С людьми Мергена прибыл и его шаман, Эри, старик лет семидесяти, больше напоминавший воина: крепкого телосложения и угрюмого вида. На шее висела сделанная из кости неизвестного животного подвеска с грубым и примитивным изображением солнца — Эри был бургом, чья родина находилась далеко на севере, в мифическом лесу Дамхон.

Все явились безоружными — таков был незыблемый обычай, никогда никем не нарушаемый. Даже на поясе Мергена отсутствовали его любимые декоративные,

инкрустированные алмазами ножички.

«Кажется, все собрались», — подумал Манас и неожиданно почувствовал себя плохо. Перед глазами потемнело, но тут же все прошло; осталась только дрожь в руках. Он крепче стиснул посох и громко сказал:

— Вы готовы, уважаемые?

— Готовы, готовы, — раздраженно бросил Мерген, перебирая четки.

— Хорошо. — Манас с трудом поднялся. — Обратимся же к великому духу Небес со словами молитвы.

О, великий Туджемí, дух Вселенной, создатель Сущего!

Ты, что даровал нам жизнь, тепло и воду!

Кто наполнил наши поля стадами овец и дал нам возможность питаться!

Кто дал нам коней и вложил в руки предков меч!

Будь милостив к твоим верным слугам!

Огради нас от слуг Подземелья, от их злых наветов и дурного глаза!

Даруй нам часть своего безграничного терпения и мудрости!

Даруй силу сразить врагов!

Слава тебе, о великий!

— Слава тебе! — хором подхватили все.

— Я закончил, — сказал старик. — Начинайте.

— Позвольте мне! — Миху бесцеремонно растолкал сидящих впереди него Унэга и Тумура и остановился напротив Мергена. — Я долго терпел, — сказал он, потрясая пальцем. — И теперь я буду говорить, а ты, почтенный Мерген, будешь меня слушать.

— Конечно, Миху-ага. — Мерген встал, приложил руку к груди и поклонился. — Я весь внимание.

— Хочу посеять сомнения в душах тех, кто уповает на этого человека, — начал Миху. Ветер развевал многочисленные тонкие седые космы старика, из-за чего он напоминал злого духа Херемé. — Он вам много чего наговорил, он вообще мастак изливать сладкие речи. Но все это ложь! Мерген не чтит наши традиции; примером этого могут послужить постыдные похороны Хайса-хана. Живет не по-нашему, в каменных домах, и даже шаман его не из нашего племени, чужак, чужеземец со своими обрядами и богами. Нужен ли нам такой правитель? Вы все уважаемые люди; зачем вы идете за ним? Когда он вам прикажет обрядиться в двахíрское тряпье и усесться в разукрашенные повозки, подчинитесь ли вы ему? Нет конечно! Поверьте мне, старому вояке, он вас не поведет в бой, он лишь будет плести интриги против вас же! Дойдет до того, что, прежде чем выпить кумыс в его шатре, вы сто раз подумаете о том, а не отравлен ли он? Ложась спать рядом с женой, вы вспомните, надежные ли воины охраняют ваш покой, заметят ли они крадущегося убийцу?

— Пустые слова! — выкрикнул кто-то позади Мергена. — Чем докажешь?

Миху растерялся, но тут ему на помощь неожиданно пришел Эллак.

— Славный Наран, — невозмутимо сказал он. — Именитые и уважаемые всеми Урдес, Унур, Анебиш, селение Нурт в приозерной степи — сто человек, Ахмад из Хапíшии, сделавший для нашего народа много хорошего, семьи Нурлана и Шакира...

— Закрой рот, нечестивец! — завизжал ван Алпак, вскочив с места, но Мерген небрежным жестом приказал ему сесть обратно.

— Сколько имен! — воскликнул Мерген. — Я думал, ты за меня.

Глядя на него, Манас отметил про себя, что среди суровых степных жителей с обветренными загорелыми лицами и хмурыми взглядами он смотрится немного несуразно в своем кресле, с ровно подстриженной бородкой, пальцами, униженными драгоценными перстнями.

— Не понимаю, что означают эти слова? — спросил Эллак. — Что значит «за тебя»?

— Хм... что ж тут непонятного?.. Хорошо, скажу по-другому: я полагал, что ты поддерживаешь меня.

— Я поддерживаю себя, — отрезал Эллак. — Свою семью, свой род, своих друзей.

— Тогда что, позволь спросить, ты здесь делаешь? — снисходительно улыбаясь, поинтересовался Мерген.

— Именно потому здесь и нахожусь, — ответил Эллак. — Чтобы поддержать того человека, который больше всего меня устраивает.

— Ага! Что ж, достойный ответ сильного и... именитого человека. — Мерген отвернулся от него, и, взмахнув рукой, милостивым тоном монарха осведомился: — Кто еще хочет высказаться?

— Я! Я! — послышался дрожащий голос Хардара.

Дряхлый старец, опираясь одной рукой на трость, другой на плечо правнука, попытался встать с места.

— Не надо, не вставайте, Хардар-ата, — сказал Мерген. — Думаю, вас все видят. Говорите оттуда. Надеюсь, хоть вы не будете меня попрекать грехами?

— А может, и буду? — со злостью стиснув плечо правнука костлявыми пальцами, отчего тот поморщился и застонал, крикнул Хардар. — Что, прикажешь удушить меня? Я буду только рад!

— Что вы такое говорите?

— Не знаю, не знаю... верно, на дурака ты не похож. Можешь быть спокоен, я буду говорить не о тебе. Ну, не совсем о тебе. Я стар и живу уже так долго, что мне иногда становится стыдно и неловко. Сколько достойных мужей я похоронил, сколько преждевременных смертей видел... Но сам я цел и невредим. В последние годы я часто задаю себе вопрос: почему я прожил так долго? По чьей прихоти? Боги были ко мне милосердны; владыки наши, никогда не отличавшиеся ни терпимостью, ни пониманием, словно не замечали меня... Все это время я наблюдал, как живет наше племя, и могу вас заверить: на совести всех до единого правителей адрагов много невинных жизней! Вот и ты, Мерген, — твои руки в крови! Не спорь, я знаю, что говорю. Но я хочу рассказать вам вот о чем. Последний курултай, на котором я присутствовал, вознес твоего брата на невиданную высоту. Тогда, тридцать лет назад, Хайса точно так же, как и ты сейчас, убивал, подкупал, уговаривал... Да, он был силен и могуч, сомнений в выборе ни у кого не возникло, но все же... от того курултая у меня остались неприятные воспоминания. Я мог сравнивать: в моем родном становище, крупнейшем и самом влиятельном в свое время, ханов избирали совсем не так, и я тому свидетель!

Мерген с кислым выражением лица пнул мелкий камешек. Остальные также досадовали и свирепо поглядывали на правнука, словно бы говоря: «Заткни ему как-нибудь рот, парень, а то он нас уморит». Мальчик, далеко не дурак, все понял, но решил действовать только после тычка в бок, полученного от Берюка. Иного выхода не было — старейшину нельзя прерывать и уж тем более запретить ему говорить.

— Дедушка, — робко произнес мальчик, — разрешите вытереть вам лицо.

Хардар и правда забрызгался слюной, пока держал речь; он волновался и дрожал, как осиновый лист, но, несмотря на это, его по-старчески обветшавший голос был тверд и громок.

— Сейчас, подожди, несмышленьш, — бросил старец и с нетерпением продолжил: — Все вспоминали о достоинствах кандидатов, перечисляли их добродетели, восхваляли мужество, ловкость, эврмл...

Парнишка прервал прадеда прямо на полуслове, бестолково сунув ему в лицо платок. Это выглядело так нелепо и забавно, что многие сдержанно рассмеялись. Мерген вообще согнулся, пряча улыбку и сделав вид, что стряхивает со штанов пыль. Хардар раздраженно замычал, но несчастный правнук, терзаемый безжалостными щипками Берюка, продолжил вытирать ему рот, плаксиво приговаривая при этом:

— Вам нельзя волноваться, дедушка...

Манас, по-прежнему чувствуя себя неважно, сокрушенно покачал головой и, желая поскорее прервать эту глупую сцену, во всеуслышание заявил:

— Очень хорошо, Хардар-ата. Я понял вашу точку зрения. Итак, мы будем теперь говорить... постараемся говорить о славных чертах характеров Барха и Мергена, проявляя уважение к ним, да и к самим себе...

Но не успел он закончить, как в центр вышел Урдус. Он был взвинчен, голос его срывался на неприятный визг.

— Не могу молчать, уж извините, накипело. Долгие годы мы с Мергеном враждуем...

— Ну и что из этого? — с презрением спросил Мерген.

«Урдус похож на обиженного слугу, — мелькнула мысль у Манаса. — В таком случае, ему вряд ли поверят».

— Нет-нет! — нервно сглотнув, сказал Урдус. — Я не о дочери. Я не буду ее защищать...

«Ох, это же совсем не то...»

— ...она, безусловно, заслужила смерть. Но твоя ненависть...

«О чем я просил? — с горечью подумал Манас. — Все впустую. Или они не слышали, или глупы». Пока он размышлял, ноги окатил знакомый холодок, вызвавший необъяснимую панику.

— Да ты, сукин сын, достоин презрения! — резкий, лающий голос Пурхана отвлек старика от невеселых мыслей. — Ты и твой трусливый род — ублюдки и слабаки! Если бы не история с той шляхой, которую ты подсунул Мергену, ты уже усердней всех лизал бы ему задницу!

У Урдуса отвисла челюсть. С обеих сторон послышались гневные крики, с мест повскакивали люди.

— Да за такие слова, — чуть не плача, будто сомневаясь, проговорил Урдус, — ты умрешь...

— Ха-ха-ха! — громогласно рассмеялся Пурхан. — Уберите отсюда этого плаксивого придурка!

— Умри, собака... — нерешительно сказал Урдус.

«Позор. — Манасу было тошно на него смотреть. — Позор!» Холод сочился тонкой лентой, заползая в старика ипуская внутри обжигающе ледяные иглы. Боль и паника все больше охватывали его. Он жаждал уйти с Белеса подальше. Но он понимал, что это будет

выглядеть странно, и заставил себя остаться.

Пурхан побагровел, сжал кулаки, шагнул вперед, но путь ему преградил Шайтан.

— Сядь, — сказал он и толкнул его. Пурхан упал на спину, тут же вскочил, разразился проклятьями, но, увидев вокруг себя людей, холодно взиравших на него, подавил ярость.

Манас постучал по дереву посохом, призывая к порядку.

— Успокойтесь! — крикнул он. — Урдус, уйди, пожалуйста. Кто-нибудь, уведите этого бедолагу. Он свое отговорил.

Приближенные Урдуса поспешно увели его с холма. Он не сопротивлялся. «Похоже, он льстил себе, называя себя врагом Мергена, — думал Манас, провожая взглядом спотыкающуюся фигуру. — Быть врагом такой змеи большая честь».

Некоторое время народ гудел. Старик подождал, пока не стихнет шум, и, еще раз постучав посохом по липе, сказал, прислушиваясь к собственной дрожи в ногах:

— Я смотрю на вас и, мягко говоря, совсем не радуюсь. Мы адраги? Цвет Орды, ее вожди? Как вы думаете? Молчите... Не заставляйте меня говорить вам грубые слова. Хардар только что постарался образумить вас, но, как видно, зря. Хорошо, я повторю: мы собрались здесь затем, чтобы избрать нового хана, а не вспоминать былые обиды и бить друг другу лица. Я не понимаю, как можно это сделать, без конца понося наших кандидатов и поливая их грязью?

Сказав это, Манас умолк.

7. Плоть осыпалась грудой камней

Крин плавно поворачивал на запад. Тракт, словно прощаясь с рекой, убегал в бор. Дорога петляла меж деревьев, сквозь крону которых почти не пробивался свет.

День выдался жаркий. Досаждала мошкара и осы. Деревья становились все ниже и уродливее. Ко всему добавился ветровал: вырванные с корнем, утонувшие в траве и кустах и обильно поросшие мхом деревья.

Люди устали, часто приходилось останавливаться и очищать дорогу от дикой растительности, оттаскивать перегородившие путь стволы. Злоба яростно сквернословил, вырубая мечом заросли, по его лицу крупными каплями стекал пот.

Наконец вдалеке показался тонкий каменный шпиль: то и была стрела, о которой упоминал Сивояр.

Она венчала высокий холм с ровными покатыми склонами. Сама стрела — четырёхугольный каменный монолит — поднималась где-то на шестьдесят саженей в высоту. Снизу доверху её покрывали примитивные рисунки, изображавшие птиц и животных.

— Вот это сооруженье! — сказал Доброгост. — Вообще-то, правильно стела, а не стрела, но пусть будет так. Всю жизнь мечтал увидеть своими глазами. В летописях говорится, что стрелу поставили архи — изначальный народ, живший в такую седую старину, что страшно подумать. Пишут также, что тут приносились жертвы богам. Оттого тракт и зовётся Жертвенником. Видимо, в те стародавние времена тут было капище.

Путь от Болоньего Яра до стрелы занял у отряда шесть часов. Но трудности остались позади. Так утверждал Лещ — старый ворчливый воин с большой проплешиной на макушке и совершенно беззубым ртом.

— Я уже давно туды ходил, — шамкал он. — Годов десять как. Но знаю путь хорошо: в своё время в Залесье каждый год ездил. Далее Жертвенник всё по холмам и долинам бежать будет. Там ручьёв, озёрок... просто тьма. И там дупляки живут. Дикий народ: гнездятся, аки птицы, на деревьях, железа не знают, людей сторонятся. А далее, уже близ Залесья, так там эти, коренники. Тоже престранный народ... но поболее, тово... покультурней.

Лещ не обманул. После стрелы отряд поехал быстрее: дорога стелилась ровно и широко. На ночь остановились на опушке. Повозки поставили треугольником, разожгли костры, пустили уставших коней попасться.

Искра сидела, обхватив колени и задумчиво глядя на костер. На ошкуренной ветке жарился берёзовик. Птицу подстрелил Чурбак. Чёрный Зуб с ребятами завалил кабана; им они и занимались.

— Почему ты меня избегаешь, красавица? — незаметно подкрался к ней Девятко.

Знакомый взгляд: вокруг зеленых глаз собрались мелкие морщинки, словно воин посмеивался над ней.

— Не хочу с тобой говорить, — буркнула в колени девушка. — Хитрый ты, скрываешь от меня всё.

— А что я от тебя скрываю?

— Сам не знаешь?

— Не знаю, — покачал головой десятник. — Теряюсь в догадках.

— Летал ведь с колдуном прошлой ночью? Что смеёшься? Летал, я сама видела. Ты оборотень, перевертыш.

Сказала — и тут же подумала: «Что за глупости я говорю? С чего это я взяла?»

— Ну ты даешь, красавица. Что за ерунда?

— Будешь сейчас говорить, что оборотней не бывает, что никто не летал...

— Вот я — точно не летал. Никогда. А так хотелось бы...

— Только не ври мне.

— Княжна, — посмотрев девушке в глаза, начал Девятко, — поверь, тебя я никогда не обманывал. Я обычный человек. А то, что Сивояр — окрутник или, как ты говоришь, перевертыш, это я знаю. Ну-ка, деревянная голова, скажи, как зовётся окрутник по-научному?

Доброгост читал толстую книгу, окованную железными скобами, вплотную подвинувшись к костру и пользуясь лупой. Он метнул на десятника сердитый взгляд и ничего не ответил.

— Так, дядька, — сказала Искра, — у Доброгоста есть имя. Не обижай его.

— Хорошо, — ответил Девятко. — Прошу прощения, борода.

— Ты его всегда обижаешь, — продолжала Искра, — перебиваешь...

— Так ведь ежели борода неправду говорит? — развёл руками десятник. — Вот хотя бы о жертвах богам. Помнишь, сегодня, у стрелы, что он болтал?

— Да...

— А откуда он знает об изначальных, коли они в такую седую древность жили? Жертвы, что ли, приносили богам? А может, наоборот, они там свадьбы устраивали?

— Так в Мехетии написано! — возмутился Доброгост, взметнув указательный палец вверх. — А мехетские писания — это самый уважаемый и почитаемый труд! Книга на все времена!

— Ну и что? — парировал Девятко. — Мехетские старцы, конечно, мудрые люди... но народ — мудрее. Лещ!

— А? Чаво? — Лещ старательно чинил кольчугу.

— Скажи, друг, отчего тракт Жертвенником кличут?

— Нутк, известно, отчаво. Это от коренников пошло. Они столбам этим издревля поклоны бьют. У них и боги те, что на столбах нарисованы. К примеру, ястреб. Конечно, щя коренники уже не те. Раньше у всех столбов жертвенный огонь держался. А щас...

— А сейчас? — спросила Искра. — Что сейчас?

— Так ведь вои — воиграды — идолища свои поганые, трехликия, везде понатыкали. Суть нашу искореняли, сволочи. Многие им поддалися.

— Ну что? Слышал? — обратился Девятко к Доброгосту. — Как окрутник зовётся-то?

Писарь, не отрываясь от книги, буркнул:

— Полиморфом.

Потом, заметив, что его слушают многие, добавил:

— Полиморфами зовутся твари... в смысле, люди... умеющие превращаться во что угодно. Предположительно они появились на нашей земле во время Века Пса. Ну то есть давно. Всё, прошу меня не отвлекать.

С этими словами Доброгост вновь углубился в чтение. Воины разочарованно отвернулись и продолжили заниматься каждый своим делом: кто точил оружие, кто латал одежду, кто играл в кости, а кто-то и вовсе лег спать. Черный Зуб с едва заметной и какой-то

отрешённой улыбкой бродил вдоль кромки леса, срывая листочки и к чему-то прислушиваясь.

— Что там, Зуб? — окликнул его Злоба.

— Да нет. Пока ничего...

— Я родился недалеко от Дубича, — рассказывал Девятко, — в местечке, называемом Красная Ель. Тогда, лет пятьдесят тому назад, Воиград силен был. Помню, мальцом был, когда они, вересы — это так себя воиградцы звали, истинные вересы, значит, — спалили Дубич дотла. А вместе с ним и все окрестности, и родное село моё тоже... Народ порезали, кого в рабство угнали, кого просто, в яму... вот тогда остался я один-одинешенек.

Десятник лежал, положив под голову руки.

— А... а родители твои... сестры, братья? — спросила Искра.

— Да что вспоминать, — отмахнулся Девятко. — Нет их, и всё тут. С тех пор скитался я по миру. Жил дикарем в лесах. Когда подрос, попал в батраки к торгошам на рынках Вередора. Был наемником у тремахов, в рабстве был, разбойничал на берегах Волдыхи. А лет двадцать назад занесло меня в ваши края. Так и остался. Да, лет двадцать уже прошло... Потому-то много о чем ведаю. И потом, я всегда был несколько любопытен. Вот, например, про драконов знаю от человека родом из Стейнорда, страны на севере, граничащей с Безлюдьем. Его звали Торном Рыжебородым. Вместе мы батрачили в шахтах камнесов, в предгорьях Орлиного хребта, это там, где Вечные горы. Рыжебородый утверждал, что сам прикончил четырех драконов и очень гордился этим. И таких примеров из жизни могу рассказать тебе, красавица, сотни.

— А кто же тогда летал вместе с ним, с ведуном?

— Окрутники не могут иметь детей, — пригладив усы, сказал десятник. — В некотором смысле, они не совсем люди. Так что «сыновья» Сивояра и не сыновья ему вовсе. Скорее, тоже нечисть какая. Может, они и летали, почему я знаю? Короче, Сивояр, конечно, ведун... только таких людей надо избегать. Понятно?

— Понятно... — призадумалась девушка. — Но о чем же ты шептался с ним?

— Честно? — сказал Девятко, по-отечески обняв Искру за плечи и поцеловав в лоб. — Не хотелось бы об этом говорить. Придет время, узнаешь.

Рядом присел Черный Зуб.

— Слушай, десятник, — сказал он, — в лесу кто-то есть. За нами наблюдают.

— Я уже это понял по твоему поведению, Зуб. Удвой караул. Мы на открытом месте; ежели что, сразу заметим. Главное, не спать.

— Уже, — кивнул воин.

— Добро.

Черный Зуб так же тихо ушел.

— О ком это он? — поинтересовалась Искра.

— Не знаю, — пожал плечами Девятко. — Но ты не бойся, отобьемся. Не впервой.

— Это те, черные?

— Может, и дупляки. Дупляки безвредны.

Девятко был совершенно спокоен, и его уверенность передалась девушке. Тут она вспомнила о брате, которого весь вечер не видела.

— Горыня опять напился? — спросила она.

Ответом ей был усталый вздох десятника.

Ночь. Над догорающими кострами порхали мотыльки. В тусклом свете луны серебром отливали мечи и наконечники пирамидкой сложенных копий. Воины вповалку лежали на примятой траве, рядом со щитами, головы положив на седла. Мерно расхаживали вдоль леса часовые, всматриваясь во тьму и тихо перекликаясь. Прерывисто храпел Горыня, улегшийся под одну из повозок. А кто-то пел...

Эй ты, ветер! Ветер непокорный!
Ты кружишь, летаешь, вьешься!
В небесах гуляка вольный,
По степи паришь как сокол!

Ты скажи мне, где та птица,
Что несет с собой забвенье?
Что успела мне присниться
Прошлой ночью на мгновенье...

Песня робко текла, словно растворяясь в ночи. Искра смотрела на звездное небо и из хаоса крошечных точек в который раз, и всегда с удивлением, выхватывала знакомые фигуры: вон, чуть слева, Три Дуба; а прямо над ней Беркут. Тут же Чаша, Крадущийся Волк и... стоп.

Юный Вьюнок по-прежнему грустно пел. Но она уловила еще чей-то голос.

Грудь израненная стынет,
На устах мой крик смолкает...

— Постой, малой, — прошептал Девятко, — перестань. Ты слышал?
— Чего? — растерялся Вьюнок.

Певцу вторил отдаленный голос. Как только парень смолкал, стихал и неведомый пересмешник. Но девушка все-таки расслышала в нем нечто зловещее, леденящее душу. Отклик такой слабый, тонкий, что создавалось впечатление, будто подпевают где-то там, на Снежном Валу, за которым только безжизненный холод Безлюдья. Подпевают, словно хотят предупредить: «Мы все слышим. Мы все слышим...»

— Эхо? — спросил Вьюнок.

— Нет, это не эхо, — ответил Девятко. — Ты и поешь-то тихо. Откуда ж эху взяться? Это что-то другое...

На следующий день отряд поднялся рано, на заре. Княжич был трезв и серьезен.

— Искра, встань между повозками, — командовал он, вытирая вспотевшее лицо платком. — Гвоздь, Милен, Вьюн и ты, Хорс, наденьте щиты, прикрывайте сестру с обеих сторон. Едем так быстро, как только сможем. Будьте наготове, ловите каждый шорох. Лещ, далеко ли до этих, как их?..

— Коренников, что ль? Ну, коли вскачь пойдём, то к завтраму придем. После обеда, где-то так. Там ихняя первая весь — Столбовой двор, или Столбняк. Вот там столб как столб! Широкий, аки гора, но не такой высокий... Обломленный.

— Всё, хватит. — Горыня дрожащими руками дернул поводья. — В путь!

Жертвенник пролегал по очень не похожим друг на друга местам. Курчавился лес на крутых холмах. В чаще поблескивала гладь заросших камышом и ряской озер.

Чёрный Зуб хмурился, оглядывался, хватаясь при этом за секиру, висевшую на поясе.

— Чего он шарахается, ведь не видно никого? А, Меченый? — спрашивал Чурбак.

Злоба удивительно тихо отвечал:

— Ежели Зуб что-то видит, значит, так оно и есть. Он никогда не ошибается.

День прошел спокойно. Долго искали подходящее место для ночлега. Прямо в лесу опасались. Встали на холме, поросшем редким кустарником. Кусты вырубил, наспех соорудили что-то вроде частокола: криво и нечасто воткнутые в землю кольца угрожающе смотрели остриями на лес.

— Хоть одну птицу за весь день кто-нибудь заметил? — неожиданно спросил Девятко у воинов, окруживших костер. — Вчера еще живность была. Шагра будто вымерла...

— Ночь, — вторил ему Злоба. — И волков не видать. Не нравится мне это...

— Вот это действительно странно, — задумался Девятко. — Ежели даже волков нет... что ж за нечисть здесь завелась?

Ночью таинственный крик снова отзывался на голоса. Все были встревожены, дремали чутко. Искра спала в повозке, примостившись между сундуками, обняв Буяну и уткнувшись головой в ее пахнущие травами волосы. Она устала за день — от быстрой скачки, от кажущегося ей надуманным врага. Она боялась, но чаще злилась; всё время хотелось вырваться вперед и пуститься вскачь. И еще — мучительно — хотелось кому-нибудь нагрубить, но приступы ярости быстро проходили, и она в который раз тупо отдавалась изматывающей езде по изогнутой, изрытой дороге.

Искра проснулась посреди ночи. Откинула полог фургона. Человек десять на посту сонно вышагивали среди колеб. У подножья холма деревья окутывал неестественный, бледно-молочный туман. Он оплел стволы, словно паутина.

Искра вылезла из повозки и... очутилась одна. Ни дружины, ни коней, только полусгнивший частокол. Под ногами в воздушную пыль разлеталась сгоревшая трава; внизу в безмолвной скорбной мольбе воздевали к неприветливому темному небу обугленные ветви искривленные деревья. Свистел ветер, разнося гарь и смрад разлагающихся тел. Среди деревьев бесшумно двигались тени. Сгорбленные, страшно исхудавшие люди шли друг за другом. Шли и шли — обреченно, безжизненно. На ссохшихся лицах — бездонно-черные, немигающие глаза. Искра разглядела и другие существа: маленькие, пузатые, с непропорционально длинными и невероятно тощими руками и ногами. Они ползли по земле и не отрываясь глядели на нее огромными буркалами.

Искра заметалась по холму, ища спасения, и вдруг наткнулась на... сову.

Неясыть сидела на кольшке. Антрацитовые очи равнодушно взирали на странные создания, крадущиеся по склону холма.

Проснувшись, Искра потянулась и больно ударилась затылком об окованный железом сундук. Тут же очарование летнего утра испарилось — с его освежающим запахом трав и цветов, что принес в фургон легкий ветерок — хрупкий, невесомый, исчезающий...

Наступил шестой день пути по неоднократно проклятому всем отрядом лесу.

Необъятная Шагра опустела.

Не пели птицы, не слышался треск ломаемых медведем кустов, не сверкали в темноте

чащи волчьих глаза — удивительно, но по ним дружина даже скучала.

Опустела Шагра.

Шумела листва, журчали ручьи...

Опустела.

Чьи-то тени мелькали в гуще деревьев, преследуя отряд. Тени являлись людям в холодных опустошенных снах в виде истощенных призраков, в отчаянии протягивающих высохшие руки, заманивая в бездонную, безжизненную, ледяную тьму.

Искра с тоской осматривала хмурые лица, всегда отворачиваясь от брата. Горыню рвало. Вчера он был пьян, мрачен и зол.

Минувший день, самый тяжелый и зловещий, прошел как во сне. Отряд двигался по Жертвеннику невероятно медленно, словно сам воздух сгустился, препятствуя им. Горыня свирепо смотрел из-под нависающих, как скалы, бровей. Накануне он избил дружинника Милена только потому, что тот вовремя не ушел с дороги. Парень со сломанными ребрами лежал в повозке, привязанная к ней же лошадь печально брела вслед.

Поведение Горыни тяготило отряд. Никто не смел перечить княжичу, лишь одна Искра решительно двинулась к фургону, где находилась бутылка с самогоном. Но не успела девушка хоть что-то предпринять, как скользкая от пота ладонь Горыни впечатала ее в дорожную пыль.

— Не смей! — услышала она его гнетущий голос.

Ярость, нараставшая в ней с каждым днем, чуть не выплеснулась наружу. В какой-то момент Искра побежала в лес. Ветки хлестали по залитому слезами лицу.

Отряд выехал на широкую просеку. С обеих сторон круто сбегаящие вниз склоны заполнил лес; кое-где земля обрушилась, обнажив бурю породу; обломки деревьев, с торчащими во все стороны кривыми корнями, валялись тут же.

Горыня ни с кем не разговаривал, но и не пил. Долго так продолжаться не могло, это понимали все. Княжич, в конце концов, не выдержал — напился, однако вел себя спокойно.

Утром он подошел к Милену, посмотрел на него, похлопал по плечу, ничего не сказав; парень испуганно смотрел на княжича, ожидая неприятностей, и выдохнул, лишь когда Горыня скрылся из глаз. Искра, поняв, что он хочет поговорить и с ней, не скрывая избегала встреч.

День клонился к вечеру. Поскрипывали колеса фургонов, фыркали кони.

Неожиданно отряд наткнулся на обнаженного человека, одиноко стоящего посреди дороги. У незнакомца была шершавая кожа песочного цвета. Глаза — черная бездна.

На вытянутых руках человек держал младенца. Что-то потянуло Искру вперед, она спустилась с лошади и сделала шаг навстречу. Незнакомец положил младенца на землю и отступил. Шагнула еще...

— Не надо, не надо, госпожа... — услышала она.

Рядом шли дружинники. Мечи сверкали на солнце, сапоги шуршали по гравию.

— Остановись!..

Но Искра не остановилась. Она наклонилась и подняла теплое тельце... и сразу же с отвращением выбросила младенца. Он источал запах падали и обжег руки льдом. Ребенок падал медленно, как во сне, и его плоть осыпалась грудой камней. Щебень с глухим стуком раскатился по тракту. На земле остался лишь скелет.

Человек засмеялся. Его жуткий смех громом разнесся по ущелью, превратившись в

оглушающий, вибрирующий, рокочущий гул.

У Искры помутилось в глазах, подкатила тошнота. Последнее, что она видела перед тем, как упасть в обморок, — что воины бросились на этого странного человека. Но он, продолжая завывать, покрылся трещинами. Внезапно нахлынувший ветер подхватил песчаное облако и унес в небеса.

Придя в себя, Искра увидела печальное лицо склонившегося над ней брата. На щеках играл пьяный румянец.

— Приди в себя, сестренка, — говорил княжич.

На какое-то мгновение Искра почувствовала, что на самом деле любит Горыню. Его глаза, действительно хорошие, чем-то напомнили ей Светлогора и Младу. В этом сиюминутном порыве она готова была обнять его... но торопливо скрыла в глубине души свои искренние чувства, словно пряча от ненужных глаз.

Тяжело любить близких тебе людей. Волна гнева, вновь захлестнувшая девушку, принесла облегчение. Она вспомнила грубую ладонь, с такой оскорбительной небрежностью врезающуюся в ее лицо. Грязные слова, что до сих пор жгли, точно раскаленный прут.

— Уйди от меня, мерзавец! — закричала она, отталкивая его. — Не трогай меня!

Горыня, пошатываясь, поднялся.

— Не надо, — сказал он. — Все, хватит уже...

— Ненавижу тебя! — не унималась она. — Тебя и твоего брата! За то, что вы с отцом насмехались над нами!

— Сестренка, поверь, я не...

— Думаешь, я забыла, как эта тартыга Светозар издевался над Светлогором? Он называл его зверем и сажал в клетку! А ты смеялся за его спиной, смеялся, как услужливый холоп!

Горыня задрожал, вцепился в волосы руками.

— Что ты хочешь мне сказать? — продолжала Искра. — Что я твоя сестра? Что ты позаботишься обо мне? А где ты был раньше? Почему ты не оплакиваешь нашу мать? Не оплакиваешь Младу, отданную на поругание этим нечистым? Что хорошего для тебя сделал Светозар? Ничего! Только тем он и запомнился, что спаивал тебя! И что, думаешь, я не знаю, что вы замыслили убить отца?

Искра мгновенно замолчала, поняв, что все смотрят на них. Горыня оглядывался вокруг остекленевшим взором. Она посмотрела на брата и всей душой почувствовала, какой удар она ему нанесла. Ей опять стало жалко его. Но, вопреки этому, она еще раз крикнула:

— Получи, мерзавец! Подавись! Пусть все знают!

И отвернулась.

Ей было стыдно. Она судорожно хваталась за борт повозки бешено трясущимися руками. Мысли вихрем неслись в голове. Ненависть и стыд, жалость, раскаяние...

Тартыга — пьяница.

8. Это священное место

Унэг почувствовал растущее беспокойство Манаса, да и сам тревожился все больше. Старик постоянно растирал колено, морщился. И поглядывал на Барха. Исподлобья. Воин задумался, что бы это могло значить. Ему показалось, что Манас винит внука в плохом самочувствии.

«Винит Барха в плохом самочувствии? — подумал он. — Что тот со стариком сделал? Так ли важно это здесь?»

Тебя ждет такой же конец. Помни об этом, багатур...

Унэг вздрогнул. Слова венежанки засели в голове. Неотступно преследовали всё время. И внезапно словно выстрелили, принеся с собой тревогу.

«Так ты мстишь, несчастная... Или нет? Или хочешь предостеречь? От чего?»

Он ощутил холод. Откуда-то изнутри. Как будто тонкая ледяная змейка, медленно замораживая все вокруг, ползет к сердцу. Воин посмотрел на Манаса. Старик же впился глазами в Барха. Взглядом, полным ненависти и страха.

Помни об этом...

Унэг поспешно отогнал мысли. Через силу попытался сосредоточиться на происходящем.

Между тем, как только Манас замолчал, Мерген встал с кресла и начал:

— Спасибо тебе, Манас-ата, за мудрые слова. Не знаю, есть ли у меня право сказать свое слово на курултае, на этот счет я несведущ. Но я все-таки должен оправдаться, ибо решается моя судьба, понимаете ли! Много обвинений я услышал, и не только сейчас, но и в последние дни. Значит, я — убийца и просто чудовище! Честно говоря, — со смешком прибавил он, — слушая вас, мне и самому стало страшновато. Однако, дорогие мои, посмотрите-ка на себя! Так ли вы безгрешны? Вот Байрак, наш друг. Рассказать вам о том, что он вытворяет в своих владениях? Не надо? Нет, я все-таки расскажу, и только об одном моменте. Те, кто был у него в гостях, знают, о чем я. К его палатам, не менее пышным, чем мои — заметь, Миху-ата! — ведет дорожка, сложенная из черепов казненных по его приказу людей. Дорожка из сотен черепов! Ну да ладно, все знают, что Байрак мясник... Кстати, это правда, Байрак-гай, что ты недавно задушил свою жену?

— Правда, — насупившись, буркнул Байрак.

— Женщины болтают, — заложив руки за спину и прохаживаясь по кругу, продолжал Мерген, — ты так старался, что у нее оторвалась голова и опорожнился кишечник прямо в твою чашу с бешбармаком. Брр! Какая жуть! Разве я позволял себе что-либо подобное? Мне даже подумать об этом страшно! Да, я устранял врагов — так же, как Хайса или Пурхан. Как Талгат, наконец. Да все так делают — и венеги, и дженчи. А по ту сторону Терсунэ-Ойи, как я слышал, есть разбойник по имени Военег. Из венежского племени, кажется. Так он вообще свиреп и кровожаден до невозможности. Так что не надо... Я всегда действовал в интересах семьи и рода. Ради собственной безопасности и спокойствия близких и соратников. Корысть и что-либо ей подобное — видят предки! — никогда мной не двигала. Меня еще обвиняют в том, что я держу в услужении кровожадных убийц, и указывают на Шайтана — он, видите ли, плохой. А Берюк? А Унэг, наш великий воин? Они разве не убивали по приказу Хайсы? Вот видите, не такой я и плохой, оказывается. Теперь давайте поговорим о моем безвременно почившем брате. В последние годы он ожирел так, что не мог залезть на коня!

А вот двахирский хан, в любви к которому меня попрекают... знаете что-нибудь про него? Ага! Вижу, вижу — вы презираете их! Тогда послушайте меня внимательно. Хану Двахира пятьдесят пять лет, он строен, мускулист, — ни капли жира! Он отличный наездник, искусно владеет мечом, в чем может поспорить с самим Унэгом, и у него двадцать жен и сто наложниц. И каждую ночь он посещает десятерых! Я не лгу, это правда! А хан дженчей? Да он еще огромней Шайтана, и на руках его несколько сотен зарубок, выжженных каленым железом, по одной на каждого убитого им соперника в равном поединке! В равном! По ихнему закону, ханом может стать любой человек, бросивший ему вызов. Это может сделать даже последний нищий! И вот уже десять лет Скидуру никак не свергнуть!

Мерген умолк, переводя дух. Воцарилась тишина, прерываемая крепчающим ветром, с тоскливым воем пронесившимся по равнине.

— О Хайсе не хочется и упоминать, правда? Дженчи с гхуррами знают, что Буретраhal венежанку, в то время как сам Хайса смотрел на это и пьянствовал. Что это, как не позор? Позор на всю степь! Да, знаю, вы скажете: «Что тут такого, она ведь была рабыня, наложница!». Но делать это на глазах у всех? На глазах у отца? Толстого, вечно пьяного, слюнявого мужика? Тьфу! Достоин ли так вести себя гордому воину? Нет и еще раз нет! Мы называем себя хозяевами степи, но это далеко не так. Мы владеем лишь одной третью, если не четвертью ее, — большая часть под пятой у гхурров и дженчей. Кто вспомнит последнюю победу над ними? Вот, я так и знал. Вообще, лишь один великий Габа пару раз бил шайтанов, и все. Вот совсем недавно гхурры вторглись в улус Аюна. Хайса ответил, что не будет ему помогать. Что, по его мнению, у Аюна достаточно сил одолеть этих псов. Вот как Хайса помог своему, можно сказать, брату, у которого накануне случилась беда, — чума пронеслась по его краю, убив половину населения. Аюн, не в силах сопротивляться, бежал, оставив родную землю на растерзание врагу. В итоге, за день до своей позорной смерти, Хайса приказал собрать с изможденных и покалеченных остатков улуса Аюна тысячу человек для похода против венегов! Вы же слышали? Хайса, мой брат, которого я оплакиваю, поверьте, намеревался возглавить поход на венегов!

Ропот прошел по рядам. Речь Мергена произвела сильное впечатление на собравшихся. Унэг видел, как подаются они вперед, внимая его словам. К сожалению, старейшины тоже начали с важным видом переглядываться. Перешептываться, кивая. Да, Мерген хорошо говорит, очень хорошо. Может, стоит...

Унэг вздохнул. Что-то подсказывало ему: бой еще не проигран, хотя в данный момент — момент торжества сияющего и довольного собой Мергена — это казалось невыносимым.

Странно, Барх за все это время почти не пошевелился. Лицо его было непроницаемо. Но Унэг хорошо знал, какая буря бушует в душе сына Хайсы. Традиционно мнительная, подверженная приступам уныния и неуверенности в себе натура Барха уступала натиску леденящего, чужеродного, равнодушного ко всему живому гнева. Унэг испугался, вновь ощутив подкрадывающийся холодок. Вот откуда это всё. Вот почему ушел Манас.

И вот от чего предостерегал его дух венежанки. «Как можешь ты?.. — мысленно обратился к ней Унэг. — Ведь я отдал тебя на смерть... Почему?»

Воин посмотрел на Барха. В нем было что-то демоническое. словно он перерождался, постепенно превращаясь в неукротимого монстра. И Унэг с отчаянием подумал, что, наверное, Мерген предпочтительней. Мерген — лживый, коварный — все же человек...

Манас вдруг встал и встряхнул ногой, как будто она затекла. Мерген, видя, что ничего не происходит, заметно занервничал.

— Ну что? — не скрывая своего раздражения, спросил он. — Манас-ата! Что дальше? Будет ли твой внук говорить?

— Спроси у него сам! — тяжело дыша и прислонившись к стволу дерева, огрызнулся старик. — С меня хватит!

С этими словами он, к великому изумлению присутствующих, торопливо, почти бегом, удалился.

— Что происходит? — растерянно поинтересовался Мерген. — Что это он?

— Послушай, Мерген-хан, — нетерпеливо сказал Талгат, — закончим без него.

— Да, — согласился Мерген, — Не будем тянуть. Голосуем.

Тут все обернулись. Неподалеку от холма собрались вооруженные люди. Они кричали, размахивали руками. Послышался звон скрестившихся мечей, стоны и предсмертные вопли.

— Да что там такое? — спросил Мерген. — Шайтан, пойди разберись.

Шайтан ушел. Спустя минуту на холм поднялся солдат в кольчуге, забрызганной кровью. Он пал к ногам Мергена и отрывисто доложил:

— Люди Урдуса напали на нас, великий вождь. Мы ответили им. Несколько наших убито, но мы оттеснили их назад. Урдус был на коне, размахивал мечом и поносил вас, повелитель. Кто-то пустил в него стрелу, она попала ему в шею...

— Он мертв? — прервал его Мерген.

— Не знаю. Не видел, тела не видел. Он исчез в сутолоке. Бой еще продолжается...

— Иди. Видишь, Пурхан, оскорбил его ты, а виноват я.

Старейшины, ваны и нукеры уже были на ногах, и слова Мергена потонули в поднявшемся шуме.

— Так, успокойтесь! — громко сказал Мерген. — Спрошу у вас прямо — вы признаете меня своим повелителем?

— Нет, — сказал Барх и впервые за весь вечер пошевелился, подняв голову и взглянув на Мергена. В его глазах Унэгу почудилась какая-то печаль или ему показалось? Словно Барх уже похоронил своего дядю и смотрит сейчас на мертвеца. Он вспомнил Манаса и его бегство. Старик знал эту боль и от кого она исходит.

Угрюмые лица, мечущиеся из стороны в сторону, налезаящие друг на друга, сливающиеся в единое уродливое целое. Пустые глазницы смотрят в никуда, черные рты что-то многогласно шепчут...

Барх поднялся.

— Можно мне сказать слово, дядя? — спросил он.

Шум битвы становился все громче. Унэг прислушался. «Похоже, люди Тумура вступили в бой, — подумал он, видя, как напряженно всматривается туда его друг. — Добром это не кончится».

Начал накрапывать мелкий дождик. Неистовый ветер подхватывал капли и кружил, словно танцуя с ними. Унэг обрадовался дождю, как чему-то, связанному с простой обыденной жизнью. «Как же мне надоели все эти распри, — вздохнул он. — Опять бежать, прятаться, биться. Ради... ради чужих людей, ради их проблем».

Мерген, видно, совсем забыл про Барха. Услышав его, он сначала заметно содрогнулся, затем пришел в неопишуемую ярость.

— Дядя? Никакой я тебе не дядя! Ты, гнида! Ты сдохнешь сегодня же, я лично выпотрошу тебя и повешу твое гнусное тело на твоих же кишках! Жаль, что у меня нет с собой меча... Ты знаешь, ублюдок, что я трахал жен Хайсы? По его же просьбе! Этот урод

Бурб на самом деле мой сынок! Тьфу, даже вспоминать о нем тошно! А чей ты сын, а? Знаешь, нет? Это неизвестно! Кто трахал твою мать? Может, раб какой-нибудь? Вы слышали? Барх — сын раба! Но я скажу тебе по секрету, «племянничек»: мой член бывал в заднице твоей матери! Ох и сладенькая же у нее была попка! Мягонькая! Может, поэтому твоя мамаша вскрыла себе вены, а? Я ведь так старался, вот ее тоска и заела, ха-ха! В любом случае ты не хан! Ты грязный ублюдок!

Унэг закрыл глаза. Оскорбления, сыпавшиеся из уст безобразно кривляющегося, так непохожего на самого себя Мергена резали слух всех присутствующих, как острый нож. Воин ощущал, как горят его щеки, словно все слова адресовались ему. Жаль. От этого Барх вряд ли оправится. Лучший способ — покончить с собой, что должен был сделать Урдус часом ранее. Ибо ни Тумур, и никто иной не встанет на его сторону после таких... откровений.

Унэг с небывалой горечью в душе собрался уже уходить, когда что-то заставило его обернуться. Может быть, желание взглянуть напоследок на Барха, на его падение. Правда, людям нравится наблюдать за болью других, наслаждаться ею, и это чувство сидит у них глубоко в душе. Они будут охать, ужасаться, но ни за что не помогут, и не отвернутся, и будут обсуждать между собой страдания близких. Причем ни у кого не возникнет мысль, что нечто подобное может произойти и с ними.

И он обернулся. В этот миг что-то ослепило его. Унэг моргнул, а открыв глаза, увидел в руках Барха...

Меч.

Он взмахнул им — странным, черным, с голубым отливом. Как во сне Унэг видел протянувшиеся к Барху руки, пытающиеся остановить его, и только тогда подумал: «А откуда у него... меч?»

Барх перерубил Мергена пополам — от правого плеча до левого бока. Мерген еще секунду простоял, глядя на своего противника изумленными глазами, потом верхняя половина соскользнула вниз и упала; из разрубленного туловища фонтаном брызнула кровь, окропив всех, кто находился рядом, затем тело рухнуло наземь.

Барх с холодной яростью на забрызганном каплями крови лице перешагнул через убитого дядю, ступив прямо в растекающуюся лужу крови. Мгновение — и молча набросился на сторонников Мергена. Потрясенные, они пропустили этот момент, за что и поплатились. Первыми пали Байрак и Пурхан со своим батыром. Остальные бросились врассыпную, но Барх настиг вана Шонкара, рубанул сверху вниз. Черный меч с чавканьем перерубил хребет — несчастный упал с истошным воплем. Один из братьев Талгата споткнулся и упал; Барх налетел на него, в отчаянии закрывшегося руками, и зарубил. Эллак, заметив, что Барх, вконец ослепленный жаждой убийств, увлекся, бросился ему в ноги и сшиб, но и сам упал, получив по голове палкой. Постарался Берюк. Тут же подбежал кривоногий Багша, прыгнул на спину Барху и, испустив нечто вроде рычания, стиснул его шею, но не успел что-либо предпринять, как умер — тот же Берюк, незаметно подкравшись сзади, размозжил ему череп камнем.

Барх сбросил с себя мертвого Багшу и, выставив перед собой меч, закружился, напряженно выискивая тех, кто хотел наброситься на него. На холме появились люди. С одной стороны — воины Тумура и Урдуса, с другой — отборная сотня Шайтана во главе с ним самим, держащим в руке отрезанную голову Урдуса, с которой еще капала кровь.

Унэг почувствовал легкий толчок в спину и не успел оглянуться, как ощутил привычную

прохладу кожаной рукоятки — кто-то вручил ему его палаш.

Шайтан скосил глаза на рассеченное тело Мергена, но ничем не выдал своих эмоций. Старейшины сгрудились тесной пугливой кучкой возле липы. Эллак лежал на спине, в животе его торчала длинная щербатая палка, глаза остекленели, на губах запечатлелась презрительная ухмылка. «Что за бесславная смерть, батыр!» — с великим сожалением подумал Унэг и тут же, в который раз, вспомнил жестокие слова Млады, нависшие над ним, будто проклятье: *И тебя ждет такой же конец. Помни об этом, багатур.*

— Стойте! — зычно выкрикнул Эри. — Постоите, не делайте глупостей!

Старик на коленях подполз к Барху. Дрожащими ладонями обхватил перепачканный грязью и кровью сапог, поцеловал, потом, не вставая, повернулся к соперникам.

— Послушайте меня! Ты, Тумур, и ты, Иса.

Шайтан мрачно усмехнулся, услышав свое настоящее имя, и кинул в шамана голову Урдуса, попав тому в бедро. Эри, отшатнувшись, в мольбе сложил руки и сказал:

— Разве вы не видите? Небеса благословили его — кагана Барха, вложив ему в руки карающий меч! Мы все здесь, на Белесе, были полностью безоружны, так велят нам наши обычаи, освященные древностью. Но сияющий Туджеми простер над нами свою десницу — и нечестивцы, посмеявшие осквернить хулой и наветами это священное место, подошли, как шакалы! Одумайся, Иса, и поклонись своему повелителю! Будь благословен великий хан!

— Ты смешон, пес Мергенов! — сказал Барх и ногой оттолкнул от себя шамана. — Тебе здесь не место. Убирайся или умрешь.

Эри изумленно посмотрел на Барха. Когда смысл сказанных новым каганом слов дошел до него, он растерянно оглянулся, но, заметив только враждебные лица, покинул Белес, согнувшись, как побитая собака.

Слова Эри немного охладили пыл. Обе стороны продолжали недоверчиво поглядывать друг на друга. Барх опустил меч и не спеша подошел к Шайтану. Настал самый напряженный момент за весь вечер — Унэг заметил, как выступил пот на лбу Берюка, как закрыл в страхе глаза Хардар. Шайтан, не спуская с Барха глаз, отступил на шаг, потеснив воинов. Поднял меч, левой рукой взялся за клинок и протянул его к Барху рукоятью вперед.

— Моя жизнь и мой меч в твоих руках, повелитель, — с достоинством склонив голову, произнес Шайтан.

Барх впервые, несколько нервозно, улыбнулся и отвел от себя клинок.

— Твоя жизнь мне еще понадобится, — сказал он и громко добавил: — Все, братья, расходитесь с миром! Тумур!

— Да... повелитель? — Тумур произнес этот титул немного неуверенно, словно пробуя его на вкус.

— Распорядись, чтобы здесь все убрали. Завтра мы похороним всех с почестями, похороним так, как полагается, и... Мергена тоже. Пусть простит он меня. Я не хотел этого.

іТерсунэ-Ой (Место, где рождается Тьма) — лес Шагра.

9. Выходите на бой!

Село живописно расположилось на склонах долины, среди деревьев. Чуть в стороне, затерявшись среди холмов, виднелся обломок стрелы изначальных — груда камней вокруг обширного пьедестала. Взглянув на него, Искра задумалась, кто же мог сломать такое исполинское сооружение. Точно не человек.

В опустевшей деревне царила зловещая тишина. В избах двери были раскрыты настежь, а то и просто вырваны; заборы свалены наземь. Во дворах, среди разбросанных ведер, колес, телег и прочего мусора валялась мертвая гниющая скотина. Крыши проломлены, и дранка с соломой разбросана повсюду.

— Похоже, был налет, — сказал Девятко, всматриваясь в темноту домов. — Но крови совсем нет. Была бы кровь...

— Отчего скот пал? — тараща глаза, спросил Чурбак. — И не зарублен?

— Заткнитесь все! — заорал вдруг Горыня. Он свалился с коня в придорожную траву. Полежал там с минуту, потом с трудом встал. Плюнул — длинная, тягучая слюна повисла на бороде. Вынул меч и, шатаясь, побрел вперед. — Где вы, твари? — ревел он. Меч волочился за ним, буравя острием чернозем.

Горыня подошел к калитке, ведущей в один из дворов; натужно размахнулся и ударил — послышался треск ломаемого дерева. Меч застрял — княжич попытался вынуть его, но оступился и рухнул всем телом на калитку, повалив ее и подмяв под себя.

— Где вы, твари?! Выходите на бой! Выходите! Ну же? Я приму бой! Я... я покажу всем, что я воин...

Он на четвереньках выполз на тракт.

— Я не... я не трус! Слышишь ты?! Сестренка!

Искра вздрогнула.

— Пусть так, — уже слезливо сказал он, усевшись прямо на земле. — Пусть... да. Замышляли. И много чего еще... Да, да! Но ты мне доброго слова никогда не сказала... да я и не заслужил...

«Замолчи, пожалуйста, — Искра заткнула уши, стараясь не слышать его. — Замолчи, не надо, не надо больше!»

— Выходите на бой, твари!..

Девятко, Черный Зуб и Чурбак обходили деревню. Уже был поздний вечер. Черный Зуб держал наготове боевой топор, который он называл бушоганом. Топор приковывал взгляды: рукоять из эбенового дерева, лезвие изукрашено искусно вытравленным рисунком.

— Вот этот дом, — указал Девятко. — Посмотрим, Зуб?

Они остановились перед большим срубом с двухскатной крышей, единственной уцелевшей во всей деревне. Сруб одиноко стоял на уступе, выше всех остальных домов.

— До лесу далеко, — оглядевшись, сказал Девятко. — И до ближайших домов тоже. В случае чего врага, кем бы он ни был, успеем заметить. И будем, значит, бить по нему из окон.

— А не лучше ли переночевать в лесу? — спросил Чурбак.

— Не болтай глупостей. Здесь будем.

— Странный домишко...

— Это их молельня.

— Чего?

— Коренники тут богам своим поклонялись.

Внутри было темно.

— Ничего не видно, — сказал Девятко. — Чурбак, разожги-ка факел.

Факел осветил единственное помещение, занимавшее всю внутренность сруба. Вдоль стен стояли лавки; посередине стол, также окруженный лавками. У стола лежал мертвец.

— О! Вот и первый покойничек! — усмехнулся Чурбак.

Черный Зуб осмотрел мертвеца. Им оказался тучный дядька с густой бородой. Все обратили внимание на его искаженное ужасом лицо.

— Надо бы вынести его отсюда, — сказал Девятко, — и бросить где-нибудь подальше.

— Согласен, — ответил Черный Зуб.

Они волоком потащили труп. Бросив его в овраге, повернули было назад, когда Чурбак крикнул:

— Стойте!

— Чего еще?

Чурбак пугливо заглядывал в овраг, водя перед собой факелом.

— Мне показалось, вроде мертвец закрыл глаза... Моргнул, что ль?

— Брось молоть чепуху, — сказал Девятко. — Пошли.

Горыня сидел на крыльце того самого дома, где два часа назад разбил калитку, и жадно пил воду прямо из своего шлема.

Утолив жажду, он швырнул шлем на землю.

— Где они? — спросил княжич.

— Вон, идут.

Дружина и братья-близнецы столпились у повозок. Искра стояла одна. Доброгост делал вид, что считает вспыхивающие на небе звезды. Злоба шагал в одиночестве. Изредка вынимая меч, размахивал им, словно веткой, при этом так хищно скаля зубы, что становилось страшно. Он владел шкрамашом — аларским двуручным мечом с обоюдоострым лезвием и довольно коротким клинком — всего в полтора раза больше рукояти.

Девятко со спутниками оповестил о себе свистом. Дружина оживилась. Горыня поднял голову, рыгнул, схватившись за живот. При этом у него выступили слезы — то ли от боли, то ли еще от чего.

— Ну что? Готовы? — спросил Девятко. — Идем, что ли? Там на выступе терем — неплохое место для укрытия.

— Эй ты! — рявкнул Горыня, обращаясь к нему. — Иди-ка сюда...

Девятко остановился в двух шагах.

— Ближе, — прохрипел княжич.

Десятник сделал еще шаг вперед.

— Что я вижу? — взглянув исподлобья на него, спросил Горыня. — Ты что, князь? Командуешь тут, что ли? Что молчишь?

Девятко не ответил. Горыня вскочил; пошатнулся и ухватился, удерживая равновесие, за десятника; не без труда выпрямился, притянул его за ворот и посмотрел в глаза.

— Нагло смотришь, пес, — прошипел он. — Нагло. Хочешь показать всем, какое я

говно? Так?

Послышался свист — и придорожная березка, шелестя листьями, плавно завалилась. Злоба откровенно враждебно поглядывал в сторону княжича.

Горыня посмотрел вокруг, задержал свой взгляд на Злобе, потом оттолкнул Девятко в сторону.

Искра вновь почувствовала, как кровь приливает к лицу. Она пыталась понять, каково сейчас ее любимому «дядьке» — но десятник, кажется, ничуть не переживал. Кажется... Ее повело к нему, но Буяна, положив руку девушке на плечо, твердо сказала:

— Не надо, княжна. Пусть разбираются сами.

Искра взглянула на служанку. Серьезное смуглое лицо, карие глаза излучают спокойствие. Было в облике Буяны что-то неприступное, даже величественное.

— Хорошо.

И все же Искра, пристально наблюдая за «дядькой», за его напускным равнодушием рассмотрела испуг, затаившийся в сужившихся зрачках. Что-то ей напомнил этот взгляд...

«Да! — неожиданно осенило девушку. — Ведь так смотрят... пленные, невольники».

— Веди, умник, — скривив губы и продолжая коситься на Злобу, скомандовал Горыня.

Девятко, не сказав ни слова, перепрыгнул через обломки загородки и скрылся за спинами воинов.

Отряд подъехал к молельному дому. Стояла такая тишина, что казалось, будто стук копыт разбудит сейчас всех демонов, спрятавшихся в Шагре.

Внизу по Жертвеннику стлался странный сизый туман. Он медленно окутывал ближайшие избы и конюшни.

Воины спешили. Распрягли лошадей и отвели их, вместе с боевыми конями, в небольшую, отдельно стоящую рощицу за домом, где и привязали. Повозки сдвинули вместе перед входом, образовав нечто вроде заграждения.

Туман подступал все ближе.

— Что за чудо такое? — глядя на него, спросил Чурбак.

— Кто его знает? — ответил Девятко. — Спроси у Леща.

— Лещ! Скажи-ка, видал что-либо подобное?

Лещ, несмотря на сумерки, заметил на своей начищенной до блеска булаве пятно ржавчины и сердито тер ее рукавом.

— Нет, — ответил он.

Деревянный настил жалобно заскрипел под сапогами. Горыня окинул взглядом помещение.

— Сойдет, — сухо бросил он, устало сел на лавку и привалился спиной к стене. — Разворачивайтесь. Даст бог, переночуем...

Туман подкатился к подножию утеса, на котором находился молельный дом коренников.

Черный Зуб стоял на пороге, прислонившись к дверному косяку. К воину, поеживаясь, подошла Искра.

Черный Зуб обернулся и вежливо улыбнулся.

— Эхо, — сказал он.

— Да, я заметила. Чертов пересмешник. Что-то здесь оно особенно сильное.

— Ночь будет тяжелой, — добавил Зуб после паузы.

— Почему?

— Взгляни сама.

Искра прищурилась, подошла поближе к фургонам — и увидела движущиеся в синеватой дымке тени. Расслышала какие-то звуки, похожие на бормотанье.

Искра всматривалась во мрак ночи со всевозрастающим страхом. Никто не спал, кроме Горыни.

Стук катящихся камней. Возня. Глухой ропот.

И они вышли — отовсюду — из леса, из деревни. Их было много. Сотня, если не больше. Они шатались, падали, вставали, ползли. Издавали звуки, похожие на мычание. В ноздри ударил одуряющий трупный запах.

— Это мертвецы? — спросил Чурбак.

— Глупый вопрос, паря, — ответил Злоба. Он вынул из ножен шкрамаш, поднес его к зажженной свече на столе, с видом знатока плюнул на большой палец и осторожно провел им по лезвию. Глаза великана при этом хищно блеснули.

— Ну вот и дождались, — сказал он. — Всегда легче биться с врагом, которого видно, даже если он уже мертв. К бою, ребята.

Горыня застыл у окна.

— Позволь сказать, княже, — пробасил Злоба, встав за его спиной.

— Да... — вяло выдавил Горыня.

— Побьемся, княже. Увидишь, станет легче.

Горыня взглянул на десятника снизу вверх и нервно кивнул. «Боится, подлец», — злорадно подумала Искра.

Однако княжна и сама боялась не меньше. Она вжалась в угол и не двигалась. От вони ее начало подташнивать.

— Вот, — Буяна протянула ей платок и два листа мяты. — Вложи в платок траву и повяжи на лицо. Не знаю, поможет ли, но все лучше, чем ничего.

— Спасибо, — прошептала Искра. — А ты?

— Я стерплю, — сказала служанка.

Искра завязала платок, но облегчения ей это не принесло. Мучительно не хватало воздуха, а аромат мяты, смешавшись со смрадом, источаемым мертвецами, стал неприятен. Девушка сорвала платок, жадно вдохнула воздух, после чего все вокруг поплыло. Но она не упала в обморок — в чувство ее привела Буяна, вlepившая звонкую пощечину.

— Сейчас не время, госпожа, — сказала она.

— Все, мне уже лучше. — Искра стиснула зубы и твердо решила держаться до последнего.

Между тем дружина готовилась к бою. Горыня наконец-то очнулся, встряхнул головой и приказал десятникам разворачивать оборону; сам же вытащил меч и встал у окна.

— Так! — гремел Злоба, — Эй, братцы! Вставайте против окон и колите мертвяков!

— Не так надо, — сказал Девятко, покусывая лезвие в рот усы. Свой длинный массивный двуручник он положил на плечо. — Мне кажется, надо отрубать им конечности: головы, руки...

— Дельно говоришь, воевода, — согласился Злоба. — Они ведь мертвяки, их не заколешь, как какого-нибудь степняка. Рубите ихние сгнившие репы, ребята!

Воины заняли позиции. Мертвяки были уже совсем близко.

— А ты, Лещ, — усмехнулся великан, глядя на старого воина с булавой. — Придется тебе искупаться в их ошметках. А как же иначе? Булавой-то башку не срубишь.

— Без твоего мудрствования обойдусь, — поплевав на широкие мозолистые ладони, парировал Лещ. — Приноровлюсь.

— Девицы, — обратился Девятко к девушкам. — Будете помогать раненым, ежели таковые будут. Но держите наготове оружие. У тебя, Буяна, есть что-нибудь?

— Есть, меч, — ответила Буяна и почему-то покраснела. Она сняла вязаную накидку и повернулась. За спиной, на ремне, перекинутом через плечо, висел короткий меч в ножнах, похожий на меч ее хозяйки.

— Откуда он у тебя? — недоуменно спросила Искра.

— Мне Гуннар... то есть Черный Зуб подарил. — Буяна виновато глянула на княжну и отвела глаза.

Искра улыбнулась.

— Я и не знала, что его зовут Гуннар, — сказала она.

— Добро, — кивнул Девяткой обернулся. — Так... понеслась!

Мертвяки окружили дом со всех сторон. Они толкали друг друга, тыкались в стены, царапая бревна; лезли в окна, двери. Землистые перекошенные лица, перемазанные глиной лохмотья, руки с содранными до мяса пальцами — и ужасная, всепоглощающая вонь.

Дружинники без устали взмахивали мечами, стараясь обезглавить мертвяков, и, надо сказать, их гниющие тела хорошо поддавались, — отрубленные конечности падали, как скошенная трава. Во двор никто не вышел, боясь быть окруженным и покусанным (Девятко с Лещом предупредили, что укус мертвяка смертелен), но у четырех окон (все они смотрели во двор) и одной двери все воины не умещались. Потому отряд разделился — одни сражались, другие готовы были, в случае надобности, заменить раненых.

Через несколько минут у дома выросла груда окровавленных, скользких от гнили, крови и раскиданных кишок тел. К несчастью, зарубленные трупы не успокаивались. Вся куча шевелилась, в головах лязгали зубы и вгрызались в валявшиеся рядом тела, в землю, во что попало; руки, волоча за собой порванные нити вен, как будто ползли в бой, и их приходилось отбрасывать пинками назад. К тому же трупы все прибывали. Некоторые окружили повозки и толпились около них, ничего не делая.

Кровь лилась через порог в избу, и воины скользили. Горыню пошатывало, пот стекал по его телу так сильно, что, казалось, будто княжич облился водой. Но он старательно бился, не подменяясь; выбирал цель и рубил наверняка. Лещ и правда весь забрызгался кровью, ошметками тел и щепками; резные накладки, украшавшие окно и подоконник, превратились в вымазанные кровью и расквашенные булавой клочья. Черный Зуб и Злоба стояли плечом к плечу напротив двери. Каждый управлялся оружием искусно и даже изящно, что говорило о немалом боевом опыте. Отсеченные части тел падали на залитый кровью пол с сочным мокрым шлепком.

Искра никогда в жизни не видела и не слышала ничего ужаснее. Проклятия воинов, глухой утробный рык мертвецов, чавканье разрезаемой плоти, хлюпанье сапог в лужах крови, скрежет ногтей, скребущих по стенам...

Она сидела на коленях рядом с Миленом. Парень приподнимался, стонал и с отчаянием смотрел на товарищей; сердцем и разумом он пребывал в бою. Девушка похлопывала парня по ладони и успокаивала его, хотя сама нуждалась в утешении гораздо больше. Она

молилась. Молилась богу Высеню и Матери-Хранительнице, молилась истово, дрожа всем телом и припоминая все знакомые обрядовые песни, что распевали старухи в канун дня Рыбака или в день летнего Солнцеворота. Она никогда не делала ничего подобного, но теперь, на пороге смерти, чувствовала, что только бог, о существовании которого она никогда и не задумывалась, сможет оградить от беды и спасти.

Она просила у него прощения за все свои проступки. Просила за брата, за отца...

Спустя, может быть, час — никто не мог сказать точно, сколько времени прошло — битва прекратилась так же внезапно, как и началась. Гора поверженных мертвецов не подавала никаких признаков жизни. Но воины не расслаблялись.

— Ну что?! — рявкнул во тьму ночи Злоба. — Наелись, слизняки?

— Все целы? — осведомился Горыня, вытирая платком лоснящееся от пота и крови лицо.

— Кажется, все, — осмотревшись, ответил Девятко.

— Кто-то идет, — сказал Черный Зуб. Он воткнул секиру в дощатый пол и пристально смотрел во двор.

Шел мертвец, неуверенно волоча ноги и издавая странные шипящие звуки. Он вошел в круг сумрачного света, отбрасываемого лучиной через дверь, и Чурбак, отличавшийся острым зрением, узнал уже знакомого им покойника с бородой веером.

— Гляньте, трупак, — тот, кого мы в овраг кинули!

Бородач остановился, поводит плечами, повертел головой; рот его чудно открывался и резко захлопывался, словно печная заслонка. Судя по всему, бородач хотел что-то сказать, но изо рта его вылетало нечто, весьма отдаленно напоминающее слова:

— Аамн... амн! Вав! Вааа... амн! Пррррв...

Так мертвец простоял несколько минут. Казалось, что он непослушная марионетка, которую невидимый кукловод дергает за нити, стараясь заставить хорошо сыграть свою роль.

— Долго еще этот скоморох будет кривляться? — поинтересовался Чурбак. — Может, пустить ему стрелу в глаз?

— А что толку? — спросил в ответ Злоба. — Подойдет поближе, Лещ размажет гаденьша по стенке, и дело с концом.

— Запах!!! — бородач выкрикнул это слово так отчетливо, неожиданно и громко, что все вздрогнули и невольно попятнулись. — Запах! Запах! Запах! Запах! Запах, запах, запах запах, за-а-апах!!!

Прокричав напоследок это загадочное слово во всю мощь своей мертвой глотки, бородач упал навзничь; голова при этом оторвалась и покатилась по земле.

На некоторое время воцарилась почти гробовая тишина. Лишь слабое дуновение ветра, чуть шевелившего листья, нарушало ее.

Первым заговорил Черный Зуб.

— Запах... — задумчиво протянул он. — Ведь он сказал «запах», я правильно понял? Но что-то мне подсказывает, что речь шла не об этом. — Зуб с отвращением плюнул на темную массу за дверь. Сочающаяся кровь поблескивала.

— Что-то мне подсказывает, — сказал Девятко, — что с нами хотел поговорить не он, не бородач.

— А кто? — спросил Злоба.

— А не тот ли демон с ребенком?

— Тикать надо отсюда, мужики! — заверещал Чурбак, чуть не плача. — Тикать, пока не поздно!

— Заткнись, — прикрикнул на него Злоба.

— Так! — подал голос Горыня. — Уходим, немедля. Парни, откиньте это говно от входа... Потом за конями, если они еще живы. Надеюсь, что живы...

К счастью, все кони остались целы и невредимы, но очень напуганы. Они брыкались и шарахались от людей. Воинам стоило больших трудов успокоить их и привести во двор.

Через полчаса все было готово: повозки проверены на предмет целостности и запряжены, воины выстроились, держа наготове оружие, четыре человека держали в руках зажженные факелы.

— Спать не будем, — говорил Горыня. — Будем идти и идти, пока не упадем. Пора покинуть этот проклятый лес. У меня он уже печенках сидит.

10. Таланты и пороки

Семен проснулся и ощутил привкус горечи — ночью его рвало, как обычно. Он с трудом разлепил веки и осмотрелся. Через сколоченную из плохо подогнанных друг к другу досок дверь в каморку просачивался свет. Топчан был застелен пропахшими кислой вонью тулупами. «Где это я?» — подумал он. Он сел, но сразу лег, почувствовав головокружение и тошноту. «Опять перебрал. Вот черт...»

— Эй, Безбородый! Где ты есть? — Дверь с треском распахнулась. На пороге стоял Тур — шумный бородатый мужик в рогатом шлеме и меховой накидке на плечах. — А-а-а! Вот ты где! Вставай, уже полдень, леший тебя дер!

— Отстань, мне плохо...

— Чего ты руки сложил на груди? Никак помирать собрался?

Семен повернулся к стене.

— Пойдем, опохмелишься! — не отставал Тур. — Нежата крысу среди наших поймал! Приволок его на лобі, и там все уже сидят, и стол накрыт. Пошли, выпьем, позабудемся, чую, брячинаіі будет что надо! — Тур схватил Семена за локоть и потянул.

— Иду, иду! — проворчал Семен. — Убери ты... клешню свою.

На улице всюду светило солнце. В хуторе под названием Сосна, состоящем из нескольких обветшавших изб с большими соломенными крышами, из-за чего они напоминали грибы-боровики, никто не жил, видно, уже давно. Еще вчера, в пасмурный, сырой и промозглый день, Семену это место показалось тоскливым. Покрытые паутиной дрова, разбитые телеги, разросшиеся мох и плесень, — все было тронут печатью тлена. Но сейчас хутор преобразился — теплый день, лай собак, кони, пасущиеся внизу, у реки Белая. Туда вела живописная петляющая тропинка, вдоль которой протянулась посеревшая от времени, покосившаяся деревянная изгородь. И там, у самой воды, стояли сосны, одинокие и величавые.

Семен вдохнул, чувствуя, как в висках отдается головная боль.

— Ладно. Пошли.

Они шли мимо обоза. Разномастные, разноцветные повозки, окружившие деревушку, стиснули ее в своих объятьях, словно медведь старушку. Хутор расположился у тракта, и вчера здесь встала лагерем Сечь Беловодья, или, в простонародье, Военегова шайка — люди, которых сам князь Военег звал своей дружиной. Они промышляли разбоем и воровством и величали себя багунамиііі. В честь вереска, надо полагать.

Основу Сечи составляли дубичи, воиградцы и южные алары — алмарки; встречались и равногорцы, и тремахи, и даже кочевники Нижнеземья, в основном дженчи. Воинственный, жестокий и кровожадный народ одевался соответственно, то есть во что угодно. Гриди — элита разбойничьего войска — щеголяли больше в кольчугах либо в благородных треарийских латах, как правило, украшенных всяческими разноцветными побрякушками, выглядевшими зачастую нелепо. Их оруженосцы — отроки — благодаря хозяевам мало чем от них отличались, разве что возрастом. Остальные — хольды, простые бойцы — вообще не поддавались описанию. Единственное, что можно было отметить в их наружности — это какую-то лихость и бесшабашность. Грязные, веселые, увешанные оружием с ног до головы — и нужным, и ненужным — хольды с трудом признавали командиров.

Кстати, о командирах, в число которых входил Семен Безбородый. Каждый вожак

(бабка, кунів или, реже, тадхундв — кому как нравилось) имел под собой от пятисот до полутора тысяч человек — гридей, хольдов, вольных людей и треллей — рабов.

Здесь, в Сосне, в часе езды от Паучьего Камня (усадыбы местного боярина по прозвищу Щека) собралось пять кунов. Второй день они пировали, ожидая приезда дубичского князя Военета, для которого припасли боярские хоромы. А Щека уже благополучно болтался на виселице.

Лоб находился на поляне, за хутором, рядом с березовой рощицей. Найти сюда дорогу смог бы и слепец — гвалт стоял такой, что Семену сразу же захотелось заткнуть уши, чтобы не мучить и без того болевшую голову. Ветер разносил дым от десятков костров далеко вокруг. На вертелах жарились кабаны, птицы, зайцы и даже крысы. Бочки с соленьями, брагой и пивом стояли открытые, любой желающий мог просто взять и зачерпнуть себе чарку-другую. Народ, несмотря на полдень, уже изрядно захмелел. Некоторые, особо воинственные и неугомонные, горячо обсуждали между собой последние подвиги. К согласию такие приходили редко — стычки были обычным и повседневым явлением. Кто тискал мясистых, розовощеких хохочущих девиц, собранных ребятами со всех окрестных деревень. Еще один тип бандитов — пьяницы — ясное дело, пил, блевал и гадил, целомудренная до вчерашнего дня роца в этом смысле уже безвозвратно потеряла свою благоухающую девственную чистоту. Многие лежали на траве, дремали, разморенные зноем и горячительными напитками.

Длинный и нескладный пиршественный стол окружила толпа. Семен с Туром протиснулись сквозь строй разгоряченных тел; выкинули из-за стола двух, как выразился Тур, холуев и уселись, поздоровавшись со всеми: кунами, гридями, а также гостями — купцами, ворами, местными старостами.

— Ну-ка, Леваш! — заорал Тур, сняв шлем и бросив его на стол, прямо в миску с квашеной капустой. — Плесни батьку нашему винца и мне тоже не забудь.

— Не пойдет, — кисло глянув на деревянную кружку с молодым, отдающим рвотой вином, сказал Семен. — Не-е, не пойдет.

— Пойдет! — заверил его Тур. — Не первая, так вторая! Давай вместе!

Семен, сморщившись, выпил, покраснел, потом побледнел.

— Плохо? — спросил Тур. — Ну-ка, следующую, быстро, быстро!

Семен выпил еще, охнул, встряхнул головой, закусил соленым огурцом.

— Ну, пошла? Вижу, пошла! И третью!

— И третью! — Чокнулись, после чего Семен наконец-то обратил внимание на происходящее вокруг.

Краснолицый толстый кун по имени Нежата, с чубом, достающим до кончика носа, одетый в красный кафтан с запахнутым воротником, обнажавшим волосатую грудь, неистовствовал. На коленях перед ним стоял испуганный парнишка: лицо багровое, голый торс, загорелые руки и синяк под глазом.

— Что будем делать с ним, хлопцы? — спрашивал кун, свирепо косясь на парня.

— А что он? — поинтересовался Редедя, еще один предводитель багуньего войска — крепкий мужик с пышными, закрученными кверху усами и в сдвинутой набекрень овчиной папахе.

— Вор это, шиша! — ответил ему Нежата. — Я уже устал вам, дурни, повторять! Залез вашу мать, в телегу с салом, трелля моего избил, гад!

— На шибень его!

— Выпустить ему кишки!

— Накормите его салом, чтоб он им подавился!

— Отдайте его рагуйловским собакам, пушай его загрызут!

— Дождемся князя, уж Асмунд с ним позабавится вволю!

— Ну, это жестоко...

— Да что там! Поделом!

— Нет, нет! — запротестовал Лют Кровопийца — старый, обожаемый всеми вожак. В рту его было только два зуба, торчавших, как клыки, откуда и пошло прозвище. — Мы, свободные люди, сами разберемся. Неча кормить военеговских псов, пушай сами себе ищут добычу. По обычаю дубичей, воев и прочих вольных людей, попросту помордуем его. Хлопцы молодые у нас, горячие... Так ли, Рагуйло? Как оно у ольмарей-то? Что скажешь? А можа, отдадим его своре крысу-то? — обратился Лют ко всем. — А, други? Его гончие, поди, уже все подошли, небось?

— Не подошли, — спокойно ответил Рагуйло. Чубатый и усатый, в высокой каракулевой папахе, сидевшей на нем ровно, будто корона. Одет он был в богатую свитку, на шее — золотая цепь, и сам держался подчеркнуто строго, словно царь. — Собачки сыты и вообще устали. Так что можете «помордовать» его. — Рагуйло культурно оторвал у гуся ножку. — То, что вы, дубняки, дикари — так это ж всем известно.

— Ох ты, нуте-ка! — скривился Лют. — Ну и хрен с тобой, боярин какой! «Дубняки дикари»! Да мы, дубичи, в сто раз умней вас, убогие! У вас и государства-то нету! Так, одни шалашики!

Рагуйло одарил старика снисходительной улыбкой, посчитав ниже своего достоинства спорить с ним.

— Так, значит, будем бить... — нахмурившись, сказал Нежата. — Эй, Коснята! Хватайте этого цыпленка за цыцки и... вдарьте ему как следует! Коснята, мать твою! Я с кем сейчас разговариваю?

— Я слышал, батька! — Парень лет семнадцати подскочил к приговоренному, схватил его за волосы, пригнул и ударил коленом по лицу. Вор взвыл, схватился за рот и упал. К Косняте присоединилось еще четыре человека — такие же юные, подтянутые, с озорным блеском в глазах. Толпа расступилась, освободив место. Ребята принялись рьяно избивать жертву, целясь больше в голову, которая очень скоро превратилась в кровавое месиво.

— Оттащите поганца подальше! — ворчал Нежата, отряхиваясь. — Забрызгали кровякой все вокруг!

— Эй, а он еще жив? — облизывая пальцы, спросил Торчин, Редедин богатырь.

Юноши, раскрасневшиеся, вспотевшие, остановились. Вокруг клубилась пыль. Вор еще дышал.

— Сверните ему шею! — предложил Тур.

— Не-е, это вряд ли, — озадаченно проговорил Коснята. — Я... наверное, не смогу. Не умею.

— А что тут уметь? — захохотал Тур, вставая с места. — Учитесь, придурки!

Жуя на ходу, гридь подошел к жертве. Повертев плечами для разминки, он нагнулся, схватил вора одной рукой за шею, другую положил ему на затылок; притянул к животу, сосредоточенно закатил глаза и резко дернул. Послышался хруст, и вор, показав всем остекленевшие очи, рухнул на землю, словно мешок с брюквой.

— Вот как надо! — стряхивая пыль и кровь, сказал довольный собой Тур. — А вы что

тут устроили? Так только бабы дерутся! Эх, молодежь...

— Да, — упершись локтем в стол, сказал Лют. — Точно, бить надо умеючи, хлопцы!

Семен уже засыпал. Его толкали, Тур вместе с Левашом что-то ему говорили, перед ним все расплывалось...

— Военег едет! — послышался чей-то пронзительный голос. — Военег, со свитой! Прямо сюда, в Сосну!

Глядя на Военега, трудно было поверить в то, что он — один из самых жестоких и кровожадных людей во всей долине Трех Рек. Князь скорее походил на воплощение девичьих грез — белое, как молочный кипень, лицо, прямой нос, чувственные алые губы, зеленые глаза, смотрящие пронзительно и страстно, кудрявые темно-русые волосы, спускающиеся до плеч. Белоснежная рубаха широко расстегнута, обнажая мускулистую грудь; в руках плетка, на поясе меч в отделанных драгоценностями ножнах; великолепный вороной жеребец под стать хозяину — горяч и могуч.

Военег налетел как вихрь с дружиной — отборными воинами. Вмиг лоб опустел, остались только куны и гриди, ошеломленные столь неожиданным приездом. Князь не стал задерживаться. Узнав, что его ждут в Паучьем Камне, сразу же поскакал туда, приказав отправляться с собой Семену и Рагуйле-собачнику. Нежата, Лют Кровожадный и Редедя, у которого имелось, скажем так, тайное прозвище Мизиня, остались в Сосне с повелением сидеть и ждать.

По пути Военег ненадолго задержался в деревушке под названием Подкаменная, где заметил весьма и весьма привлекательную хуторянку по имени Нега, которую незамедлительно взял с собой, не забыв — вот плут! — на коленях испросить на то разрешения у насмерть перепуганных родителей.

Древнее имение бояр Ратмировичей было построено еще во времена Всеслава Великого. Оно стояло прямо на воде (скорее всего, на маленьком острове). Высокие зубчатые стены, башни с забавными крышами-колпаками — все это делало Паучий Камень неприступной крепостью. Последний из рода Ратмировичей, Вышеслав, умер, не оставив наследника, два года назад, и замок попал в руки предприимчивого купца, известного как Щека Бражник. Прохиндей превратил твердыню в склад для запрещенных товаров, гнал там бражку, торговал скотом, содержал бордель.

С раннего детства Военег проявил множество талантов: рано научился читать, превосходно овладел мечом, метко стрелял из лука и даже освоил игру на гусях. Почитал и любил мать, великую княгиню Ольгу. Старший брат Борис не мог похвастать ни одним из вышеупомянутых качеств: приземистый, хромой (врожденный порок — у Бориса одна нога была короче другой), угрюмый, он во всем походил на отца — князя Всеволода, умершего спустя год после рождения Военега.

Юный князь уже в пятнадцать лет поражал всех столь глубокими знаниями в области политики, философии и военного дела, что мать решила ввести его в думу. Через неделю Военег, разочарованный скукой, царившей на заседаниях в Янтарном Дворце, предложил создать в Дубиче республику на манер древнего Марна. Слова юноши всех переполошили, и его, с согласия матери, немедленно изгнали оттуда, посчитав слишком молодым для государственных дел. Вот тут вскрылась еще одна черта характера юного княжича — вспышки буйной, неконтролируемой ярости. Ему пришлось не по нраву решение бояр. Он

ругался, просил прощения, умолял мать поддержать его, угрожал, но получил безоговорочный отказ. Тогда в припадке злобы Военег жестоко избил мать, а после забил мальчишку-слугу до смерти.

Борис был в шоке. Приказал бросить смутьяна в темницу. Но Ольга, несмотря на раны, простила и регулярно навещала младшего сына, чем вызвала гнев и зависть Бориса. Великий князь повелел изгнать из страны брата с наказом никогда больше не возвращаться.

Настал час, и под горький плач княгини-матери Военег покинул родные края, имея за спиной лишь котомку с сухарями и вяленым мясом.

Пока сломленный горем Военег бродил по дорогам долины Трех Рек, ища себя в этой нелегкой жизни, в тех краях крепла слава Семена Безбородого.

О детстве Семена было известно только то, что он сирота и вырос на улицах Воиграда. В юношестве прославился как искусный и неуловимый вор. Именно Семен (если верить слухам) стащил прямо с алтаря в Храме Триединого Бога священную реликвию — посох Аптомаха Старого, изготовленный из слоновьей кости, инкрустированный золотом и алмазами — дар Треарийской церкви. Как ему это удалось сделать, одному Триединому известно; сам Семен о воровском прошлом никогда не рассказывал. Но память о нем жила до сих пор — ведь, несмотря на все усилия, посох так и не нашли.

Как ни искусен был Семен, но тюрьмы ему избежать не удалось. Попал наш герой на каторгу, в Порцинские каменоломни, в простонародье — Порчу. Каменоломни находились у западных склонов Вечных гор, там, где начинается путь великий Крин. Местные издревле занимались горной выработкой силами каторжников, погибавших в тех суровых местах толпами.

В 861 году в Порче вспыхнул бунт. Во главе восставших встал гвинтанец Дорош Лучник, близкий друг Семена. Ничего подобного здесь никогда не случалось. Камнесы, как называли местных, и немногочисленная воиградская стража оказались застигнуты врасплох, за что и поплатились жизнью. Перебив всех, каторжане затопили каменоломни, разрушив плотину.

На подавление восстания Блажен выслал войско, но его уничтожили равногорцы, как раз в то время поднявшие бунт против Воиграда. Каторжане разбежались кто куда. Многие остались с Дорошем, провозгласившим себя, ни много ни мало, тадхундом всея Междуречья. Хунда Дороша довольно быстро стала неотъемлемой частью великого множества банд, хозяйничавших на громадной территории от дельты Волдыхи до Хордревского княжества.

Весной 862 года Дорош умер (ходили слухи, что его отравили), и новым тадхундом избрали Семена, зарекомендовавшего себя бравым вожаком и тонким стратегом. Прозванный Безбородым (ибо он не терпел никакой растительности на лице), он превратил хунду из сборища пьяных оборванцев в боеспособное воинство. Многие его нововведения и сейчас оставались в ходу у багунов: разведка, кавалерия, гвардия, составленная из захудалых бояр и зажиточных крестьян (гриди), строгая дисциплина, вводимая на время разбойничьих рейдов. Через пару лет хунда Семена превратилась в могущественную силу, противостоять которой не мог ни дряхлеющий Блажен, ни князь Кирьян, ни Борис. К слову, именно Семен первым потревожил покой марнийцев: его знаменитый поход на Диний — славный и богатый город — в 865 году являлся неслыханным по своей дерзости и безумию (отряды Семена прошли по горам, там, где кроме диких горных племен, никто не бывал, и практически полностью разорил динийскую область!).

В этот знаменательный момент судьба свела Семена с Военегом. Сей юноша если и переживал по поводу своей горестной судьбы, то недолго. Пользуясь привлекательной

внешностью, он с легкостью охмурил некую немолодую вдову из Луха. Поселился у нее и безбедно жил целый год, пока она неожиданно не умерла, оставив все состояние приживале в наследство. Дети вдовы, давно уже точившие зуб на подлеца, несмотря на завещание покойной, сразу прогнали Военегу.

В который раз бывший княжич принялся топтать пыль дорог.

И на этот раз дороги эти завели его в стан Семена. Безбородый благосклонно принял гостя, выслушал его, посочувствовал и предложил остаться. Военег впервые за много лет возликовал — ведь он столько слышал о тадхунде! Богатое воображение рисовало ему радужные картины, а честолубие, не имевшее границ, наконец-то нашло себе выход.

После развала Империи центральная ее область — Междуречье — сильно пострадала от междоусобных войн мелких князьков и баронов, а также от чумы и голода, разразившихся в период Безвластия. Обширная и плодородная территория, через которую проходило множество торговых путей, практически обезлюдела, ибо в те времена бытовало мнение, что она проклята и пропиталась духом ненавистного всем Карла Кровавого.

До Военегу в Междуречье существовало огромное количество соперничающих друг с другом разбойничьих шаек, занимавшихся грабежом, набегами на соседние государства и работорговлей. Когда сильные мира сего спохватились, было уже поздно. Собственно, война с Хутором Абаряха — столицей этого, если можно так сказать, государства, — была бы слишком обременительна. Поэтому на Сечь Беловодья, как стало называться воинство Военегу, все плюнули. В последующие тринадцать-четырнадцать лет Военегу, благодаря поддержке Семена, подкупом, обманом, жестокостью, да и храбростью тоже возвысился и подчинил себе практически всех лиходеев, свирепствовавших в Междуречье.

i **Лоб, лобное место** — плаха, место казни. Здесь: людное место.

ii **Брячина** — пир, попойка.

iii **Багун, или багульник** — болотное растение из семейства вересковых.

iv **Кун, куна** — вожак (древ. — алар.)

v **Тадхунд** — отец сотни (коэдр.)

11. Место, где рождается тьма

Туман окружил молельню. Но, словно наткнувшись на невидимую стену и не имея возможности ее преодолеть, стал расползаться. Вверх, в стороны... Дувовая хмарь, как выразился Лещ, как будто пыталась поглотить их вместе с защитным колпаком.

Отряд тронулся. Туман тут же пришел в движение. Раздался тягучий, заунывный вой. Искра никогда не слышала ничего подобного — звук был настолько одинок и вообще чужд, что она похолодела. В какой-то момент показалось, что во всем мире остались только они — сорок человек с лошадьми да гора мертвецов. Безжизненная песня пробуждала в душе вечно сопутствующую жизни боль — боль рождения, страданий, старения... Княжна показала себе несовершенной. Она — всего лишь навозный жук, грязное пятно на теле Пустоты. Не если слиться с ней...

Чей-то крик встряхнул девушку. Ехавший впереди возничий Воропай ругался, таща за постромки лошадь, заступившую за черту марева. Стоило животному сунуться туда, как она рухнула, будто подкошенная. К возничему поспешили на помощь братья. Вместе вытянули лошадь...

И встали как вкопанные.

У животного отсутствовала голова: словно срезало ножом. На месте среза не текла кровь — она остановилась в сосудах, точно прижатая стеклом. Воропай притронулся к ране и в ужасе отдернул руку.

— Лед... лед! — воскликнул возничий.

Дальше произошло самое невероятное. Воропай затряс рукой как ужаленный, заметался, затем побледнел и через несколько секунд рассыпался в прах.

И тут отряд запаниковал. Люди бросились обратно в молельню. Напрасно Горыня кричал, призывая к порядку, его просто оттолкнули. Но Злоба успел перегородить вход.

— Стоять, сукины дети! — громогласно пробасил великан. — Взяли себя в руки, иначе отправитесь в Бездну вслед за Воропаем!

Все сразу присмирели.

— Княже! — обратился он к Горыне. — Командуй!

— Кто меня толкнул? — спросил тот с перекошенным от ярости лицом.

— Да кто его знает? — буркнул Лещ. — В суматохе... Оно ж вона как...

— Забудем, княже! — сказал Злоба, но Горыня метнул на него острый взгляд:

— Нет, не забуду! Узнаю кто, всыплю плетей! — прорычал он и, немного успокоившись, продолжил: — Тащите повозки обратно к дому, лошадей заводите внутрь. — Горыня окинул терем оценивающим взглядом. — Думаю, уместимся. Встанем там и будем думать, что делать дальше.

А туман между тем жил: сгущался, поднимался. У верхушек деревьев хмарь выпускала плавно замедляющиеся и расплывающиеся нити. Они сливались, переплетались и ткали нечто вроде купола.

На стол поставили несколько свечей. Свет хоть как-то успокаивал.

Все по-своему переживали эти тягостные минуты: некоторые сгрудились в сторонке и вполголоса перешептывались. Доброгост забился в угол. Искра хорошо знала писаря — он спасал себя тем, что вспоминал летописи и бубнил их под нос, словно молитву. Злоба с

Девятко молчали. Буяна сидела на лавке, неподалеку от Зуба; на вид она была холодна, но в том, как служанка посматривала на друга, читалось беспокойство. И неудивительно: Черный Зуб уперся локтями в колени, обхватив голову.

Искра исподлобья уставилась на брата. Горыня матерился, бил по стенам кулаком и срывал злость на подчиненных: Хорсу, например, вlepил увесистую оплеуху. Гнев кипел в нем и наконец нашел выход. Княжич ударил Девятко в живот. Десятник охнул, согнулся, но тут же выпрямился.

— Посмотри мне в глаза! — потребовал Горыня. — Я давно заметил, что ты странно себя ведешь. Что скрываешь? Отвечай!

Княжич снова ударил Девятко.

— Рассказывай. — Горыня вынул кинжал. — Будешь молчать, перережу горло.

— Что ты хочешь знать, княже? — хрипло спросил Девятко.

— Всё. В первую очередь, что вы там с Сивояром надумали? О чем шептались? Думаешь, я не знаю?

Девятко, до этого момента державшийся спокойно, даже несмотря на побои, тут как-то сник.

— Ну? Боишься, предатель? Думал, я тебя не раскушу? Каков хитрец! Говори, и смерть твоя будет быстрой.

Девятко прислонился к стене. Вздохнул.

— Хорошо, — сказал он, опустив глаза. — Скажу, о чем шептался с Сивояром. Ведун рассказал мне кое о чем. Уж не знаю, верить этому или нет...

Девятко поднял голову и с невыразимой грустью посмотрел на Искру. Девушка обмерла.

— Искра, я не хотел тебе говорить. Но... Сивояр сказал, что... Млада погибла. Может, и нет, но... ведун клялся, что знает точно.

У Искры будто что-то взорвалось внутри. Она не знала, куда деваться и что делать. С отчаянием глянула на брата... Однако Горыню известие о трагической гибели сестры никак не взволновало. Он потянул Девятко за волосы и приставил к его шее нож.

Искра с воплем врезалась в брата и сшибла с ног. Они покатались по полу. Сестра царапала ему лицо, плевалась, шипела. Горыня уронил кинжал и закрывался от ударов и пощечин.

— Умри! — визжала Искра. — Умри, проклятый! Я тебя ненавижу! Умри!

Горыня отшвырнул ее от себя. Вскочил на ноги, поднял кинжал. Опустился на одно колено перед распластавшейся на полу сестрой и занес оружие.

— Да он сошел с ума! — сказал Злоба и перехватил уже опускающуюся руку княжича. Горыня попытался вырвать ее, но великан стиснул запястье мертвой хваткой. — Ваши семейные склоки всем до смерти надоели. Успокойся, княже, прошу.

Горыня ничего не ответил. В тот момент он вряд ли что-то понимал. Злоба отобрал у него кинжал и одной рукой, будто щенка, отшвырнул Горыню в сторону. Княжич упал.

— Вяжите его, ребята. А то, не ровен час, все лишимся по его милости головы.

— Не надо, — сказал Девятко и подошел к Горыне. Их взгляды встретились.

— Что смотришь? — прошипел княжич.

— Злоба, дай мне кинжал. — Девятко, не глядя на великана, протянул руку. Великан пожал плечами и отдал ему оружие. — Забери свое добро, княжич, — спокойно и даже вежливо сказал Девятко, положил кинжал рядом и отошел.

— Что это значит? — затравленно оглядевшись, осведомился Горыня, но никто ему не

ответил.

— Пока вы тут собачитесь, — сказал Лещ, — долбанная хмарь на месте не стоит. Чаво делать будем? Помирать али как?

— А что ты предлагаешь? — поинтересовался Чурбак.

— Да ничаво! Коли помирать, так чаво ж мы княже упрекаем? Пушай он всех нас тут порешит и дело с концом!

— Что-то ты рано сдаешься, Лещ, — сказал Злоба. — Может, утром мрак разойдется?

— Ага! Разойдется! Жди! Тока до тово мы уже будем лежать в обнимку с трупаками!

— Нужен огонь, — внезапно произнес Черный Зуб. Он вытянул из-под вязаной шерстяной рубахи массивную серебряную цепь. На ней висел клык смоляно-черного цвета. Черный Зуб смотрел на него и морщил лоб, что-то припоминая.

— Что ты сказал, Зуб? — переспросил Злоба.

— Оно боится огня, — повторил Зуб. — Надо попробовать прорваться с огнем. Утром мрак не разойдется — и не разойдется никогда. Оно не поглотило нас только потому, что у нас горят... свечи.

Злоба сразу же воодушевился.

— Я верю тебе, Зуб! Точно! Ведь Воропай же превратился в лед! Лед и пламя! Эй, братцы! Хватит горевать, Воропая не вернешь! Тащите из повозки бочонок со смолой и паклей! Рубите стол и лавки на факелы! Каждый должен иметь при себе факел! Сейчас поджарим демона!

Черный Зуб вышел первым. Боком протиснулся между повозками, держа горящий факел перед собой; переступил через оглобли, сделал несколько шагов и остановился.

— Все будет хорошо, — сказал десятник, обернувшись.

Он подошел к краю тумана и сунул в него факел. Туман отодвинулся. Десятник сделал еще шаг и махнул древком. Пламя затрепыхалось, и на миг почудилось, что оно совсем погасло. Но огонь разгорелся, и вокруг десятника образовался огромный выпуклый пузырь.

Мрак отступил.

Черный Зуб обернулся и помахал рукой.

— Ну что, княже? — спросил Злоба.

— Выступаем, — мрачно произнес Горыня. — Делайте факелы, зажигайте их и двигаем. Идем плотным строем. И без паники. Чтoб не было толкотни. Увижу, кто струхнул, задурит — зарублю, так и знайте.

— Эх, была не была! — гаркнул Злоба.

— Злоба. — Горыня обернулся на пороге. Большая прядь волос небрежно упала, закрыв один глаз. — Слышь? Заткнись, прошу. Не желаю слышать тебя. Не желаю, ты понял?

Злоба недобро ухмыльнулся.

— Ага. Услышал, понял. Пустая бравада, говоришь? Что, я тебе братца твоего напоминаю? Мы со Светозаром дружили по малости лет. Он всегда смотрел на меня с завистью — и всегда подражал. А я и не противился: пусть хоть на мужика будет похож парень-то. Только быстро он возомнил себя невесть кем. Думал, что ему все подвластно и дозволено. Побил... да что там, изувечил сестренку мою — вот так товарищу-то удружил! Помнишь?

— Злоба, — сказал Горыня. — Уймись.

— Нет уж, ты мне рот-то не затыкай. Братец твой думал, что ему все с рук сойдет. А я в ответ пару-тройку зубов вынес гаду. Крепко же мне тогда досталось от Вятко, исполосовали

мне спину вдоль и поперек и сослали на дальний рубеж, поближе к степнякам. Но правда была на моей стороне. Братец твой, слава Высеню, благополучно подох, а Вятко образумился и вернул меня из ссылки.

Стучали топоры и мечи, с треском раскалывались сухие скамьи. Горыня молчал, не смея поднять голову, слушал не шелохнувшись.

— Вот — именно так. — Густой бас великана, дрожа, расходился по терему, впитываясь, кажется, во все уголки. — Подох, сукин сын. И я считаю, я уверен, что это отродье и превратило твоего отца, да и тебя отчасти, в то дерьмо, кем вы являетесь. И как вы со Светологором обращались? Думал, всем наплевать? Напрасно, напрасно. Весь Стан вас прокликает! Вам срам и всему вашему роду. И не зыркай на меня. Я тебя не боюсь. Мне даже смешно об этом говорить — «боюсь»! Ты, собака, поднял руку на родную сестру!

Искра, поначалу слушавшая Злобу с удовлетворением, все больше злилась. Взглянув на родного брата — пристыженного, униженного, уничтоженного, — она прониклась к нему жалостью.

«Не Злобе его судить, — подумала она. — Я его осужу, и никто иной».

Она подошла к великану и вlepила ему пощечину.

— За что? — пробормотал он, потирая щеку.

Но Искра не ответила.

Отряд двинулся к Жертвеннику в молчании. Хмарь пузырилась, отступала и надвигалась снова, закручивалась над головами, заставляя вздрагивать и поспешно вытягивать перед собой факелы, и молиться, и изрыгать проклятия.

Хмарь шипела и рычала. Она как будто заигрывала с людьми — досадной пылью, покрывшей стол Вселенной. Сейчас смахнет ее, и не останется даже воспоминания...

Искра обратила внимание на Девятко. Тот ехал, хищно выгнув спину и с ненавистью — ненавистью! — вперив взор в Горыню, ехавшего впереди.

Он хочет его убить! Как же так? Да он ли это — ее «дядька»? Где его кривая хитрая улыбка? Добродушные морщинки вокруг глаз? Искра вдруг поняла, что совсем не знает его — бывшего раба, бывшего вора, разбойника, искателя приключений — десятника Девятко. Что за тайны он скрывает? Зачем вернул кинжал брату? Что за ритуал это? Что он означает — приговор? Вызов?

— Если ты тронешь Горыню, — приблизившись, прошептала она, — пожалеешь.

Девятко осадил лошадь и вцепился в ее руку. Пальцы его были холодны.

— А что ты мне сделаешь? — прошипел он.

Искра испугалась.

— Пусти меня. Пусти, а то я закричу.

— Иди! — рявкнул он и грубо оттолкнул девушку.

Искра холодно взглянула на него, прошептала:

— Прощай. — И пришпорила лошадь.

С лица Девятко точно слетела маска. Он резко переменился — взгляд его снова подобрел, встревожился...

— Постой! — крикнул он. — погоди!

«Что это я? — подумал он. — Что на меня нашло?»

И тут его охватило доселе неведомое чувство тревоги, опустошения, предчувствия...

Он словно наткнулся на обомшелую полуразрушенную стену, выплывавшую из дымного сумрака справа и теряющуюся в такой же мгле слева. Стена преграждала вход в Пустоту, но в ней обнаружилась расселина. И вихрь, несущий с собой тысячи опавших листьев, песок, град, бог знает что еще, затягивал туда. И он не мог сопротивляться этой силе.

Он знал, что...

И снова его захлестнула ярость, разбудившая дремавшее в нем много лет прошлое. Ладонь стиснула рукоять ножа, Девятко оглянулся, задыхаясь от снедавшей его ненависти, и тотчас сник.

Усталость накрыла, а затем сомнения и сожаление по поводу столь внезапно потерянного друга.

В ту ночь каждый начал сходить с ума.

Отряд, оцетинившись множеством факелов, продвигался мучительно медленно.

Мгла бурлила, кипела, и, как обезумевший от бессилия зверь кидается на прутья клетки, так и она едва не кидалась на огонь. Постепенно нарастал вой — истеричный, неприятно высокий... Спустя полчаса вокруг гроыхала несмолкаемая какофония.

Песнь смерти сотрясала все естество людей, мысли путались, настроение менялось с быстротой вихря, то горяча кровь иступленной яростью, то охлаждая диким страхом.

Наконец отряд остановился. Кони перепугались и отказались идти дальше.

Туман кружился и кружился, принимая бесконечное множество едва уловимых форм и очертаний — гротескные, уродливые лица с перекошенными размытыми ртами и огромными глазами; фигуры странных животных, чудовищ, детей, женщин, переплетавшиеся в сумасшедших танцах; линии, круги, ладони, следы на песке...

И сотни, тысячи, мириады ртов. Шепчущих, разговаривающих, кричащих, плачущих, молящих, проклинающих, воспевающих...

Искра сползла с седла и упала.

Она зажала уши. Закрыла глаза, сжалась в комок.

Я люблю тебя.

Где ты?

Где ты? Не прячься!

Темно.

Скажите мне... скажите мне, где она?

Там...

Да, теперь я вижу. Вижу.

Эй, очнись!

Почему твои глаза закрыты? Почему ты молчишь? Почему я не чувствую тебя?

Вчера порвалась нить. Я вдруг понял, что... нить порвалась, и...

Я до сих пор держу обрывки в руках.

Ты плачешь, но тело твоё холодно.

Но я так люблю тебя.

Ты мой мир, мой дом, мой воздух, моя земля. Вот тропинка, по которой мы каждый день гуляли. Вот дворец — смотри, как играет солнце на позолоченных куполах.

А там, за холмами, — логово дракона, и сколько раз я побеждал его. Ради тебя. Ради твоей улыбки. Твоего смеха. Твоих волос. Тонких пальцев, сложенных вместе.

Ради твоих слез, застывших на щеках.

Ведь ты — это я!

Ты не могла умереть. Ты не могла сжечь мой мир.

Как ты могла... покинуть меня? Это невозможно. Я здесь совсем один. Нет больше ни тропинки, ни дворца, ни огнедышащего дракона.

Есть пустота, и мой взгляд вязнет в ней.

Когда-то я слышал (или мне это приснилось?), что есть другой мир, где нас много.

Но я не знаю, как его отыскать. Это долгий путь, и без тебя мне не пройти его.

Я люблю тебя.

Будивой Седобородый что-то бормочет, глядя на распростертое перед ним молодое тело. Позади него крутобедрая Белка плачет, вытирая слезы фартуком. Скорбные лица сереют в полумраке.

Тихо так, что слышно, как плещется о берег Крин.

Шелестят березы у княжьего заплота.

Низенький маленький мостик, и на нем лежит увядший кленовый лист.

Холодно.

Если бы я мог сказать, что люблю тебя, но... тебя нет, а значит, нет ничего.

Пустота вползает в меня... и я задыхаюсь.

«Нет! — Искра очнулась. Над ней метались люди, и громко кричал Черный Зуб, но она не замечала и не слышала их. — Нет! Неужели и он... и Светлогор».

Напротив нее Вьюнок. Как в дурном сне, она увидела выпавший из его рук факел, сверкнувшее лезвие ножа, скованные движения.

Кровь из горла, хлещущая на нее. Вьюнок медленно заваливается набок, а юное лицо выражает сожаление.

Искра закрылась руками. Она заплакала и одновременно засмеялась — нервно, неестественно.

А потом резко всё прекратилось.

У ее ног лежал Вьюнок с перерезанным горлом. Она вдруг поняла, что стоит над ним, освещая его и разглядывая, будто диковинку.

— Угрюм, успокойся! — говорил Горыня, держа под уздцы коня рослого бородатого дружинника, которого, в свою очередь, держали двое. — Не дури! Хватит нам Вьюнка. Он был молод и глуп. Но ты-то!

— Уйди! — чуть не плача, орал Угрюм. — Уйди, дай мне... — Он вдруг осекся, глаза его затуманились, с уголка губ стекла слюна.

— Чего? Чего «дай мне»?

— Освободите, освободите меня! — Угрюм одним ловким движением скинул державших его дружинников, взмахнул наотмашь кнутом, попав кому-то по лицу — в ответ разразились бранью, — вскочил на коня и вонзил тому в бока шпоры.

Конь дико заржал, взвился на дыбы, — Горыня выпустил из рук поводья и от неожиданности завалился на спину, прямо на столпившихся сзади воинов.

— Ах ты!..

Угрюм еще раз подстегнул коня, пригнулся к холке и кинулся в смертоносный туман.

Его было не остановить. Безумный крик Угрюма еще дрожал в воздухе, когда сначала голова коня, шея, затем руки воина, плечи, тело, — все плавно, неуловимо превратилось в мощный кровавый поток, влившийся в неистовство Хаоса.

Следом раздалась крики, дружинники заметались, трепыхавшийся свет факелов больно бил в глаза. Что-то оглушительно кричал Злоба — что именно, не разобрать. Лещ ползал по земле в поисках упавшего факела — потухшего, втопанного в землю.

И в самом центре охватившего людей безумия неподвижно стоял Черный Зуб, глядя наверх, туда, где крылось ночное небо. Он подставил ладонь, словно ожидая дождя.

Какая-то черная точка незаметно упала и расплылась по теплой ладони.

— Берегись! — завопил он. — Берегитесь! Закрывайтесь, не дайте факелам погаснуть!..

Вслед за этим на головы людей обрушился ледяной, настоящий кровавый дождь. Всех охватила паника — кто упал на землю, закрывшись руками или плащом; кто махал над собой факелами, в ужасе стряхивая крошащиеся от нестерпимого холода капли; кто забился под повозку.

Вопли, беготня — и багровые, почти черные стрелы, прорезающие воздух.

— Это смерть, ребята! Смерть!

Искра, чувствуя жалящие уколы кровавого ливня, ползла по земле. Голова кружилась, лица дружинников казались грязно-желтыми пятнами, забрызганными черными чернилами.

Неожиданно дождь остановился.

— Кто-нибудь цел? — спросил Черный Зуб. — Я спрашиваю, кто-нибудь уцелел?

— Да все вроде... — прозвучал ответ.

Медленно и, кажется, бесконечно устало поднялся Горыня.

— Надо жечь лес, — сказал Черный Зуб. — Нам не пробиться. Он не отпустит нас. Жечь все подряд и стоять здесь до утра.

Горыня коротко кивнул и сел на землю.

— Действуй, — бросил он. — Я сейчас, только передохну...

Искра подползла к нему, повернула его лицо к себе.

— Как ты? — чуть слышно прошептала она. Почему-то она была уверена, что даже сквозь рев мрака он ее услышит.

— Все в порядке. — Горыня попытался улыбнуться. — Только устал. Устал что-то...

Черный Зуб с дружинниками бегали в придорожной чаще с зажженными ветвями. Раз за разом вспыхивали деревья, окружая изможденный, потерявший было всякую веру в спасение отряд кольцом живительного огня.

Мрак скрылся, и наступившую тишину заполнил треск полыхающего леса. Дружинники хмуρο смотрели на пляшущие языки пламени и щурили глаза.

Кроме Угрюма и Вьюнка погибли еще двое воинов. От них не осталось даже и следа.

Скоро рассвет. Ночь и так затянулась. Искра лежала в одной из повозок, воспринимая происходящее лишь урывками. Будто спала колдовским сном и не совсем проснулась.

Скоро рассвет. Впереди, за редующим лесом — поле.

И снова ночь. Ночь — это дверь, коварно впусившая Пустоту, Ничто.

Шаг за порог — и Пустота перерождается в Нечто, ни живое, ни мертвое. Вмещающее с себя Все и Ничего.

Ей хотелось кричать, безумствовать и тихо плакать. И лежать незаметно, неслышно.

Наступило долгожданное утро. Огонь отгорел, и стало видно содеянное: черные остовы дымящихся стволов, окруживших отряд погребальным кругом. Пока все приходили в себя, зализывали раны, произошло еще кое-что крайне необычное.

Лесной массив вдруг всколыхнулся, точно вдохнув полной грудью. С ветвей слетела листва — тысячи листочков поднялись и, покружив в небе, плавно осели вниз.

Спустя минуту из недр леса вылетело множество тончайших серебристо-черных нитей. Они постепенно слились в один бурлящий, переплетающийся ком, превратившийся вскоре в исполинскую птицу — ослепительно красивую, величественную. И ужасную. Казалось, она вот-вот распадется — такая хрупкая порой, роняющая пыль, — или же капли своей плоти, что вились около нее роем.

Птица-демон взмахнула крыльями и, сделав крутой вираж, улетела вдаль.

Все вздохнули с облегчением. Горыня — бледный, осунувшийся — сидел на коне. Он приказал пересчитать людей. Оказалось, что, кроме погибшей пятерки — Воропая, Вьюнка, Угрюма и тех двоих, — все остались живы и невредимы, если не считать царапин, ушибов, ожогов и шока.

Недосчитались и еще одного человека — пропал десятник Девятко.

12. По праву рождения

Холодное раннее утро. Плотный туман разорвался клочьями, и одинокий мальчишка-пастух, уснувший под осиной у дороги, обнаружил прямо перед собой двух мулов, медленно и безразлично тянувших повозку. Она походила на плетеную корзину. Ивовые дуги часто и замысловато переплелись между собой, образовав таким образом непроницаемую для дождя крышу. Множество предметов украшало диковинную повозку: черепа мелких животных, ветки растений, мех, склянки, маленькие красные марнийские фонарики, висевшие на торчавших в разные стороны шестах. Все это развевалось на ветру, дребезжало и бряцало, производя чудный, ни на что не похожий шум, будто по дороге неуклюже топало, звеня колокольчиками, чудище, усеянное множеством сумрачных глаз.

— Что уставился? — прозвучал басовитый голос, принадлежавший суровому высокому старику, сидевшему на облучке. — Скажи лучше, эта ли дорога ведет в земли Пурхана?

— Эта, — испуганно ответил парнишка.

— Отлично! — сказал старик и добавил, грозно сверкнув глазами: — Ты нас не видел! Не видел, хайар деармадд!

Парнишка упал.

— Что ты сделал с ним? — спросил сидящий рядом.

— Ничего страшного. Через пять минут очнется. Бадба! Дай воды! В горле пересохло...

Из фургона вынырнула рука и протянула фляжку. Старик выпил, утер рукавом рот и предложил соседу.

— Промочи горло, почтенный Манас-ата!

— Пожалуй, — ответил Манас, принимая фляжку.

— Земли Пурхана пустыньны, — словно отвечая на незаданный вопрос, сказал старик. — Надеюсь, проедем незамеченными.

— Проедем, — кивнул Манас. — Скажи, Эри-ата, а как слышит тебя твоя внучка, Бадба? Она же глуха и нема.

— Ох, как бы тебе объяснить... — призадумался Эри. — Она слышит нас... мысленно.

— Врешь.

— Ни в коем случае! Что касается внучки — не вру. Она... мне жаль это говорить, но со мной Бадба пропадает. Такие, как она, рождаются раз в сто лет, а то и более. Будет вечер, расскажу все, что знаю, Манас-ата. Лучше скажи, зачем ты бежишь?

— Затем же, зачем и ты.

— Я боюсь за свою шкуру, — произнес Эри с некоторым высокомерием. — Я старый хитрый подлец. Искатель приключений и легкой наживы. Несостоявшийся друид, изгнанный из Дамхона за воровство и распутство. Я всегда бегу, когда дело пахнет виселицей или возможностью получить нож в брюхо. Я еду туда, где еще есть глупцы, готовые поверить в то, что я — друид и шаман, а моя спутница Бадба — вёла-прорицательницаі. Людей привлекают подобные вещи, ведь Дамхон — это же сказка! Хотя... я действительно знаком с книгой Эйлифаіі, а Бадба действительно умеет «петь». Ха! Видели бы меня Отцы! Я прожил восемьдесят лет, используя священную магию коэдвовііі в личных целях, и меня не поразила молния Матери Эрыіv (в честь которой меня и назвали), у моих врат ни разу не стояла Вейяv, и даже элуачиві никогда не пакостили мне — я щедро поил их потиномvіі! Сдается мне, что богам наплевать на нас. Как ты думаешь, почтенный? Чего тебе бояться? Ты

аксакал, мудрый и почитаемый старец, к тому же — дед великого хана! Чего тебе бояться?

— Того же, чего и тебе, несостоявшийся друид и шаман, — гнева духов. Тебя не поразила молния твоего бога, но... ты же помнишь об этом? И ты знаешь, что когда-нибудь черный дух придет за твоей душой. И куда он тебя унесет — в пантеон великих воинов или во тьму? А если во тьму, уверен ли ты, что демоны подземелья будут добры к тебе? Думаешь, они будут благодарить тебя за дары, за хмельное вино и терпкий арык, что оставлял ты ночью? Не будь столь глуп, старый хитрец!

Эри ничем не выдал своих эмоций, но Манас понял, что его слова больно укололи друида. Укололи, и не более. Коэдвиец был слишком черствым и непробиваемым человеком, чтобы расчувствоваться. Он уже собрался было ответить аксакалу в свойственной ему циничной манере, но Манас вдруг сказал:

— Я еду к людям, пусть глупцам, но к людям, ибо хочу умереть среди людей, почитающих богов, пусть чужих, это не важно. А мой внук одержим демоном, и хоть я не колдун, не прорицатель, но знаю, что начало его правления — начало конца адрагов.

Эри посмотрел на соседа — Манас погрузился в глубокую печаль. Коэдвиец вздохнул, подстегнул мулов и счел нужным промолчать.

Унэг отодвинул тяжелый полог и вошел, пригнувшись, в только что поставленный шатер Барха, достаточно скромный для хана адрагов. Впрочем, нового повелителя это мало волновало. Всего в десяти шагах от шатра рабы активно разбирали недостроенный дом Мергена. Пыль клубилась вокруг, и Унэг отряхнулся на пороге.

Внутри властвовал полумрак. Барх сидел в кресле, подперев кулаком щеку. Широко раскрытые глаза с глубокой задумчивостью смотрели... в никуда. Черный меч лежал рядом, на подушке, искрясь синевой. Этот меч внушал страх всякому, кто оказывался пред очами хана. Всякому, но не Унэгу. Он даже не взглянул на клинок.

— Проходи, — сказал Барх, не меняя позы. — Садись.

Унэг сел. Он был спокоен. Будто опустел, подобно пересохшему колодцу. Воин кочевого племени — бездумный, отрешенный, холодный. И пусть. Пусть все идет своим чередом. Как прежде.

— Близится осень, — начал Барх. — А до холодов нам надо многое сделать. И в первую очередь... стереть, стереть с лица земли Волчий Стан! Их племя должно исчезнуть, развеяться, как дым! — последние слова Барх прорычал, словно волк, стиснув подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. И тут же расслабился. — Я понимаю, это непросто. Люди насторожены, ваны попрятались в улусах — выжидают. Талгат восстал, и мне придется смирить его. Жаль. Я не хочу проливать кровь соплеменников. Но!.. Ты понимаешь?

— Понимаю, — ответил Унэг. — Ты хан.

— Хан, — криво ухмыльнулся Барх. — И все должны не просто понять это, а впитать, как впитывают молоко матери!

Выдержав паузу, Барх сказал:

— Но не об этом я хотел поговорить с тобой, Унэг-гай.

— Я слушаю, повелитель.

— Я всегда уважал тебя, друг, — продолжил Барх, особо выделив слово «друг». — Ты всегда был мне как старший брат. И я хочу идти с тобой бок о бок и впредь. Ты мне нужен, мне нужно твое мудрое слово и быстрая рука. Что скажешь?

— Что сказать? Я — адраг. Я — воин.

— Хорошо сказано. — Барх словно вздохнул с облегчением. — Но ты странный. Ты всегда был странным. Что терзает тебя?

Унэг против воли вздрогнул. Ему показалось, что Барх каким-то образом узнал о призраке венежанки, так и не отставшей от него.

— А тебя? — спросил он, напрягшись.

Барх улыбнулся.

— В этом мы похожи. Две белые вороны — хан и первый воин. Куда мы заведем свой народ — мы, белые вороны?

— Туда, куда укажешь ты, повелитель. Как ни велик воин, он всего лишь твой слуга.

Барх скривился.

— Да, это так. Но в том вся соль, что подобные слова давно стали... традицией. Пылью в глаза.

— Будь мудр, узри суть.

— Стараюсь. — Барх расслабленно откинулся на спинку кресла. — Знаешь, я доволен. Я... ждал этого разговора. Рад, что ты искренен в своем стремлении служить мне. Очень рад.

— И что ты намерен делать дальше?

— Смирить Талгата.

— А меч? — От этого вопроса Барх заметно смутился.

— Это... — протянул он. — Это — дар бога.

— Какого?

Барх стиснул зубы.

— Не знаю, — выдавил он, порывисто поднявшись и тут же сев. — Нет. Я знаю. Но не скажу.

Унэг понял, что разговор окончен.

— Я пойду, — сказал он и впервые пристально посмотрел на него — нового повелителя адрагов, великого хана Барха. Сейчас тот походил на одинокого, несчастного человека, волею судьбы заброшенного на пьедестал, что содрогался под ударами обезумевшей толпы. Хан сжался, словно испугавшись чего-то.

Он не принадлежал себе. «Эх, лучше бы ханом стал Мерген, — подумал Унэг, выйдя из шатра. — Ведь он был пусть не очень хорошим, но человеком».

Он вспомнил, во что превратились останки Мергена. Они похолодели, как лед.

Спустя неделю Барх собрал на совет верных людей: Унэга, Тумура с отцом, Аюна, Берюка, Кайгадыря, наследника погибшего Урдуса, и Шайтана с Яруном. Последний был наемником, болотником по национальности, — огромным, могучим (под стать Шайтану) воином, с поблекшими и расплывшимися татуировками на свирепом лице; черная, как смоль, борода доходила до пояса; в левом ухе висела здоровенная серьга из червонного золота.

— Завтра мы выходим, — сказал Барх. — Новый пастух, видать, не пригож — овцы-то разбежались. Придется спустить собак. Так что, повторяю, завтра выступаем. Твои люди, Аюн, присоединятся к нам по пути.

— Они уже едут, повелитель, — поклонился Аюн.

— Очень хорошо, — кивнул Барх. — Первым делом заглянем в улус Пурхана. Посмотрим, что собой представляет этот Мамат, его сын. А потом — к Талгату.

— К мятежнику примкнуло много ванов, — сказал Тумур. — Сыновья Байрака, Эллага, Багши, других ванов...

— Что-то слишком много вождей, — ворчливо произнес Миху. — Хватит ли у нас сил? Вот Аюн, я знаю, много воинов не даст. А между тем, по моим прикидкам, Талгат вполне способен выставить туменviii.

— Я дам не больше пяти сотен, — как-то грустно проговорил Аюн. — Надеюсь, ты понимаешь, повелитель?

— Понимаю, — мрачно сказал Барх. — И поэтому на тебя не рассчитываю. Держи западные рубежи, дженчи не должны помешать нам. Дай нам тех, кто хорошо знает те края, — этого будет достаточно. Но не все так плохо. С камыками, думаю, можно договориться: род Байрака весьма непопулярен. Есть еще Шагун с юга. Он выжидает, сукин сын всегда был осторожен. Используем его для связи с хапишами. Когда выдвинемся, Талгат непременно встревожится и станет готовиться к битве. Надеюсь, он запаникует, — смешая его планы, ибо, по его мнению, я трус, и первым рассчитывал ударить именно он. И еще. Я не случайно упомянул Шагуна. Мои люди уже отправились к нему. Они посетят также камыков.

— Кто эти люди, можно ли узнать, повелитель? — спросил Тумур.

— Алпак, Кадыр, — невозмутимо ответил хан.

— Люди Мергена?! — изумился Тумур. — Можно ли им доверять?

Барх задумчиво сказал:

— Можно.

Берюк усмехнулся.

— Алчность и страх смерти, — глубокомысленно проговорил старый нукер, — способны изменить человека до неузнаваемости.

— Будем надеяться, что это так, — сказал Барх. — Теперь давайте посчитаем, сколько у нас людей. Ты, Тумур, твои два минганаix в строю?

— В полном составе, — подтвердил Тумур. — Есть еще юноши, рвущиеся в бой — три-четыре сотни можно собрать.

— Сколько у тебя, Иса?

— Полторы тысячи, — хладнокровно ответил Шайтан, который после гибели Мергена стал правителем его улуса.

— У меня, великий княже, — поспешил добавить на удивление высоким голосом Ярун, — восемьсот. Ребятки все прожженные, закаленные в боях богатыри. Где мы только не были: и дженчевы села жгли, и предместья самого Вередора, а уж этих болванов тархавов побили немерено.

— Я очень на тебя рассчитываю, Ярун-гай, — учтиво ответил Барх и продолжил: — У тебя, Кайгадырь, тоже два мингана, — сын Урдуса важно кивнул, — итого — семь с половиной тысяч. Мало. Ну ничего. Клянусь, Мамат соберет мне четыре тысячи. Я его заставлю. Любой ценой.

Восемь тысяч — не так много, по мнению сокрушавшегося Миху, — собралось на берегу Крина. Восемь тысяч конников, обозы с продовольствием, оружием. Кипящая самыми разными чувствами толпа, брошенная в гигантский котел, где закипала война, и поднятая ею пыль, взлетающая в небо, — все показалось Унэгу горячим паром, и шум был — словно вызов Небесам.

Давно адраги не воевали — целый год, и Унэг успел позабыть, как это бывает. Он ехал на Эдааре мимо многоликой массы воинов. От бесчисленных оттенков серо-буро-зеленых одежд, кольчуг, доспехов, шлемов уставали глаза. Приветственные крики, летевшие ему вслед, слились в один общий гул. Унэг без конца кивал, пожимал чьи-то руки и думал, что отвык, отвык от когда-то воодушевлявшего его хаоса первого сбора.

Он на скаку въехал на Белес, где собрались все военачальники. Барх был одет в вороненые стальные латы, и к крупу его коня приторочен черный щит. Сумрак — так назвал он свой демонический меч — висел на поясе.

Каган подъехал к краю холма и поднял руку. Толпа шумела, но, заметив жест владыки, постепенно успокоилась, словно почувствовав закипающую ярость в душе повелителя. Он горделиво возвышался, глядя на них горящим взором, волосы развевались на ветру.

— Послушайте меня! — громко и четко сказал Барх, дождавшись тишины. — Вы хотели войны? Вы хотели пустить кровь ненавистным венегам, гхуррам и дженчам?

— Да!!! — взревела толпа, и тысячи копий и мечей взметнулись вверх.

— А сможете ли вы? — неожиданно спросил он.

Толпа замялась, по рядам прокатился недовольный шепот.

— Наши предки, — выдержав эффектную паузу, продолжил Барх, — многие века по крупинам добывали себе свободу и воинскую славу. Долгие-долгие годы мы жили, терпя оскорбления и унижения со стороны соседей. Постепенно, шаг за шагом, мы укоренились здесь и стали благодаря великим предкам могучим, непобедимым народом. Покорили драгиттов, камыков, обложили данью венегов и многих других. — Снова пауза, редкие выкрики. — И превратились в изнеженных золотом и богатством людей, язва тщеславия и корысти завладела умами и отравила сердца наши. Как быстро мы забыли, кто мы такие! А кто мы? Кто мы?!

— Воины? — донесся чей-то робкий голос, и тут же толпа подхватила: — Воины! Воины!!!

— Смерть Талгату-предателю! — крикнул Барх, вскинув над собой Сумрак.

— Смерть!!!

Барх погнал войско на восток и уже на следующий день прибыл во владения Мамата, нового вана, старшего сына Пурхана Твердолобого. Пурхан оставил после себя десять сыновей. Из этой десятки двое умерли в детстве, одного своими руками убил сам отец, двое погибли в войнах, один уехал в Марн, где стал последователем какой-то секты, один уродился дурачком, один примкнул к мятежнику Талгату, который, кстати, тоже объявил себя каганом адрагов, а оставшиеся двое враждовали друг с другом.

В два часа пополудни вернулись разведчики и доложили, что им навстречу едет Джирго, брат Мамата, со своей личной гвардией, численностью в шестьсот-семьсот человек.

— Люди в аулах говорят, что братья перессорились между собой насмерть, — рассказывали разведчики. — Джирго злой, хочет свергнуть брата и воцариться в улусе. Он во всеуслышание поносил его, а также грозил смертью. Мол, Барх ему поможет! Кагану нужны сильные люди, а не этот сухарь Мамат.

— Где он? — спросил Барх.

— В семи-восьми часах езды отсюда на юго-восток.

— Нанесем ему визит, — подумав, сказал Барх. — Тумур останется вместо меня, Берюк, Унэг, отберите тысячу — и со мной.

Отряд поехал степью, в стороне от дорог, быстро, тихо и достиг стоянки Джирго, когда стемнело. Барх спешился и вместе с обоими нукерами забрался на холм.

— Спят, шакалы, — прошептал Берюк, всматриваясь в гулкую темноту, подсвеченную двумя десятками костров. — Беспечные, как зайцы. Перебьем их, повелитель?

— Зачем? — удивился Барх. — Мы не за этим прискакали. Разверните мой бунчук — пусть знают, что это я.

Не говоря больше ни слова, молодой хан вскочил на коня, и тысяча воинов с оглушительным топотом ворвалась в дремлющую стоянку.

Из роскошного шатра Джирго вился дымок.

Каган стремительно вошел внутрь. За ним последовали Берюк, Унэг и еще два воина. Джирго — ладно скроенный юноша с тонкими губами и большими черными глазами — застыл, уставившись на гостей, голый, со штанами в руках, которые не успел надеть. В углу, на большой пуховой перине, лежали, прикрывшись одеялом, две девушки-рабыни, совсем молоденькие.

— Что стоишь, недоумок? — крикнул Берюк, выхватив у растерявшегося юноши штаны и хлестнув ими по лицу. — Поклонись, ибо перед тобой великий хан адрагов Барх Хайсанид!

Барх неторопливо прошелся, откинул кончиком меча одеяло, безо всякого выражения взглянул на нагих рабынь и повернулся к склонившемуся перед ним Джирго. Берюк рявкнул на девушек, и они как были — обнаженные — убежали на улицу, где тотчас раздались довольные возгласы солдат.

— Ты хотел меня видеть? — спросил Барх.

— Верно, повелитель, — пробормотал он. — Можно ли мне одеться?

— Что ты хотел мне предложить? — проигнорировав вопрос, поинтересовался хан.

— Я хотел... хотел предложить тебе сотрудничество. Я хотел, как искусный воин, возглавить наш улус, и ты мне в этом, надеюсь, помог бы. В моем лице ты получил бы, повелитель, верного соратника.

— Соратника... — прошептал Барх. — Какой по счету ты сын у отца?

— Четвертый.

— На колени! — потребовал Барх.

— Что? — недоуменно спросил Джирго, но тут же упал, почувствовав удар в спину. — Послушай...

— Помолчи, — сказал Барх, достал меч и приставил его к горлу юноши. — Вот мой ответ.

В следующее мгновение Унэг услышал знакомый чавкающий звук — и голова Джирго шлепнулась на землю. Барх вышел из шатра, держа голову убитого им четвертого сына.

У входа, по разные стороны, столпились воины Барха и люди Джирго. Факелы освещали угрюмые лица, недобро глядящие друг на друга. Унэг подумал, не слишком ли опрометчив Барх, ведь голова отпрыска знаменитого Пурхана может стать той искрой, что разожжет пламя. Ситуация и так накалена.

Однако повелитель ничуть не испугался. Он швырнул истекающую кровью голову к ногам его дружины.

— И ты думаешь, — спросил воин, у которого один, слегка косивший, глаз был выше другого, — что после этого мы поклонимся тебе?

Берюк, зашипев и схватившись за меч, дернулся было вперед, но Барх остановил его.

— Кому вы служите? — громко спросил он.

Этот простой вопрос вызвал замешательство в рядах вассалов убитого.

— Кому вы служите?! — повторил Барх. — Кто ваш повелитель?

— Джирго! — вызывающе ответил щербатый, почесав бороду, но рука его дрожала.

— Джирго мертв, — сказал Барх. — Так кому вы служите теперь?

— Тебе, — ответил парнишка, стоявший рядом со щербатым.

— Я — хан ханов, — ответил Барх ледяным тоном. — Хан ханов владеет всем на этой земле. Хан ханов один над всеми вами, и все ваши жизни в руках его. Так сказали старейшины племени моему отцу, и эти же слова я услышал месяц назад. Но не каган живет с вами, не каган судит вас, не он призывает вас на войну, не он делит с вами радости и горе. Так кто же ваш повелитель?

— Мамат, — потупив глаза, ответил все тот же юноша.

— Кто?! — возвысив голос, спросил Барх.

— Мамат, — нестройно произнесли воины.

— Почему?

— По праву рождения, — ответил смысленный парень.

— Вы сказали это. — Барх подошел к ним вплотную и взглянул им в глаза. — Вы сказали это. А теперь — всё. Расходитесь. Завтра мы вместе отправимся на суд Мамата. И молитесь. Молитесь, ибо вы, подняв руку на вождя, бросили вызов и мне, и Небесам, попрали древние законы и наплевали на могилы предков. Молитесь, ибо я буду требовать вашей смерти.

i Вёла — в Дамхоне: оракул. Как правило, это девушки. «Петь» — значит прорицать. Вёлы пьют настойку из галлюциногенных грибов и трав, после чего начинают нараспев вещать.

ii Книга Эйлифа — священная книга друидов. По преданию написана пророком Эйлифом.

iii Коэдвы — одна из двух народностей в Гвинтане. Другая — бурги.

iv Мать Эра (Анне Эра) — богиня плодородия у друидов.

v Вейя — богиня смерти у друидов.

vi Элуачи — у коэдов: злые духи, похожие на домовых.

vii Потин — крепкий спиртной напиток.

viii Тумен — 10 000 воинов.

ix Минган — 1000 воинов.

13. Яблоки и веселящее вино

Отряд Военег въехал в замок, с грохотом проскакав по каменному мосту. Массивная решетка, по-видимому, ни разу не опускалась с тех пор, как умер Вышеслав — до такой степени заржавела. Такой же мост соединял крепость с южным, точнее, юго-восточным берегом Белой — там уже было Воиградское княжество. Старый боярин — патриот и вояка — до последних дней защищал рубеж, посмеиваясь над тщетными усилиями Военег вторгнуться в Воиград — другого пути в «сердце вересов» не было (через Дубич и Хордрево Военег идти не решался).

Около выездной башни красовался ряд копий с насаженными на них головами — вся семья Щеки Бражника и его приближенные — всего пятнадцать человек. Увидев это, князь приуныл.

— Сколько раз я собирался покорить эту твердыню, — произнес он, похлопывая разгоряченного коня по шее. — Сколько представлял, как буду смеяться над ползающим на коленях стариком... Мы могли бы давно это сделать. И вот я здесь, но совсем не рад.

Он подъехал к обезображенным головам поближе, чтобы разглядеть их.

— Что скажешь, Семен?

— Могли бы, — ответил он, откашливаясь: в воздухе еще разносился дым от пожарища на берегу, на месте бывшей деревни. — Я говорил, надо переправиться где-нибудь пониже и ударить с двух сторон...

— Да я не об этом! Что скажешь о мертвецах?

— Выбросить эту падаль в реку.

— Согласен, — кивнул Военег. — Эта мразь осквернила святое место. Эй! Уберите это, а то уже воняет. Семен, Рагуйло, может, поклонимся Вышеславу Ростиславовичу? Все-таки он остался не побежден, как ни крути.

— Да, — серьезно сказал Рагуйло. — Великий был человек. Идем.

В крипте царила сырость. С потолка капала вода. Факелы тускло освещали покрытые мхом стены.

— Похоже, здесь все Ратмировичи, — сказал Военег, наклоняясь над надгробными плитами и читая надписи на них. — Вот Ярополк Ингваревич... Ярополк... так это же внук Ратмира! Вот это древность!

— Идите сюда! — крикнул Семен. — Кажись, я нашел...

Саркофаг Вышеслава — кирпичный прямоугольник, накрытый крышкой, сбитой из теса и горбыля, — стоял в самом дальнем углу, под сводчатой стеной. На крышке красовалась кривая надпись, нацарапанная ножом: «Вышес. Ростис.»

— Вот скоты, — сказал Военег. — Вы только посмотрите!

Кое-где кладка разрушилась, обнажив зияющие дыры. Крышка сгнила и почернела. В луже у гроба валялись обломки кирпичей.

— Похороним его по-человечески. Рагуйло!

— Да, князь?

— Ты должен найти хорошего мастера. Чтобы он соорудил такой же мощный постамент, как и у всех; справил бы саркофаг из мрамора; на крышке должен быть лик старика. Перенесем туда останки Вышеслава — он это заслужил.

— Конечно, заслужил, — сказал Семен. — Только его здесь нет. Гляньте.

Семен откинул крышку и осветил могилу. Она была пуста.

Военег ужинал в пиршественном чертоге, сидя в глубоком кресле с высокой спинкой, во главе длинного стола, за которым свободно могло разместиться до пятидесяти человек. Чертог восхищал — высокий потолок, витражные окна, на стенах красочные шпалеры со сценами из легенд. С одной стороны — позади Военег — огромный камин, в котором весело и мирно потрескивали поленья; с другой — стена, заставленная пустыми бочонками из-под вина, причем на каждом имелось клеймо виноградаря. Вышеслав слыл большим любителем хорошего вина и за свою жизнь попробовал множество разных сортов солнечного напитка — дешевое дубичское, сносное пронтийское, экзотическое цахийское и, конечно же, великолепное марнийское, выращенное в долинах Вечных гор.

Князь Военег, человек общительный, никогда не ел в одиночестве. И сейчас его трапезу — жареные лебеди, поросенок с пряностями и хреном, пироги, квас и вино — разделили соратники: Рагуйло с братом Аскольдом — суровым, аскетичным и неподвижным, как скала; также Путята, мастер мечей — немолодой, круглолицый воин с брылями, как у бульдога; палач Асмунд — маленькие пытливые глазки, тонкие усики. Был тут и Семен, в свои сорок пять лет выглядевший изумительно молодо, с вездесущим Туром под боком, и, кроме того, молодой богатырь по имени Варда, первым занявший крепость неделю назад. Варда, назначенный Военегом комендантом Паучьего Камня, сильно волновался, и вообще, несмотря на свою внушительную физическую силу и наличие ума, был крайне застенчив и косноязычен.

— И все-таки, — произнес Военег, задумчиво отпив из кубка, — не нравится мне это. Куда могло подеваться тело?

— Да куда угодно, — предположил Путята. — Его могли съесть крысы...

— И даже костей не оставить? — возразил князь. — И ни клочка одежды? И бляху на ремне съели, и меч...

— А может быть, его просто выкинули в реку? — предположил Семен, зевнув. Он ничего не ел и не пил: желудок был переполнен, мучила икота и сильно хотелось спать. Безбородый всегда плохо переносил пирушки.

— Как так? — спросил Военег. — Зачем? Неужели такое возможно?

— А что? — сказал Рагуйло, подбоченившись и подкручивая ус. — Кто знает, что здесь творилось? Ведь это же был натуральный притон! Вот и нате — какая-нибудь пьяная сволочь, шутки ради, выбросила останки старика!

— Хм... ты думаешь? Хм... Варда!

— Да... князь. — Комендант вздрогнул и выронил из рук кусок лебединого крыла.

— Ну-ка расскажи нам, что ты здесь видел?

— Да... тут был бардак... э-э-э... всякий хлам — тряпье, мешки... с морковью... э-э-э...

— Я спрашиваю про людей, дубина!

— Э-э-эм-м... тот сброд, что здесь находился... э-э-э... ну, половину мы... э-э-э... того... половину... э-э-э...

— Если ты еще раз экнешь, — крикнул Военег, стукнув кубком по столу и расплескав вино, — то я собственноручно тебя «того»!

— Извините. Я хотел сказать, что тут ошивались... сброд — беднота, вольные, шлюхи... Я распорядился убить всех подозрительных, остальных прогнал прочь. В замке осталась челядь: кухарки, конюхи — словом, необходимый люд. Очистили замок от мусора, Щеку

казнили, но в крипту я... извините, не заглядывал. Как-то не подумал.

— Ясно.

— Послушай, князь! — сказал вдруг Тур, отложив кусок свиной ляжки и вытерев руки о скатерть. — А может, он и не умер вовсе?

— Да-а, — устало проговорил Военег, подперев кулаком щеку. — Тур... бычья башка.

— Нет, я серьезно! Я сам видел! Мне было лет пятнадцать... Так вот, мы вроде как собрались схоронить дядь Власа, Власия — он однажды умер. Ну, он умер. Вечером. Сердце, значит, прихватило. Умер — прям-таки окоченел. Ни туды и ни сюды. Взяли мы его, в гроб уложили, уже и на скудельню отвезли... А он, гад, взял и... ну, ожил.

— Каков подлец! — сострил Рагуйло.

— Ожил? — спросил Военег. — Да ну тебя...

— Так бывает, — неожиданно вмешался Асмунд. — Бывает, князь. Летаргия — вот как это называется.

— Это что ж? — спросил Путята, вытаращив глаза. — Старик, что ль, не умер? Он что, где-то ходит?

При мысли об этом всем стало немного не по себе.

— Ладно, хватит о нем, — раздраженно сказал Военег. — Варда завтра поспрашивает местных, что они знают.

— Рад стараться!

— Не ори. Так. К делу. Скажу сразу, а то вы мне уже порядком надоели. Едем в гости к Мечеславу. Именно в гости, на свадьбу. На Косом Поле мы должны встретиться... с Бориской. Да-да!

— Удивляешь, князь, — проговорил Рагуйло.

— Мир меняется, — глубокомысленно покачав головой, изрек Военег, потом почему-то вздрогнул и крикнул: — Эй, слуги! Эй! Кто там?

Подбежала служанка.

— Собери-ка мне штоф винца, еще вот этот кусочек свининки, отрежь пирога немного, да... и, пожалуй... все. Пойду, позабавлюсь. Да, и яблок набери. Люблю яблочки.

— А мне можно? — спросил Тур.

— Иди совокупляйся с кобылами, дружок, — отрезал Военег, вставая.

— Ну как знаешь, князь. Я просто о тебе забочусь. Врага надо прежде хорошенько ощупать, на предмет... чего-нибудь.

Все рассмеялись.

— Будет враг, ощупаешь, — сказал Военег, задумчиво глядя на то, как служанка готовит поднос со снедью. — А я к подруге. Бывайте, братцы. Только не напиваться! Ну, в смысле, до безобразия. Прикажу выпороть, так и знайте.

С этими словами Военег поднялся, ущипнул служанку за мягкое место, забрал у нее поднос и удалился.

Косые лучи заходящего солнца пронзили чертог насквозь, прогнав дрему Семена; он с интересом наблюдал за игрой света — на спине Аскольда застыл узор витражей: фиолетовые, зеленые и красные пятна; в ярком мареве курилась пыль.

— Ох, не тот он, — сказал Асмунд. — Все время думки какие-то у него...

— Переживает, — сказал Тур, шумно обсасывая кость. — Все ж таки вроде как с Бориской встречается. Как еще пройдет...

— Это понятно, — сказал Рагуйло. — Выпьем, братцы, выпьем...

— Давай, Семен! — толкнул его Тур.

— Нет. Я лучше квасу.

— Рассказал бы кто чего, — предложил Аскольд. — А то скучно...

— А что рассказывать? — растерянно спросил Путята. Простак мужик, Семен давно к нему присматривался, и он ему нравился.

— Ты-то ничего не расскажешь, — усмехнулся Рагуйло. — Ты и двух слов связать не можешь.

— Ну, ты! Следи за словами!

— Ну-ка, хватит, Рагуйло! — одернул его Аскольд. — Тут вам не Сосна! Вот Семен, насколько я знаю, ведает много историй...

— Во-во! — встрепенулся Тур. — Батька! Давай-ка, позабавь товарищей!

Семен призадумался, почесал щеку, с неудовольствием отметив двухдневную щетину, и сказал:

— Ладно вам. Нашли рассказчика.

— Про воровское прошлое... — заикнулся Тур.

— В моем воровском прошлом были только черствые сухари, помойки, а потом — Порча. Чего тут интересного?

— Я знаю! Я! — сказал Варда, заметно осмелевший после ухода Военег.

— Говори, мальчишка, — велел Асмунд, кинув на коменданта острый, как нож, взгляд. Семен чуть не засмеялся — палач, видать, пытался смутить парня — скорее забавы ради, нежели по злобе. Только это зря: Варда никого не боялся, кроме князя. Неплохой малый, шустрый, рассудительный — Военег дураков не держал.

— Я не обратил внимания на всякую здешнюю болтовню, — деловито начал он. — Наверное, зря. А болтали тут, вот только вспомнил, что Вышеслав, мол... э-э-э... как это... как же мне... а-а! Ходит призраком! Несколько раз он появлялся, дайте припомнить... как там? Так, вид у него, ага! страшный, окровавленный, ну... и все такое.

— Из тебя рассказчик, как из сапога лошадь, — сказал Рагуйло, сморщившись. — Я уж приготовился всласть побояться, а ты! Тьфу! Больше не говори ничего.

Варда надулся и устался в свою тарелку.

— Эх! — вздохнул Тур. — Выпьем, мать вашу так! Напиваться, вишь ли, нельзя. Выпорет он...

Нега стояла, прислонившись к стене, — хрупкая, изящная. Длинные каштановые волосы водопадом струились на плечи; юное овальное лицо, ямочка на подбородке и большие карие глаза — кроткие, печальные, загадочные.

Она не пошевелилась, когда в опочивальню зашла служанка, лишь настороженно проследила за ней, поставившей поднос с яствами на маленький столик с фигурными ножками. Шелковый тончайший балдахин над ложем, застеленным хрустящим атласом, всколыхнулся в ответ на осторожные движения.

Раздались неторопливые шаги, скрип двери, и девушка наконец увидела его. Хитрые, недобрые глаза затмили легкую улыбку. Он смерил ее взглядом, таким обжигающим, что она, повинувшись инстинкту, закрылась руками, словно была обнажена.

В руке Военег держал подсвечник с двумя зажженными свечами.

— Не бойся меня, — сказал он как можно ласковей. — Иди ко мне, дай мне руку.

Нега отрицательно покачала головой. Военег поставил подсвечник на стол и подошел к

ней.

— Не надо так, — прошептал он. — Чего ты боишься?

Нега сделала усилие и посмотрела на него. А он красив. Он просто великолепен. Но... у него злая душа. Девушка почувствовала это. За этим человеком тянется шлейф зловещих слухов. Военег, даже такой... молодой, роскошный, — внушал ей страх.

Князь прикоснулся к ней — ладонь холодная и влажная.

— Пойдем. Сядь сюда. — Он усадил ее на край кровати, сел перед ней на корточки, обхватил ее ноги, посмотрел в глаза...

— Я... не дамся, — прошептала Нега, зажмурившись и слушая, как сильно колотится сердце.

— Сколько тебе лет? — этот вопрос прозвучал так неожиданно, что она отшатнулась и спросила:

— Чего?

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Семнадцать... — повторил Военег. Нега заметила, что князь на время углубился в свои мысли и, казалось, совсем забыл о ней. Он встал, скрестил руки на груди и уставился в одну точку. В этот момент девушка осторожно подумала, не слишком ли она преувеличивает, видя в нем только плохое? Ведь что-то доброе должно в нем присутствовать?

Военег перехватил ее взгляд и улыбнулся.

— Прости, — сказал он. — Я, кажется, отвлекся. Может, выпьем? Может, яблочка? Посмотри какие!..

Нега отказалась и тут же упрекнула себя за это.

— Экая ты... — Военег никак не мог подобрать слово. — Дикая! М-м-м... нет. Подозрительная. Да!

Нега выдавила из себя слабую улыбку.

— Ну вот! Уже кое-что! — Князь налил вино в серебряный бокал и протянул ей. — Это рецинаі с Белого озера. Попробуй, тебе понравится.

Девушка пригубила напиток.

— Ну как? — спросил Военег, сев рядом с ней.

Когда он ее обнял, страхи вернулись. Девушка попыталась вырваться, но Военег сжимал ее хоть и нежно, но твердо. Он шептал ей нежные слова, и его горячие уста прикасались к щеке, кружа голову, но Нега не сдавалась. Она уперлась локтем в его грудь и с отчаянием сказала:

— Я боюсь.

Князь отпустил девушку и увидел слезы, заблестевшие в ее глазах. Взгляд его смягчился.

— Объясни, что пугает тебя? Моя дурная слава?

— Да, — еле слышно произнесла Нега, опустив глаза.

Военег сгорбился, словно ощутив огромную тяжесть.

— Я знаю! — резко заговорил он, сжав кулаки. Вино, выпитое им сегодня, взбудоражило его и дало волю гневу. — Про меня говорят, что я убийца, мучитель... Черноярский душегуб. Так, да? Однако, если я скажу, что меня там не было, ты ведь не поверишь? А поверишь ли ты, что Солоха был повешен по моему приказу после этого? Это несправедливо. Несправедливо! Да что я исповедаюсь тебе?..

Он сел на табурет напротив. Отвернулся. Потянулось тягостное молчание. Нега не знала, что делать. Что сказать этому странному человеку? Ей показалось, что Военег на самом деле... мальчик?

Она взяла его за руку, и князь с удивлением посмотрел на нее.

— Не надо, — произнесла она. — Не злись.

Военег почувствовал, что прикосновение этой необычной в каком-то смысле девушки дарит ему спокойствие. Эти ясные, глубокие глаза — за ними скрывалось нечто большее, чем он мог подумать. Хуторянка. В глуши, бывает, попадаются настоящие самородки.

Военег внезапно проникся нежностью к ней. Он ни за что ее не тронет. Не даст ее в обиду. Не отпустит. «Вот напасть... я что, влюбился? О-о-о, старик, теряешь хватку. Тур будет ржать. А Лют, старая скотина, будет еще подковыривать меня».

— Я посижу с тобой? — робко спросил он, совсем как мальчишка. Собственно, он им и был — все его сумасбродства проистекали скорее из горячности юноши, нежели рассудительности опытного вождя. Военег нахмурился, подумав об этом, — ведь он лукавил... да нет, обманывал Негу. Он обманывал и себя, так часто говоря всем, что этого не было, что почти поверил в собственную ложь.

В то роковое весеннее утро он был среди головорезов Солохи.

Наступила ночь. Семен сидел на подоконнике и глядел на звезды. Он мечтал о тихом домике где-нибудь в живописной березовой роще. Мечтал о жене и детях, чьи сказочные образы он рисовал себе так часто. Прислушивался к знакомым звукам, доносившимся со двора — пьяная ругань, девичий визг, храп, стук подкованных сапог дозорных, чьи копыта мелькали на крепостной стене, возня, шорохи — все это наполняло его душу чувством потери.

Семен хотел свободы, он жаждал все бросить и убежать, но не решался. Здесь были его друзья, вся его жизнь. С другой стороны, к чему все это? Ему не нужна власть, богатство, что-то еще. Уйти. А можно ли вот так просто взять и покинуть их, своих братьев? Сможет ли он это сделать? Сможет ли он успокоиться, воплотив мечту?

Что толку себя мучить? Мечты должны оставаться несбыточными, чтобы не потерять сладость и продолжать дарить забвение. Хватит. Всё эти смятенные мысли навеяны накопленной за весь день усталостью, а также проклятым кисляком. Сколько раз он себе говорил, что никогда не возьмет эту дрянь в рот.

Семен засмеялся.

— Да разве они оставят меня в покое? Ну и ладно. Завтра будет хороший день.

С этими словами редко унывающий воюградский кун отправился спать.

іРецина — марнийское смоляное вино.

14. Лес пеньков

Искра ускакала далеко от отряда, тяжело тащившегося по дороге, изрезавшей холмистую равнину, покрытую вереском. Вереск рос повсюду — бескрайний махровый ковер цветов.

Она остановилась на вершине холма. Поглядела вокруг — возделанные поля, и в них, как в пуховой перине, утопают маленькие аккуратные домики. Оглянулась: начищенные до зеркального блеска шишаки воиградских воинов сверкали на солнце; пыль, волочившуюся за колонной, ветер сносил в поле.

«Как они могут дышать ею?» — вскользь подумала она.

Так Искра и ехала, то и дело останавливаясь, всматриваясь вдаль, вслушиваясь в тишину, царившую вокруг, и сердце сжималось от тоски. Чем ближе к Воиграду, тем сильнее девушка чувствовала разлуку с домом. Печаль усиливало и понимание того, что она, скорей всего, больше никогда не вернется: Шагра не пропустит, а если и пропустит, то она не сможет снова войти туда. Не сможет... Другой путь, через Дубич, Вередор и владения дженчей-скотоводов не менее опасен и к тому же очень долог.

Наполненные светом звезд ночи, со стрекотом сверчков и пением жаворонков на рассвете, приносили облегчение. В эти часы она гуляла по лагерю, слушала разговоры, вдыхала полной грудью запахи равнин Залесья. А затем, усыпленная безмятежностью этих мест, ложилась спать, как всегда, обняв верную Буяну и зарывшись лицом в ее волосы.

Но в последние дни и этого удовольствия она лишилась — служанка все больше времени проводила с Черным Зубом. Гуннаром.

Искра заметила, что удалилась порядочно. Горыня будет ворчать, да и Михалко не стоит расстраивать.

Она спешила, взяла лошадь под уздцы и, поджидая своих, принялась задумчиво срывать придорожные цветы. Ей сказали, что Девятко погиб. Пропал, и никто не помнил, когда и как это произошло.

Известие о том, что ее любимца, возможно, больше нет в живых, повергло Искру в шок. Она вспоминала, как кричала, отталкивала успокаивающих ее людей, бежала сквозь чащу, ломая ветки, спотыкаясь о корни и горько плача. Потом она выбилась из сил и упала без чувств. Горыня на руках отнес сестру в повозку и поручил Буяне позаботиться о ней.

Когда княжна очнулась, был день. Первое, что увидела, — это склонившееся над ней озабоченное лицо служанки. Заметив, что хозяйка проснулась, Буяна вздохнула с облегчением. Оказалось, Искра пролежала в повозке больше суток. У нее поднялся жар, она бредила и металась во сне.

— Только не ругай Горыню, пожалуйста, — сказала Буяна. — Он переживал за тебя. Он искал Девятко. Даже сегодня утром уговорил Михалку помочь ему с поисками.

— Михалку?

— Это воевода из Воиграда. Он с дружиной встретил нас на выходе из Шагры вчера вечером. Сказал, что был послан царем навстречу. Горыня очень боялся, что ты... — тут Буяна запнулась.

— Ну же, говори!

— Что ты обвинишь его в убийстве Девятко. Очень переживал. Но он не виноват. Ребята долго искали его и нашли лишь... череп Угрюма.

Угрюма распознали по характерному признаку — многие помнили его переломанные

передние зубы.

Горыня назначил Леща новым десятником.

Искра вышла из повозки и сразу же попала в медвежьи объятия Михалки — большого мужчины, внешне мрачного, но на самом деле добряка и балагура. Он торжественно пообещал доставить ее в царский дворец в целости и сохранности. Искра была еще слаба и поэтому предпочла отправиться в дальнейший путь в повозке. Пока они ехали, Горыня скакал рядом, нерешительно поглядывая на сестру.

— Давай забудем, — сказала она тихо.

— Давай, — ответил Горыня и улыбнулся. Искра устало улыбнулась в ответ.

— Я поеду вперед, а то...

— Конечно же, брат.

Горыня покраснел и радостно прищпорил коня.

Когда Доброгост рассказал воиградцам об их злоключениях, воевода Михалко был поражен и обескуражен.

— Я слышал, что в Шаграве происходит что-то неладное, — говорил он, сокрушенно качая головой. — Но это нечто! Воистину, боги разгневались на нас! — на этих словах он осекся, но тут же с улыбкой добавил: — Боги разгневались на нас. Так ведь, мужички?

Его дружинники с готовностью закивали.

Горыня признался, что силы его людей на исходе, и попросил остановиться на привал. Отъехав подальше от проклятого леса, остановились у иссенского шляха.

Вечер прошел тихо. Венеги оплакивали погибших, особенно Девятко — не услышать больше его мудрого слова, — и Вьюнка — не прозвучит более звонкий голос парня, так радовавший их. Горыня созвал людей, пал перед ними на колени и сказал:

— Простите меня, братцы! Простите за все. Если бы вы знали, как корю я себя за свое бездушие, и жестокость, и глупость! Был бы я благоразумен, может, и... а! Что там! Мы не забудем павших! Не забудем...

Ночью, за костром, Михалко, положив руку на плечо княжичу, сказал:

— Смелые слова! Не каждый вождь осмелится на такой поступок. Я чую в тебе силу и поэтому думаю, что люди твои пойдут за тобой. — Помолчав, воевода добавил: — Но это не просто. Быть вождем не просто, парень, запомни.

Вчера вечером они прибыли в Смокву — большую деревню (здесь их называли всеями), где хозяйничал Бор Свенельдович — местный мелкий боярин, пожилой суетливый человечек, любитель выпить и поговорить. Он оказал радушный прием, тут же закатив пирушку.

На широком дворе, окруженном приземистыми избами с соломенными крышами и ухоженными палисадниками, поставили в ряд три длинных стола. Закуска — в основном овощи и фрукты, молоко, свинина и самогон, крепкий до слез. Уставшие с дороги путники рады были отдохнуть и немедленно принялись за еду. Бор Свенельдович и Михалко по очереди пространно и витиевато высказались за дружбу и братский союз всех вересских народов. Горыня, коего вынудили сделать то же самое, говорил неохотно, нескладно и мало, зато искренне. Затем начались застольные беседы. Местные интересовались жизнью степных дубичей (оказывается, так их звали в Залесье), их извечной борьбой со степняками. Венежане подмечали особенности местного быта. Самое удивительное, по их мнению, заключалось в том, что слобода была открыта — ни частоколов, ни земляных насыпей, ни

рвов. Только поля — пшеничные, ржаные, кукурузные, ячменные — и пастбища, где паслись коровы и лошади.

— О чем вы спрашиваете? — Бор был глуховат. — Слобода? А что это? Крепость? Нет, крепости на севере и западе, там, где шайки окаянного Военегга никому житья не дают. А здесь, в Иссенах, тишь и благодать. Кого нам бояться? Разве что волков, да и те в последний год притихли. Теперь понятно почему! Горе нам, если то, что вы рассказываете, правда!

Спустя три-четыре часа, ближе к полуночи, селяне подняли гостей и повели их в поле. Там стояло смешное нескладное чучело человека высотой в две сажени.

— Что это? — поинтересовалась Искра.

— Это Чух, — ответил ей Бор. — Злой дух полей. По нашим поверьям, перед сбором урожая надобно изгнать его, духа, значит, для чего будем жечь его чучело, иначе пшеница, овес, да и все остальное не сохранится, погибнет, сгниет в гумне. Но, девочка, запомни! Наши праздники церковники не приветствуют. Так что помалкивай там!

— Не совсем поняла, о чем вы.

— Михалко как-нибудь тебе объяснит. Ты лучше смотри. У вас в степи есть что-либо подобное?

— Нет. Не знаю... круговорот Прона, праздник Высеня...

Но Бор уже не слушал ее, увлеченно повествуя о своем.

— Мы здесь сохраняем обычаи предков. Вересы никогда не верили в чужих богов. Я говорю о настоящих вересах, то есть о нас. Именно мы потомки вересов, а через них — иссенов, от коих и пошли все — вересы, дубичи, вустичи. Иссены жили здесь в древности, возделывали эту землю, берегли этот край. А Блажен, он ведь наполовину марниец, не верес, кровь у него порченная, вот он и навязал нам эту гадость...

Селяне, взявшись за руки, кружили вокруг чучела, громко распевая песни. Затем парни, взяв заранее приготовленные факелы, подожгли его, выкрикивая фразы-обереги.

Чух ярко горел, и Искра засмотрелась на него, чувствуя необычайную легкость в душе. Старик все болтал без умолку о вересах и их богах, о чудном крае, где он жил, о дивном городе Иссенград, и Искра думала, какой же он, однако, зануда...

Искра собрала букет, но он ей не понравился, и она выбросила его.

— Зря, — прозвучал голос. Искра вздрогнула и, развернувшись, машинально выхватила меч. Перед ней стоял маленький человечек, одетый в выцветшую, поношенную хламиду, волочившуюся по земле; на голове нечто помятое и пыльное, отдаленно напоминающее колпак; узловатые пальцы сжимают посох. Лицо напоминало густо заросшее кучерявой седой бородой сморщенное яблоко, а глаза — глаза попросту отсутствовали, на их месте — сгусток одеревеневших морщин.

— Кто ты? — настороженно спросила Искра. — Откуда ты взялся?

Человечек пожевал пустым ртом и сказал:

— Зря ты выбросила букет. Такой красивый.

Искра посмотрела на букет и чуть не охнула от изумления. На дороге валялся роскошный букет из ярких, пышных цветов. Однако Искра не поддавалась наваждению.

— Хочешь околдовать меня, демон?! Уйди или снесу тебе голову!

Карлик отшатнулся, словно угроза подействовала на него, и слепо поводит лицом в разные стороны.

— Ты даже не спросишь, кто я?

- Мне плевать! Убирайся!
- Зря. Я вестник, дочь моя.
- Дочь моя?! — Искра окончательно вышла из себя и замахнулась мечом.
- Не надо! — взвизгнул вестник. — Я ухожу!
- Считаю до трех!!! — Искру аж затрясло от злобы.
- Позволь сказать только одно!
- Не позволю!

Карлик не стал испытывать судьбу, шмыгнул в придорожные заросли и скрылся. В этот момент подъехали Горыня, Злоба, Михалко и его помощник по имени Стемир — серьезный молодой человек.

- Что за крики, сестра? — спросил Горыня.

Когда она рассказала о том, кого встретила, Михалко со Стемиром нахмурились.

- Встретить вестника — плохая примета, — проговорил Михалко. — Быть беде.

- А что он вам сказал? — спросил Стемир.

- Ничего. Он не успел, я его прогнала.

- Но что-то все-таки он хотел вам сообщить?

— Только одно. Он сказал — позволь сказать только одно. Но это ведь какой-то бродяга.

— Не скажи. — Стемир важно погладил жидкую бороденку, что со стороны выглядело забавно. — Никто не знает, кто они такие. Вестники несут вести, что само собой разумеется, только всегда плохие. Быть беде.

Сны — путаные, но устрашающе реальные.

Она задыхается. Руки тянутся вверх, но вязнут в холодной комковатой массе. Земля понимает она. Руки зарываются во влажный чернозем, а он осыпается все сильнее, и она чувствует во рту его кисловатый привкус.

Искра приходит в себя. Паника захлестывает ее. Она начинает истерично рыть землю, все сильнее задыхаясь. Тяжесть породы сдавливает грудь, корни растений щекочут лицо, что-то ползет по ногам. И когда смерть уже касается ее, Искра проснулась.

Сквозь полог повозки пробивался свет костра, раздавались тихие голоса воинов, и это успокоило княжну. Она полежала несколько минут, прислушиваясь к беседе, и незаметно заснула.

— А ведь я хотел тебе сказать нечто хорошее, — вновь слышит она знакомый голос. Только сейчас Искра никого не видит, тьма окружает ее. Холодно.

Неожиданно она понимает, что стоит в этом незнакомом месте обнаженная. Девушке хочется убежать, скрыться, но из-за непроглядной тьмы она боится пошевелиться. Ей кажется, стоит сделать шаг — и она провалится в бездну. Во тьму. В Нечто, родившееся в недрах Шагры.

- Дочь моя! — Голос вестника будто хлещет ее.

- Ты... ты меня видишь? — дрожащим голосом спрашивает она.

- Ну конечно, дитя мое!

Откуда-то издали возникает тоскливое бледно-желтое свечение. Вокруг тесной массой толпятся мертвецы, если можно назвать их так — изуродованные люди-скелеты с обрывками иссохшей кожи на костях, в землистых сгнивших лохмотьях.

Ближе всех вестник — беззубый рот скалится в жутковатой улыбке.

— Такая красивая, — говорит он. — Потрогаем ее, дети мои.

И множество рук разом касаются ее. Острые когти царапают тело, ледяные пальцы проникают в самые интимные места, вызывая омерзение и стыд, мерзкий зловонный запах одуряет. И карлик тычет в нее посохом.

— Вставай, княжна! — каркает он. — Вставай же! Покажи себя! Вот она! Вот она Трогайте ее!

Постепенно ужас сменяется образом милovidного воиградского юноши по имени Войко. Он тронул ее за плечо.

— Всю ночевку распугаете, княжна.

Повинуясь порыву, Искра обхватила парня и прижала к себе. Войко растерялся.

Наконец княжна пришла в себя и обнаружила, что сжимает в объятьях опешившего и смутившегося незнакомого юношу. Она оттолкнула его и резко сказала:

— Все, иди!

Войко послушно ретировался.

Сон пропал, да и заснуть Искра теперь не решилась бы. Она села на край фургона, свесив ноги. К ее облегчению, никто из воинов не стал подтрунивать над Войко. Воиградцы повели себя разумно и деликатно, заведя разговор на другие темы. Постепенно Искра начала клевать носом. «Нет, только не сон! — тут же со страхом подумала она. — Нет!»

— На вот, выпей. — Мягкий и доверительный голос пожилого дружинника, похожего чем-то на Девятко, вывел ее из цепких объятий сна. — Выпей настоечки, княжна.

Искра, поглядывая на него, отхлебнула глоток из фляжки.

— Меня зовут Бальд, — сказал воин.

— Спасибо, Бальд.

— Вот, возьми. — Бальд протянул ей тонкую сухую веточку.

— Что это?

— Это чарушник. Защищает от злых чар, от ведьм и прочей нечисти. Спать будешь, никто не побеспокоит. Положи ветку себе под голову и спи сладко.

— Спасибо.

— Не за что, — ответил Бальд и побрел к своим.

— Бальд!

— Да, княжна?

— А можно... можно мне поспать рядом с вами, на траве? Неподалеку от костра? А то... мне страшно.

— Да, конечно, княжна. Ложись, так будет, верно, лучше. Если тебе так удобней.

Малозаселенные Иссены, полные чудесных вересковых полей, остались позади, и отряд благополучно вступил в Воиградские земли. Иссенский шлях плавно перетек в Кринский тракт, хотя река, давшая название дороге, еще не показалась. Все чаще попадались на пути деревни-веси, а Крин, к которому они вышли после обеда, облепили села вплоть до горизонта. Венеги неприятно удивились: чем ближе столица, тем сильнее беднел народ.

Нарядные избушки, хлебные поля, сказочные пейзажи сменились хмурой рекой. Чахлые избы местных крестьян казались мусором, выброшенным на берег. Поля пустовали. Большинство деревьев вырубил — вместо них красовался, по меткому выражению Злобы, лес пеньков — огромные территории разоренной земли и поросших непроходимым бурьяном пустошей. И все-таки здешний народ еще кое-как жил: ловил рыбу; ходил по

грибы; сажал брюкву, репу, морковь; водил скотину.

Но то, что предстало их взору в пригородном районе, ошеломляло. Такой удручающей нищеты никто из венегов никогда не встречал, и это несмотря на многовековую вражду с жестокими степняками, не раз ввергавшими их в отчаянное положение.

Сплошная грязь, теснота; лачуги настолько шаткие и убогие, что там и жить-то казалось невозможным. Везде, куда ни кинь взгляд — «голытьба» (где-то, кажется, в Смокве, Искра уже слышала это слово). Дети, тощие куры и плешивые псы вместе копошились в грязи. Бедняки нахально лезли под копыта, просили еды и хныкали; воиградцы отгоняли их ударами кнута.

Наконец показался и сам Воиград. Он стоял на холме в устье двух рек — Крина и Лесной. От воды вверх по склону бежали темные массы домов и упирались в огороженный высоким белым забором великолепный, величественный Кремль. Здания Кремля горделиво вздымали ввысь свои острые грани; они соединялись парящими в воздухе мостиками, точно плывущими по ветру паутинками.

Искра не поверила своим глазам. Ослепительный блеск царской резиденции так отличался от остального, что она прямо спросила об этом Михалко. Воевода нахмурился.

— Не надо меня спрашивать, княжна, — непривычно сурово отрезал он. — Вот у великого князя и спросишь.

Пока они ехали по вконец обнищавшим пригородным поселениям, носившим соответствующее название Черная Жижга, Искра все время боялась кого-нибудь придавить. Ее соплеменники, поначалу вполне вежливые и осторожные, очень скоро, как и воиградцы, потеряли всякое терпение.

— Да что ж это такое?! — ворчал Злоба, расталкивая тупым концом копья нахальную голь. — Лезут ведь как муравьи! И не понимают, стервецы, по-человечески. Пошли вон! Пошли вон!!!

— Эти люди никому не нужны! — крикнул Михалко Горыне, стараясь перекричать всеобщий гвалт. — Со всех сторон нас окружают враги, явные и неявные: дубичи с запада, равногорцы с востока, иссенские вои с юга, а с севера накатывают банды или, как ты там говорил? орды?

— Да, орды.

— Орды алмарков, тремахов, дубичей и всякого сброда во главе с Военегом. Тем закон не писан — убивают просто ради удовольствия, а хитрец Вонька вертит ими как хочет.

— Так я не понял, — спросил Злоба. — Им что, нет ходу никуда, даже в Иссены? Она ж вроде как под Воиградом?

— Верно мыслишь, богатырь! Гонят голытьбу отовсюду, а иссенские — редкостный скот! Царю жопу лижут, но простой народ гонят кнутом!

— А Мечеслав?

— Сам увидишь! Да что там! Долгая история...

Дорога свернула и вышла на набережную, и здесь венежан ожидало очередное потрясение.

Вся береговая линия Крина (у Воиграда он был наиболее широк) и часть впадающей в него Лесной были запружены обломками кораблей самых разных мастей. Черные остовы ладей торчали даже на середине реки. Из прибрежного песка выглядывали, словно ребра, полусгнившие борта.

— Вот вам и лес пеньков! — саркастически заметил Злоба. — И тут тоже живут люди!

Воистину, более жалкого края, чем это ваше княжество, воевода, не сыщешь!

Это замечание задело за живое многих воиградцев. Стемир стиснул зубы и подался вперед, но Михалко лишь горестно улыбнулся и промолчал.

Дальше потянулись мрачные столичные закоулки, полные питейных заведений, где ошивалось разнообразное отребье. Казармы, по большей части пустующие. Знаменитые марнийские бани. Окруженные крепкими стенами терема бояр. Замусоренные рынки и площади. Прилепившиеся к стенам Кремля белокаменные жилища зажиточных горожан.

У кремлевских ворот поджидал сам великий князь Мечеслав с семьей, боярами, священнослужителями и дружиной.

15. Я подарю тебе смерть

В ставку Мамата отряд, за которым понуро следовала джиргова дружина, прибыл ранним утром. Тумур с Шайтаном были уже там.

Мамат действительно был сухарем — долговязый, узкоплечий, нескладный, с уродливо выпирающим животиком, который он тщетно старался прикрыть широкой кольчугой: она висела на нем, словно лохмотья на чучеле. На брезгливо сморщившемся лице с впалыми щеками росла жидкая бороденка.

Старший сын Пурхана с достоинством поклонился кагану и пригласил в дом. Изменников (как он их назвал) ван велел разоружить и взять под стражу. После того как чаша с кумысом обошла присутствующих и все приветственные слова были сказаны, Мамат снова поклонился и спросил, молитвенно сложив перед собой руки:

— Чем могу быть полезен, повелитель?

— Я иду на Талгата. Собери всех, и как можно скорее. Времени мало.

Мамат, не оборачиваясь, щелкнул пальцами, и один из его приближенных тут же ушел.

— Что делать с изменниками? — с натянутой улыбкой спросил ван.

— Ты меня разочаровываешь, Мамат-гай, — надменно ответил Барх. — Что с ними делать? Неужели не знаешь?

— Но их так много... — пробормотал побледневший Мамат. — Семьсот прекрасных бойцов...

— Убей всех.

Мамат отшатнулся, как от пощечины, и с ужасом поглядел на кагана. Барх сидел неподвижно, лицо было непроницаемо. Мамат, хорошо знавший отца-шутника, растерялся — повелитель не шутил.

— Может, казнить часть? — нерешительно спросил он. — Только самых злостных и непримиримых, зачинщиков? — С лица вана впервые сошло выражение брезгливости.

— Возьми себя в руки! — проревел Барх. — Или ты знаешь, кто из них зачинщик? Главный зачинщик уже закопан! Соберись или пойдешь под топор вместе с ними!

— Нет...

— Пять дюжин... ладно, четыре, — смягчился Барх. — И пусть изменники сами выберут их. Казнить немедленно. Остальных вместе с семьями отдать в рабство.

Бедняга Мамат вышел из юрты пошатываясь, длинные пальцы то сжимались, то разжимались, и вообще, казалось, жили своей жизнью; продолговатое лицо, ставшее очень живым, попеременно отображало все обуревавшие вана чувства: страх, боль, решимость, шок...

Он не умел скрывать свои эмоции, этот Мамат-сухарь, он был добрый, он был настоящим отцом своего народа и вызывал отчаянное чувство жалости — самое едкое и жестокое чувство из всех человеческих чувств.

Изменников собрали в поле, у овечьего загона, где стоял насквозь пропитанный кровью пень с измочаленными краями, в которых застряли, волнуемые ветром, клочки овечьей шерсти. Мамат объявил приговоренным «свою» волю — нашел в себе мужество, — но сделал это так трогательно и мучительно. Несчастный ван смотрел в землю, часто кашлял и не знал, куда девать руки.

Изменники выслушали приговор стоически: никто не запаниковал, не зароптал. И

почти сразу в загон начали заходить люди — в основном молодежь. Это и понятно — лучше смерть, чем позор рабства. Но тут в процесс решил вмешаться один из самых заметных мужей во всем воинстве кагана, а именно Хаваш Одноглазый. Он встал у калитки и своим единственным глазом пристально и хищно осматривал всех, кто по доброй воле шел под топор: кого-то прогонял, кого-то впускал, при этом активно орудуя кнутом, и успокоился, только когда набралось нужное количество. Остальные загудели, выражая недовольство (удивительно, как сильно они желали смерти!), но Хаваш поистине осквернил небеса, разразившись столь страшными ругательствами и подкрепив их ударами бича, что Шайтан был вынужден осадить его.

Хаваш был мерзок до жути. Его манера двигаться, разговаривать (даже не разговаривать, а рычать), — во всем проявлялись исступленная жестокость и садизм. Первый раз в жизни Унэг видел человека, напрочь лишенного доброты, напрочь лишенного всего, что хоть отдаленно напоминало что-то такое. И воину почему-то стало смешно, удивительно смешно, ибо такой, явно нехороший, человек казался вымыслом, игрушкой богов.

Между тем Барх заметил в числе смертников того самого смышленного юношу.

— Подойди сюда, — приказал он.

Парень ловко перепрыгнул через загородку и вытянулся перед каганом.

— Как тебя зовут?

— Хайдаром.

— Как героя из легенд?

— Да, повелитель.

— Я дарю тебе жизнь и свободу, Хайдар. Забери свой меч и иди под командование Берюка. Он старый, опытный воин, сделает из тебя героя.

Но Хайдар, к удивлению окружающих, совсем не обрадовался.

— Чего ты стоишь? — нетерпеливо бросил каган. — Ты свободен. Ты и твоя мать, жена...

— У меня нет матери, — тихо ответил Хайдар. — Вся моя семья там, в загоне. Позволь мне умереть. По мне, смерть более привлекательна, нежели твоя милость, повелитель. Ты уж извини.

Сказав это, Хайдар развернулся и грустно побрел назад.

— Чего ты хочешь? — спросил его остолбеневший Барх. — Хочешь, чтобы я всех освободил?

— Не надо, повелитель. — Хайдар говорил печально, отрешенно, будто сейчас не дерзил кагану, а просто давал ему дружеский совет. — Не подвергай риску свое тщеславие. Да и кто я такой, чтобы о чем-то просить самого хана ханов?

Впервые Барх растерялся. Он на минуту опустил глаза, напряженно раздумывая над сложившейся ситуацией, и наконец сказал:

— Отлично. Я подарю тебе смерть. Мамат-гай!

— Я слушаю, повелитель.

— Отруби ему голову. Я не хотел этого, Хайдар, но ты вынудил меня.

— Почему я?.. — проямлил Мамат. Он стоял перед возвышавшимся над ним каганом — бледный, дрожащий.

Барх посмотрел на Мамата. Взглядом мрачным и неотвратимым, как сама смерть.

Мамат покорился. Срывающимся голосом он потребовал топор — совсем как нищий,

просящий милостыню. Доплелся до загона. Хайдар уже приготовился, положив голову на пень.

— Сколько же тебе лет, сынок? — поинтересовался Мамат.

— Семнадцать.

— Семнадцать... Что ж, да простят меня духи предков!

Мамат размахнулся, но то ли рука его дрогнула, то ли ван не очень хорошо владел топором, но он не отрубил Хайдару голову, а вместо этого врезал криво, как-то плашмя по затылку, скользнув острием по плечу. Послышался хруст, из раны на затылке хлынула кровь; юноша вскочил как ошпаренный и истошно завыл, потом упал и, страшно вереща, покатился по земле.

Мамат выкатил глаза и выронил топор. Но, быстро опомнившись, погнался за юношей, хватая его своими ломкими руками-палками, точно пастух овцу.

В этот момент взоры всех присутствующих обратились к кагану. Но он молча наблюдал, и на лице его не дрогнул ни один мускул.

— Ты что делаешь, безумец?! — заорал Хаваш и пинками отогнал вана прочь, после чего бросился на спину пребывающему в шоке парню и милосердно вонзил в его шею кинжал. Хайдар дернулся и затих.

— Уведите его, — кивнул в сторону Мамата Барх. — У него только один шанс смыть сегодняшний позор — собрать побольше воинов и храбро биться на поле боя против Талгата. Что скажете, вассалы Мамата? Готовы ли вы отстоять честь славного Пурханова рода?

— Да! — неожиданно дружно закричали местные.

Мамат сидел на земле и плакал.

Но на этом представление не окончилось. Каган Барх потребовал найти человека среди местных жителей, способного поработать спокойно, умело и без соплей. Ждать долго не пришлось — палач отыскался сам. Им оказался ничем не примечательный толстячок, к тому же изрядно пьяный. При нем была боевая секира венегов — бердыш (скорей всего, трофей). Толстяка пошатывало от излишка выпитого, но он быстро и ловко снес головы дюжине, после чего признался, что устал. Его заменил Хаваш, прямо-таки изнывавший от желания поубивать. Казнив пятнадцать человек, он был прогнан Берюком (ну как же без него!). Старый нукер прикончил еще дюжину и уступил место Яруновым наемникам, весьма и весьма довольный собой. Наемники чуть не передрались, они хватали приговоренных и тащили каждый в свою сторону, но после вмешательства командира успокоились и завершили дело, оставив последнего — щербатого — Шайтану. Удар Исы был такой силы, что пень раскололся, а голова долго катилась, подпрыгивая на кочках. Бывшие воины, а ныне рабы, как ни в чем не бывало уносили трупы своих товарищей и складывали в углу загона, туда же кидали отрубленные головы, но те непослушно катились в разные стороны по лужам собственной крови.

Зрелище распалило толпу, плотной стеной окружившую место казни. Недавние соседи изменников осыпали их проклятьями, свистели, улюлюкали и хвалили палачей, особенно толстячка: видели? Он пьяный, рыхлый, но как точен! Мастер!

Унэг понимал, почему так произошло, — народу по нраву сильные вожди, а Барх показал себя именно таким, человеком с железной хваткой. Этот знаменательный день возвестил о появлении нового хана адрагов. Вскоре во всем Нижнеземье прознали о Бархе Убийце, Бархе Жестоком, — лестные прозвища для любого повелителя.

Унэг не раз видел, как казнят людей. Но сегодня остался холодок в душе. И не потому,

что ему было жаль Хайдара.

Тебя ждет такой же конец. Помни об этом, багатур...

Опять эти слова. Унэг заметил, что у него дрожат руки.

Воин не мог объяснить себе, почему с каждым днем в нем все больше растет неприязнь к Барху. Все владыки и до него были жестоки и кровожадны. Такова жизнь. Но почему именно он? Дело в Сумраке?

День разгорался, знойный, несущий горячий суховей. Стихла ночная разноголосица, уступив место заунывной песне ветра.

В небе кружило воронье. Манас поймал себя на том, что оно наводит на него тоску. Падальщики, только что насытившиеся гниющей плотью какого-нибудь павшего животного, наводят на него тоску! Что это, старческое безумие?

— И все-таки я не понимаю, — сказал Эри, — что толкнуло тебя покинуть отчий край? Не пойму... О себе я рассказывал: мною вертела необходимость, жестко вертела, иногда жестоко. А что с тобой?

— Я уже объяснил.

— Не верю. «Хочу умереть среди людей»! Ха-ха-ха! Хоть как меня убеждай, почтенный Манас-ата, но это не причина.

Манас смутился и почесал бороду.

— Может, я и поторопился, — пробормотал он и, повернувшись к собеседнику, сказал: — Хорошо, скажу иначе. Я устал бояться.

— Бояться? — со смехом переспросил Эри. — Кого, внука? Ах да, ты боишься за свою жизнь! Что ж, теплее. И боги тоже боятся. Но, избежав одной напасти, ты точно попадешь в другую. Ведь ты стар и немощен, и в других краях никто не знаком с твоими добродетелями. На что ты надеешься?

— Ты тоже стар, старше меня.

— Я немало путешествовал. Я чуточку колдун, чуточку зверь. Я выживу. А ты нет.

— Ни на что я не надеюсь, — немного обиженно сказал Манас. — Я спокоен и пойду туда, куда глаза глядят. Но я знаю, к чему ты клонишь, Эри-ата. Не хочешь связываться со мной. Не беспокойся. В Марн я не поеду. Я покину тебя раньше. Только подальше от Орды, подальше.

— Предлагаешь выбросить тебя? И не сомневайся, выброшу. На что мне твои старые кости? К тому же ты... язвительный старикашка. Как мой отец, главный жрец Анне Эры.

Манас заглянул собеседнику в глаза.

— Ага! Я все-таки задел тебя!

— Ничего подобного, — отрезал друид. — Это ты жалок, аксакал. Ты боишься труса. Странно, не правда ли? Твой внук, очутившись в засаде, подстроенной коварными венегами, трусливо бежал. Не об этом ли поведал Хайса-хану Бургас Пересмешник? Что случилось там, у Заячьего Яра?

— Скорее всего, Барха оклеветали, — спокойно ответил Манас. — Не зря Бургаса звали Пересмешником — прохвост подыграл кагану. Хайсе нужен был Бурб, ему предназначался ханский престол. Я сам слышал, как Хайса кричал: «Жаль, что они его не убили!». Поверь мне, Эри-ата, Барх — не трус. Только не трус. Думаю, ты и сам это знаешь.

Все ближе становилась стая ворон, с карканьем кружившаяся вокруг какой-то точки. Рядом, на высохшем дереве, расположились стервятники.

— Если позволишь, — сказал Манас после паузы, во время которой оба наблюдали за шумным пиршеством падальщиков, — скажу тебе вот что. Я — старейшина своего племени, мудрец, — твои слова, заметь! — воин в прошлом, в далеком... Вряд ли ты усомнишься в этом. А вот в твоих словах я усомнюсь.

Эри хмыкнул в ответ — непонятно, то ли с презрением, то ли с раздражением.

— Ты говоришь, что был изгнан, — безжалостно продолжал Манас. — Ложь. Ты ушел сам, по доброй воле, но с проклятьями отца. И в чем причина? В жажде приключений, жажде знаний. Будешь спорить?

— Нет, не хочу.

— Ты ведь странствуешь с какой-то целью? Вот в чем причина?

— Ты недалек от истины, признаю. Но о своих поисках я предпочитаю не распространяться.

— И не надо, я и так знаю. Ты едешь в Драгнитар, на гору, которую мы называем Огненной. Ту самую, где погиб Габа Одноглазый. Что ты надеешься там найти?

Эри метнул на Манаса острый взгляд. Аксакалу даже почудилось, что друид готов придушить его.

— Успокойся, — сказал Манас. — Я не колдун. Вся разница между мной и тобой в том, что ты смотришь поверх вещей, а я стараюсь заглянуть вглубь. К тому же ты во сне разговариваешь.

— Проклятье! — воскликнул Эри и замолчал.

— Мне нечего сказать, — мрачно проговорил друид после паузы. — Ты меня обезоружил. Жгучий ты... почтенный Манас-ата.

С этими словами друид натянул поводья, остановив сонно плетущихся мулов.

— Пойдем, посмотрим? — сказал он, кивнув на пир стервятников. — Мои старые глаза разглядели нечто похожее на человеческое тело.

«Понятно, — думал Манас, спускаясь вниз, — моя болтовня ему порядком надоела».

Заметив людей, птицы разлетелись, недовольно крича. Действительно, объектом их внимания был человек. Судя по растерзанному виду, он умер ночью. От покойника мало что осталось: переломанные кости, разбросанные внутренности и череп, покрытый рваными клочками кожи с единственным глазом, запавшим глубоко внутрь.

— У меня идея, — сказал Эри, плюнув в мертвеца. — Позовем Бадбу, она расскажет нам про этого бедолагу все, что только возможно. Послушаем, как она «поет». У меня и настоечка есть.

Манас поворошил посохом обрывки одежды и замер.

— Что молчишь? — спросил друид. — Хочешь узнать, кто это такой?

— Я уже знаю, — ответил Манас, глядя на пропитавшуюся пылью, волчьей слюной и кровью разноцветную хламиду, увешанную многочисленными металлическими побрякушками.

— Я ведь... я ведь всё сделал... всё! Всё, всё!!! Что еще? Ничего, как договорились, а за итог... э-э-э... за итог... то есть, ну да, понятно ведь, о чем я? Этого я не мог подстроить... Что я, всемогущ? Нет, я всего лишь жалкая козявка, и меня надо оставить в покое, да, да! Я уйду куда-нибудь и стану жить тихой жизнью отшельника... буду питаться кореньями, хе-хе! Зачем ты меня преследуешь? Зачем? Иди к нему и... делай с ним что хочешь! Я — козявка, червь, я — смерд, я — смерд! Я — смердящая козявка! Оставь меня, ты!.. Оставь меня...

оставь...

Шаман Соам разрыдался. Сколько времени он скитался по степи? День, два? Больше, больше... А как давно он ел и пил? Ел и пил... Нет, эти слова отдавали чем-то давным-давным минувшим, пахнувшим... молодостью. Он с трудом мог вспомнить, делал ли он что-то в этом духе в последние годы. Кушал ли он, как всякий уважающий себя человек? Нет, он питался, будто животное, не думая об этом и не получая никакого удовольствия. О, духи предков! И чем же он отличается от своего раба Упыря, которого каждый день колотил? Да ничем! Такой же червь, такой же... раб, с той лишь разницей, что он сам продал себя в неволю этому... этому...

Никого нет? Никого? Нет, есть!!! Вот он! Вот он!!!

Соам упал ничком в траву, закрыл голову руками и мерзким тонким дрожащим голосом закричал. Ничего? Ничего. Тьфу, это же пустельга. Так, о чем это он? А-а-а... нет, о нем не будем. Он здесь, и он хочет забрать его душу с собой в... (тихо!) В ад.

Соам содрогнулся. Он не хотел умирать. Мысль о смерти привела его в состояние, близкое к помешательству. Он сел на колени, пальцы его вцепились в траву. По изнуренному, ярко блестящему от сальной пленки лицу пробежала полубезумная ухмылка. Чего он смеется? Жрать охота, вот чего! Нет, чего это он...

Крик ворона. Соам вскочил, и, в панике тараща глаза в голубое небо, бросился бежать. Он бежал и бежал, падая, скатываясь по склонам холмов, снова поднимаясь, выкрикивая бессвязные слова. Потрескавшиеся губы воспалились от разъедающего их пота, но он ничего не чувствовал и ничего не слышал, кроме преследовавшего его крика ворона.

Соам очнулся на земле, в рот набился песок. Он опять обрел некоторую видимость сознания. Уже стемнело. Где он? Шаман сел, даже не стряхнув с лица песок.

Последняя мысль, возникшая в мозгу, была о еде.

— Не-е-е-ет... нет. Ты здесь? — шаману мерещились ноги, обутые в черные кожаные сапоги со шпорами в виде лошадиных голов. Он таких и не видел никогда. Странные сапоги. Тусклый свет разлился около неподвижных, как горы, ног, а выше ничего не видно. — Ты?! Я! А? Я сам себе отвечаю? Ты? Ну что молчишь? Когда-то ты мне снился... или... не снился... или...

Шаман попытался вспомнить их первую встречу, но воспоминания стерлись из его памяти начисто. Он даже не понимал, кого, собственно, вспоминать? Слабая искорка надежды замаячила впереди. «Я схожу с ума, только и всего, — подумал он, напрягшись. — Что я делаю? Бегу от невидимого и несуществующего врага». Однако, осознав это, он испугался еще сильнее. Смутные подозрения зашевелились в голове, спутались с теми событиями его жизни, что еще не выветрились из памяти. Он начал бредить.

— Иди сюда! — Соам вытянул перед собой руки, подзывая таинственного спутника, но руки пропали, словно окунулись в молоко. Он поближе подполз к свету, ореолом окутавшему странные ноги. Ноги исчезли. В лицо дохнул прохладный ночной ветер. Послышался волчий вой. Постепенно шаман разглядел в темноте бескрайнюю голую степь. Вдалеке горели волчьи глаза. Ерунда, только не ворон, лишь бы не ворон. Да что ему этот ворон? Откуда он взялся? Ворон...

— Ну, скажи что-нибудь! Ну же, скажи, скажи, скажи, мерзкая тварь! Где ты? Что тебе надо? Убить меня хочешь? Изводишь меня? Появись, ублюдок! Столько лет я служил тебе! Я верно служил тебе, я, червь!.. Где ты? На кого ты похож? Ты человек?

Соам вдруг пришел в ужас. Повсюду вокруг него была пустота. И в пустоте слышался

волчий вой.

— Нет, я не хочу умирать, — шаман ползком попятился и остановился, прислушавшись.

Рычание. Они близко. Соам снова ощутил холодное, возбуждающее прикосновение страха. Но дальше уже некуда. Он больше не может бояться. Дальше некуда.

Рычание.

Незаметно для себя Соам успокоился, как будто добрый дух Туджеми сжалился над несчастным и ниспослал ему свою небесную благодать. Он лег на спину и приготовился принять смерть безропотно и отрешенно. Зверь подобрался так близко, что шаман ощутил на себе его хриплое дыхание. И преисполнился благодарности. На какой-то миг он очистился от скверны, глодавшей его много лет, и ясно понял, что прожил жизнь... зря.

16. Древо Смерти

Военег проснулся. Рядом спала Нега. В фисташковом сарафане, волосы веером рассыпались по подушке. Совсем молодая. «Не стоит ее будить. Уйти тихо». Удивительно, выпив рецину в одиночку и порядком захмелев, он так и не притронулся к девушке. Допоздна рассказывал байки из жизни беловодских багунов, и Нега смеялась.

Как давно он любил кого-то? Военег нахмурился. Едва подумав об этом, он вспомнил их: мать и вдову. Их обеих звали Ольгами. Обе чересчур опекали его. Обе требовали слишком много. Обе закатывали истерику по каждому поводу.

Он не трогал их. С годами он почти убедил себя в этом. Так было всегда. Военег всегда старался убедить себя самого в... чем?

Случай в Чернояре, совет девяти кунов двенадцать лет назад...

Мать страдала припадками. От этого и умерла, спустя три года после его изгнания. Не бил он ее. Как можно ударить мать? Разве только пощечина... А она сразу забилась в падучей. Больно вспоминать, как он перепугался тогда.

Ольга из Луха... Боги, даже сейчас ему неприятно вспоминать ее облик. Рыхлая усталая женщина. И что он в ней нашел? В общем, вдову отравили ее же дети. Убедительно звучит? Нет? Плевать. Они — именно они, сволочи, — влили яд в рот матери.

Слезы, крупные слезы на страшно побагровевшем лице. Обезумевшие глаза, захлебнувшийся в горле крик... Она стоит на коленях, такая жалкая, растрепанная. Рука в перчатке держит вдову за волосы. Из носа течет кровь...

Нет, он благороден. Он не тронул ее сыновей, обретя власть. Пусть их совесть мучает.

Как же противно вспоминать о ней. Слезы вдовы выводили его из себя. Столько раз он хотел придушить ее...

Всё. Надо успокоиться. Военег глубоко вздохнул. Он достойный и честный человек. Он всего лишь мстит обидчикам за поруганную честь. Насчет девяти... Военег усмехнулся, вспомнив, как крушил им черепа тупым мясницким топором на пире, который закатил в их честь.

Море крови. Военег поскользнулся в растекшейся вокруг алой влаге и больно ударился копчиком. Так он и лежал, хохоча, загребая горячую красную жидкость и глядя, как она капает с пальцев прямо на его лицо.

Он с трудом сумел убедить Семена в том, что резня была необходима. Семен был эдаким нравственным образцом. Семен был нужен как воздух. Военегу всегда казалось, что, потеряв Безбородого, он лишится чего-то... он и сам не мог объяснить, чего именно. Словно всё, что он делает, утратит всякий смысл.

Еще был Солоха. Кажется, вчера он что-то говорил про него. Оправдывался. Нет. Ту безумную ночь в Чернояре он боялся вспоминать больше всего на свете. Поэтому кровожадный кун по прозвищу Живодер был тут же — утром — повешен вместе с дюжиной головорезов, бывших с ним. А перед этим князь приказал вырвать им языки.

На Живодера накинули петлю. Он не двигался. Неслышно что-то бормоча, глядел на Военега глазами, полными ужаса. Князь не знал, куда деться от этого взгляда. В какой-то момент, потеряв терпение, он спрыгнул с коня и сам выбил ящик из-под Солохи.

Солоха широко раскрыл рот, показав обрубок языка, продолжавшего сочиться кровью...

Военег очнулся от мыслей. Он так и стоял, прислушиваясь, как за дверью спит она. Он подумал, что если Семен — это совесть, то Нега — это душа.

Князь заглянул на кухню, взял яблоко и распорядился принести в опочивальню к Неге завтрак. Выйдя на улицу, князь остановился. Вдохнул полной грудью. «Как цепями сковала меня, — подумал он и невольно улыбнулся. — Надо же...»

После завтрака Военег созвал всех приближенных на совет. Он длился чуть больше часа, после чего Военег дал приказ выступать. Отправил с распоряжениями гонцов в Сосну и на север, в Приозерные равнины, где находились основные силы.

Пока длились сборы, он решил прогуляться по замку. Проходя мимо одной из башен, остановился, заметив в ней наглухо заколоченную дверь. Заинтересовавшись, что бы это могло значить, князь осмотрелся, решив кого-нибудь расспросить. На противоположной стороне двора, вдоль казарм, бежала девица. Он позвал ее.

— Как тебя зовут?

— Дивна.

— Дивна... отлично. Ну-ка поведай мне, Дивна, что это за башня такая и почему дверь забита?

— Так это ж место, где призрак покойного барина обитает.

— Да ты что?

— Правда-правда! Как-то раз Бражник послал туды двоих дворовых, и они так и сгнули там. Правду говорю, не вру никак!

— Верю, верю. Иди.

Дверь разлетелась в щепки под ударами молота. Ха́ир Каменная Башка был непревзойденным мастером в такого рода делах. Его молот весил пудов пять. Древко высотой до груди, выщербленный боек.

— Рагуйло! Где ты откопал это животное?

Поднимаясь по крутой лестнице в башне, князь остановился, чтобы еще разок взглянуть на Хаира, оставшегося у двери. Гигант стоял неподвижно, облокотившись на молот.

— Он мой кровник, — многозначительно ответил Рагуйло.

— То есть?

Рагуйло не спешил с ответом. Подумал и осторожно сказал:

— Мы с ним... вроде как братья.

— Шутишь?

— Ничуть. Хаир как-то спас мне жизнь. А я добро не забываю. И еще Хаир великий вождь в своем племени и свободный человек. Если он захочет, то уйдет, а убить его невозможно. И еще, — прибавил он шепотом. — Он не любит, когда его оскорбляют. Понимаешь, князь?

— Надо же! — проговорил князь, разглядывая «кровника». — Видел? — спросил он у Асмунда.

— Нет ничего невозможного, — сказал палач. Он понимал хозяина с полуслова.

«Вот прощельга, — подумал Военег. — Или Рагуйло спятил, или думает запугать меня. Да кем? Дикарем! Правда дурак или издевается? Слабину во мне почуял? Ах, недоносок собачий сын! Думает, я бабий угодник. Что ж, многие так думали...»

Хаир хищно стрельнул глазами в спину удаляющейся троице и усмехнулся. Военег

заметил это.

Двустворчатая дверь, ведущая в единственное в башне помещение, тоже оказалась закрытой, но уже изнутри. В прихожей валялись проржавевший лом, лопата, ведро без дна. Наметанный глаз Асмунда обнаружил на полу темные пятна.

— Это кровь, — сказал он с видом знатока. Его внимание привлекла груда досок, сложенных в углу. — Смотрите! — произнес палач, сверкнув глазами.

Он откинул доски. Они упали с грохотом.

— Я так и знал, — сказал Асмунд. За досками скрывался ссохшийся труп в полуистлевших лохмотьях. — Здесь была пьянка, окончившаяся дракой. Убийца скрыл тело тут, а сам... сбежал.

— А там что? — спросил Рагуйло, кивнув на дверь.

— Сейчас посмотрим, — ответил Военег. — Зови своего кровника.

Хаир Каменная Башка не спеша поднялся, посмотрел на дверь и... открыл ее, толкнув рукой и одарив Военегу с Асмундом снисходительной улыбкой. Одна створка упала, взметнув пыль, затянувшему помещению.

— Я поражен, — иронично сказал князь, морщась и помахивая перед лицом ладонью. — Он и впрямь умен.

Хаир ничего не ответил.

Военег вошел в помещение — круглый кабинет с узкими створчатыми окнами. Одну половину занимали шкафы с книгами и свитками. Другая сторона была увешана оружием и чучелами животных.

В центре — стол из красного дерева. За ним в кресле сидел ссохшийся труп в серебряном шлеме с витой тульей. На столе меч, высохшая чернильница с гусиным пером и пожелтевший пергамент. Все было окутано паутиной: видно, сюда никто не заглядывал со времени смерти Вышеслава, а то, что этот мертвец, чей оскал напоминал сардоническую улыбку, был когда-то хозяином замка, никто не сомневался.

— Я же говорил! — сказал Асмунд.

— Что ты говорил? — спросил Военег, подходя к покойнику.

— Старика не похоронили, потому что не нашли. Сделали вид. Чтобы не злить местных. Как по мне, вышло глупо.

— Когда ты это говорил?

— Вчера.

— Не буду спорить с тобой, Асмунд, — произнес Военег, осторожно развернув пергамент. — Лучше прочтем то, что здесь написано. Это весьма любопытно.

Сыну

Будь бдителен, ибо близится час

Ведь истинно! он был. Так давно, как и само время

Но он есть и грядет

И возвещает о себе Шелестом Невосполнимых Утрат

Кровью Ягненка

Слепым Глазом

Запахом Тлена

Яблоком и Веселящим Вином

Таинственным Замком и Одинокой Девой

Древом Смерти
Тьмой Подземелья
Гибелью Двух Братьев, Красного Петуха и Сына Сомнения
Лихорадкой, крадущейся, словно Вечный Змей
Покоем и Тихим Сном

О, сын мой!
Когда глаза откроются, возможно, будет поздно

...Врата в Никуда...

Внемли, сын мой, моей молитве!
В это мгновение...

— Не дописал. — Военег явно был озадачен. — Похоже, тут кровь. Слова обрываются пятном крови. Что скажешь, Асмунд Мудрейший?

— Приму твой эпитет, как долгожданное признание моих заслуг, — ответил палач, принимая бумагу. — Хоть ты и насмехаешься. Так. — Асмунд внимательно посмотрел на покойника, потом прочитал содержание письма. — Исходя из того, как сидит старик — видите, голова чуть запрокинута, — можно предположить, что у него носом пошла кровь. Кстати, по слухам, этим он страдал давно. И кровь на пергаменте оттуда же. Что произошло «в это мгновение», я... не берусь сказать. Да и само письмо для меня загадка. Ну... это что-то вроде послания или же предсказания. В целом текст, хоть и несколько абсурдный, вполне себе последователен. Только строка «Врата в Никуда» выпадает, по-моему...

— Не двинулся ли перед смертью старик умом? — насмешливо предположил Рагуйло.

— Все может быть, — ответил Военег. — Я вот думаю, о каком таком сыне здесь говорится? Ведь у старика никогда не было детей.

— Как долго я мечтал об этом дне! — сказал Военег, глядя на восточный мост, на фоне реки казавшийся таким хрупким. — Вот как пить дать, был бы старик жив, ни за что меня не пропустил бы!

— Несмотря на царское приглашение? — спросил Асмунд.

— Старик подтерся бы этим приглашением. — Военег развернул коня и посмотрел на палача с присущим только ему выражением серьезности, нахальства и плутовства. — Это у нас перед Бориской все трепещут, а воям, как говорит Кровопийца, похеру и князь собственный и всё остальное, кроме своего кошелька.

— И Трехликого! — прибавил кто-то из войска, столпившегося у ворот.

Князь задумался.

— Нет, навряд ли. Культ Трехликого сохранился лишь в Кремле, и то по неведомой прихоти Мечеслава. Все, хватит разглагольствовать. Едем!

Всю дорогу Военег крутился около новой пассии, которая оказалась скромной и застенчивой девушкой. Князь нарядил ее в дорожный костюм — легкая кольчуга, кожаные штаны и изящные сафьяновые сапожки. Усадил ее на молодого игривого коня чалой масти, — и не мог оторвать глаз, забрасывал девушку полевыми цветами и шутил. Нега отвечала ему кроткой и усталой улыбкой.

— Вот ведь мальчишка! — хмурились разбойники. — Ему бы в куклы с ней играть!

Но те, кто знал его получше, отвечали:

— Одно другому не мешает. Вот он наиграется с ней и отдаст нам на забаву, а ежели осерчает на девицу, то Асмунду. А уж ентот изверг котлет из нее наделает да нас накормит! Вы не глядите на него. Только дураки видят в нем барчонка.

Западный и северный края Воиградского княжества изобиловали холмами, большими и малыми. На склонах шумели дубравы. От Белой ответвлялось множество мелких речушек, извивавшихся по всему плоскогорью, точно стайка водяных ужей. Большинство сел, ко всеобщему удивлению, были давно заброшены, а церкви — сожжены.

Лишь однажды им повстречалось относительно крупное поселение — три десятка домов. Въехали туда в настороженном молчании. Здесь девушка спрыгнула с коня.

— Что такое, Нега? — спросил Военег. Он глянул на нее сверху вниз, точно коршун на мышку. Она невольно поежилась. Ей опять как будто приоткрылся занавес, обнаживший его дьявольскую сущность.

— Здесь я родилась, — сказала она с грустью. Князь также спешился, подошел к ней и положил ладони на ее плечи.

— Ума не приложу, что тут произошло? — спросил он.

Как он меняется! Сейчас голос его ласков и участлив.

— Что гадать? Осмотримся! Эй, ребятки! Обшарьте-ка дома! Не нравится мне это.

Через полчаса Семен доложил князю:

— Судя по всему, народ ушел отсюда намеренно: дворы пусты и нет ничего стоящего: ни топоров, ни вил, ни телег, ни даже белья, корыта, простой кружки — все забрано. А там за углом — блаженовка, и на нее стоит посмотреть.

Церковники всегда стремились строить большие и красочные храмы. И даже в этой глуши церквушка была сложена из мраморного камня, золоченые шпили украшали ее, на мозаичных окнах — сцены из святых книг. Все это было, а сейчас дом божий почернел от дыма, тонкие листы железа на шпилях покрылись пузырями и полопались, окна осыпались, двери и внутреннее убранство сгорело дотла.

На пустыре перед домом стояло несколько кривых, покосившихся столбов-виселиц.

— Неделя прошла, — сказал Тур, подъехав к висельникам, осмотрев их и понюхав, словно гончий пес. — А может, и меньше. Вон, еще воняют!

— Кто мог это сделать? — спросил Асмунд. — А? Никто не знает?

— Вам лучше знать, — ответила Нега.

Повешенные — семнадцать человек — были зрелыми мужчинами. Они уже сморщились, хотя соки еще сочились из высыхающих тел, пропитав жирным блеском одежды. Лица изъели птицы, которые и сейчас, недовольно каркая, кружились в небе.

— Это старейшины и панычи села, — прозвучал тихий голос Неги. Ведя за собой испуганно фыркающую лошадь, она подошла к покойникам. Вид у девушки был неважный — лицо побледнело, губы дрожали. — Я узнаю их. — Она смело прошла вдоль столбов. — Это — Ерш Бортник, он снабжал всех медом, добрый был дядька. А это Афрон, настоятели церкви, был самый толстый и жадный, а сейчас...

— Не надо, Нега, — проговорил Военег.

— Я всех их хорошо знала, — продолжала девушка, глядя на покойников глазами, полными слез. — Они были так добры со мной...

— Все, хватит. — Военег обнял ее, прикрыл ладонью глаза и увел подальше. — Всех снять и похоронить! — крикнул он, повернувшись вполоборота. — Так бывает, Нега.

— Меня зовут Добронег, — произнесла, остановившись, девушка. Военег взглянул на нее и снял руку с талии. Она была настолько загадочна и в то же время сильна... сильна, наверное, добродетелью. Сильна так, что он отступил, словно слуга перед царицей.

— Что ты со мной сделала, Добронег... — прошептал он, опустив глаза.

Багуны похоронили казненных, морща носы и ворча. На память о них вбили колышек с табличкой, на коей Асмунд искусным рутийским шрифтом (сколько же талантов оказалось у этого человека!) вывел их имена — Добронег подсказала и помогла.

Отправились далее шумящей, галдящей двухтысячной толпой, разъехавшейся так широко, что крайних было и не видать (они, кажется, охотились — до Семена доносились характерные азартные возгласы). Это плохо — строя нет, сплошной бардак, но бесполезно приучать багунов к порядку — любой такой командир рискует нарваться на неприятности.

Семен чуял опасность: где-то тут, в сопках, скрылся враг, может быть, и тот, кто учинил расправу над зажиточными крестьянами. Тут он, и следит, и следит...

Безбородый поделился опасениями с подначальными: Туром, Левашом, Одноглазым, Ляшкой; поговорил и с Рагуйло, и с Аскольдом, с Путятой — все были единодушны.

— Тут все ясно, — говорил Аскольд. — Простой люд знает о нас. Видят смерть свою за версту, паскуды! А церковники — те еще псы — кто сильней, тому и под хвост. Народ гудел, а они: «Придет Военег-батя, согнемся в поклоне и будем жить по-прежнему!». Вот их повесили!

— Думаешь, запугивают нас? — спросил Тур.

— В здешних местах всегда беспокойно было, — как обычно, лениво растягивая слова, говорил Семен. — Князь Андрей немало крови попил у крестьян, за что и поплатился. Он их взбудоражил, они и бесятся до сих пор: мол, зачем нам еще один Андрейка, лучше сразу обрежем ему яйца.

— Да! — сказал Леваш. — Андрейка, черт его дери! Подох, собачий сын, как баба дорожная, с хером во рту!

— Не болтай! — возразил Тур. — Его убили в бою. Топором, говорят, в загривок — и был таков!

— Иди ты, болван! Насильник он был, вот мужики его собственный хер ему же в глотку и запихнули!

— Как такое возможно, скажи на милость, брат Леваш? Он же князь, а не пьянь какая! До него и стрела просто так не долетит — дружина вмиг спины подставит. Зарубили его! Так обезобразили, что насилу узнали!

— Иди ты в жопу, пень замшелый!

— Щас в глаз получишь за такие слова! С кем так разговариваешь, скотина?!

И так далее...

С трудом оторвав Военегу от его дражайшей спутницы, подле которой он крутился, словно жук у какашки, рассказали ему все, как на духу.

— На разведку бы, а то поляжем здесь, как зайцы, — буркнул Путята себе под нос.

— Да, давайте, — почесав затылок, сказал князь, желая поскорее отделаться от них. — Действуйте, хлопцы, не больно-то я вам нужен, уж не маленькие.

После обеда, когда солнце начало свой неуклонный путь на запад, все беспорядочное

войско багунов вступило в Усть-Кедровскую равнину: покатые холмы, разнотравье, ветры — и ни единого дерева.

Впрочем, одно дерево им повстречалось. На голом каменистом взгорье, на обдуве, стояла тонкая чахлая осина. Ее заприметили издали, так как на ней чернели будто плоды — диковинное дело! А подъехав поближе — ахнули.

На всех ветвях висели дохлые вороны.

іБлаженовка — в простонародье: храм Тринединной церкви.

17. Шелест невосполнимых утрат

Искра сразу обратила внимание на холеные руки Мечеслава. На ухоженную бородку. Он стоял, сияя лучезарной улыбкой, а позади выстроились бояре, неподвижные, как истуканы. Бояре только и делали, что хмурились. В бархатных кафтанах, шелковых кушаках, сафьяновых сапожках. Пальцы унизаны перстнями. Если б не бороды, могли бы сойти за баб. Искра против воли улыбнулась. Мечеслав, видно, расценив это по-своему, расцеловал слегка опешившую Искру и, точно старого друга, обнял Горыню.

— Ну же, господа, — обратился великий князь к боярам, — скажите же что-нибудь! Или краса нашей гостьи до того поразила вас, что речь отнялась?

— Приветствуем тебя, княжна венежанская, на нашей святой земле, — низко поклонившись, изрек один из бояр. — На земле, где сходятся пути всех потомков вересов, что разбрелись по степям и горам...

— Пойдем, — сказал, взяв ее под руку, Мечеслав, — ну их...

Он повел гостью вдоль чуть запущенных, но все еще прекрасных пронтийских садов. В очертаниях кустов, подстриженных в виде фигур, угадывались звери и люди.

Мечеслав, склонившись к девушке и поглаживая ее ладонь — необычная, неприсущая мужчине фамильярность, — показывал ей достопримечательности Кремля, сопровождая подробными пояснениями. Искре, да и остальным венежанам, впервые в жизни оказавшимся среди столь высоких зданий, оставалось только удивляться.

— Вот, моя милая, Храм Триединого Бога, — сказал он, указав на белокаменное сооружение, увенчанное позолоченными шпильями. — Тут молятся нашему... богу. А вон те люди в рясах, столпившиеся у входа в храм, то служители церкви — триархи, экзархи, иереи, послушники... — Тут Мечеслав вдруг вздохнул. — Тяжело с ними, с церковниками этими.

— Чего? — не поняла Искра.

— Поздороваемся с Клеоменом, — сказал князь, проигнорировав вопрос.

— Кто это?

— Иерарх вересской церкви, принципар, — ответил Мечеслав, и девушка поняла лишь, что представший перед ней тщедушный старикашка был старостой или ведуном в этом ужасном и громоздком капище.

— Дочь моя, — сказал Клеомен, благочестиво сложив руки. — Я надеюсь, что ты и твои собратья, — старик учтиво поклонился Горыне, — без колебаний вступят в лоно нашей несчастной церкви. Что вы примете в свое сердце истинного бога, воплотившегося в виде трех истин, трех ипостасей, трех заповедей и трех стихий...

— Не надо, не надо, ваше святейшество, — прервал его князь. — Не морочьте голову нашей принцессе. Успеете еще. — И поспешно повел ее дальше.

— Почему он так странно говорил? — спросила Искра. — Почему вы нервничаете? Вы что, не верите в своих богов?

— Верим, моя милая, как же, верим, — грустно ответил Мечеслав. — Да только... Впрочем, не будем об этом. Лучше посмотри — вот боярский дом, где, по обыкновению, мы с советниками, — кивок в сторону бояр, — думаем, как говаривал мой дедушка, думу — важную думу, государственную. — Тут князь вымученно рассмеялся.

Искра уже немного устало взглянула на очередное большое, чем-то похожее на храм, здание.

— Тут рядом казармы, — продолжал князь, коему явно полегчало после расставания с Клеоменом, — где твоя славная дружина, во главе... Как вас, если позволите?

— Злоба, ваше величество, — пророкотал десятник, — так меня зовут, коли непонятно.

— Очень, очень приятно... Так о чем это я? Ах, да! Дружину твою, принцесса, расположим со всеми удобствами. И слуг тоже. А вот как вас зовут-то, почтеннейший? — обратился он к писарю.

— Доброгост, ваше величество.

— Думаю, мой сынок Андрюша будет рад знакомству с вами, ведь вы наверняка книжник?

— Угадали, ваше величество.

— А мне говорили, якобы венежане — сущие дикари. А оно вон, оказывается, как — и ученые мужи у вас есть. Андрюша просто обожает книги, — шепнул князь смутившемуся писарю. — Так что я, с вашего позволения, сделаю вас нашим архивариусом — наш-то, да упокоит Великий Старец его душу, на днях скончался. Большая потеря, знаете ли.

— Мои соболезнования, ваше величество, — взволнованным голосом произнес Доброгост и ликующе пробубнил: — Стать архивариусом в самой Воиградской библиотеке!

— Библиотека тут недалеко, — князь элегантно жестом указал куда-то вперед, — скрыта за дворцом. Очень красивая либрария, как говорят марнийцы, известные хвастуны! Хвалят только то, что сами построили, ведь сей храм знаний возвел зодчий Тудо.

Процессия подошла к дворцу. Он был великолепен. Состоящий из острых и стремительных линий, словно готов был взлететь. Искра подумала, что это настоящее чудо света.

— Добро пожаловать, друзья, — сказал Мечеслав, и слуги распахнули бронзовые двустворчатые ворота. — Входите и познакомьтесь с моими сыновьями.

В тронном зале с мраморными полами и стенами, увешанными высоченными портретами всех воиградских князей, включая легендарных владык, воевавших в незапамятные времена с крирами, северянами из Стейнорда и двенганями, рядом с тронном, стоявшим на высоком постаменте, стоял человек.

— Вот — Андрей, мой старший сын. — Мечеслав подвел девушку к лысеющему высокому бледному человеку, который на вид был никак не младше своего отца. Он опирался на трость, и лицо было искажено гримасой боли и презрения ко всему окружающему.

— Здравствуйте, — скромно поприветствовала его Искра, и Андрей сухо кивнул в ответ.

— Ну, это и есть твой суженный, — сказал князь, и в его голосе девушке послышалась насмешка. — Если ты не поняла... Андрюша, ну что же ты?..

Андрей не шелохнулся. Он смотрел на нее со смесью злости и презрения...

Никогда Искра так не разочаровывалась, как в тот день. Столько испытаний выпало на ее долю. Люди погибли ради нее, ради ее будущего. И вот это самое будущее — преждевременно постаревший, искалеченный, усталый и угрюмый человек, — было ей предъявлено с какой-то издевательской помпой. Он моментально вызвал неприязнь. Искра уже готова была вспылить, если бы не Горыня, вовремя шепнувший ей: «Не дури». И крепко бы тогда досталось и Андрею, и разлюбозному князю Мечеславу.

Когда гнев утих, девушку охватила невыразимая тоска по дому, родным, любимым Младе и Светлогору — и по «дядьке», конечно же. Она в отчаянии оглянулась — в сумраке

тронного зала безучастно темнели лица дружинников, бояр, священнослужителей. Кто-то что-то говорил, Искра не слышала. Не слышала она и речи сладкоголосого князя...

День прошел как во сне. После приветственных речей был ужин, потом князь лично отвел ее в приготовленные для гостыи покои.

На закате неожиданно явился... княжич Андрей.

Искра сидела на стуле у окна и смотрела на вечернюю зарю.

— Я присяду, — сказал Андрей и пристроился на край ложа. — В моем положении иного не остается, — добавил он, но девушка, проигнорировавшая его приход, ничего не сказала.

Княжич по-стариковски сложил руки на трости и вздохнул.

— Это была опочивальня моей жены, — сказал он, обведя печальным взглядом комнату.

— Что вам нужно? — холодно спросила Искра.

— Трудно сказать, — ответил он и усмехнулся. — Просто... здесь после смерти моей жены больше никто не ночевал. Как-то... потянуло меня сюда, что ли...

— Поплакаться пришли?

— Нет, ни в коем случае! Я просто хотел сказать тебе, Искра, что ты слишком красива для меня.

— И что? Подобрали себе замену?

— Не смейся надо мной, пожалуйста, я этого не люблю. Я видел, как тебе плохо, и, в связи с этим... вот что скажу: судьба твоя решена, так что будь сильной. Мне тоже неприятно.

— Плевать я хотела на то, что вы чувствуете!

— Хм... да. Откровенно. — Андрей задумался, потом спросил: — Как ты думаешь, кто я?

— Не знаю и знать не хочу.

— Я был убийцей. А теперь я — никто.

Искра долго смотрела на гостя. Потом произнесла:

— Спокойной ночи.

Андрей грустно покачал головой. Он приподнялся и чуть было не упал, но Искра поддержала его.

— Спасибо, — буркнул Андрей.

— Вас проводить?

— Не надо, — ответил он, оттолкнув ее. — Я сам.

Снова тьма. Казалось, здесь существует только взгляд, тщетно ищущий проблеска света. Ощупав себя, Искра немного успокоилась, хотя мысль, что плоть исчезла, была абсурдна. Потом нащупала сырую землю, неприятно холодящую спину, и ощутила запах гнили.

«Где я?»

Дверь распахнулась. В помещение, шаркая ногами, вошли люди, и от них воняло падалью. Они схватили ее и выволокли на улицу. Руины окружали их — целый город заброшенных зданий и мутный свет, тонущий в непроглядном мраке, нависшем над мертвым городом, точно скала. Искра подумала, что, должно быть, так будет выглядеть Кремль... когда-нибудь.

Люди, источавшие трупный запах, в грязных полуистлевших рясах, с капюшонами,

напрочь скрывавшими лица, бесцеремонно бросили девушку на доску размером с дверь и распяли на ней. А она смотрела на них с каким-то безразличием, как будто плавала в пруду среди водорослей и беззаботно проносящихся мимо рыб.

Люди подняли доску, положили себе на плечи и понесли. Искра приподняла голову и только сейчас заметила, что полностью обнажена. Однако этот факт ее нисколько не смутил, а прикосновения невесть откуда взявшихся на улице уродцев, уже знакомых ей по недавним снам, даже... порадовали.

Скоро уродцев стало так много, что процессия остановилась. Они, толкаясь, беспрерывно лапали ее, протягивая к ней чудовищно худые и длинные черные руки, покрытые полусгнившими клочками кожи. Вспыхнул голос, истерично возопивший: «Вот ваша царица — смотрите на нее, эггелы! Смотрите на нее!!!». Уродцы подняли жуткий вой, доска, с трудом удерживаемая людьми в рясах, тряслась под их напором, но затем все стихло.

Уродцы-эггелы в страхе отступили, люди в рясах опустили доску на жертвенник, представлявший собой грубо обтесанный валун. Кто-то приближался. Кто-то тяжелый, ибо каждый его шаг отдавался громом. В этот момент Искра словно очнулась и, взглянув на то, что к ней приближается, окаменела.

Искра пробудилась на полу. «Опять эти кошмары», — подумала девушка, с облегчением заметив зарождающуюся зарю, коснувшуюся первыми робкими лучами окон опочивальни.

С каждым днем девушку все сильнее тяготило одиночество. Она осталась одна: Буяну Горыня определил в служанки, и ей было не до княжны. С братом Искра всегда общалась мало.

Великий князь пришел к ней на третий день и пригласил в сад. Минут десять они неспешно прогуливались, наслаждаясь теплым ясным днем; под ногами мягко шуршала прошлогодняя трава, жужжали пчелы, пели птицы.

Они устроились на потрескавшейся скамье, притулившейся меж двух кустов, внешне отдаленно напоминавших медведей, оцетинившихся проросшими ветвями.

— Скажи мне, принцесса, — начал Мечеслав, закинув ногу за ногу и скрестив пальцы на колене, — как тебе здесь? Привыкаешь? Осваиваешься?

— Никак, — резко ответила Искра, чувствуя себя неловко в роскошном алом летнике с унизанными жемчугом и алмазами аксамитовыми вшивками на груди — даре Мечеслава.

— То есть плохо, — покачав головой, сказал князь. — Ничего, со временем попривыкнешь. Знаешь, а ты очень красива, — неожиданно произнес он с придыханием, придвинувшись поближе, осторожно поднеся ее локон к лицу. — Но, видать, на Андрюшу, — поспешно добавил он, отодвинувшись, — твоя краса не произвела должного впечатления. Он назвал тебя дикаркой.

Искра, которую порыв Мечеслава слегка напугал, не удержалась и фыркнула, услышав имя суженного.

— Да. Андрей нелюдим, — продолжал князь, — необщителен. У него свои увлечения, можно сказать, целый мир, — и он сидит в своей библиотеке целыми днями, носа оттуда не кажет.

— И что? Если Андрей такой нелюдимый, — спросила Искра, — зачем ему жена?

— Хм... — Мечеслав, казалось, растерялся. — Андрюша единственный сын...

— У нас, в Волчьем Стане, — скривившись, заявила девушка, — отцу наследует

старший сын. Насколько я знаю, Андрей отказался от престола? Вы же сказали, что он у вас единственный? Кто же тогда будет на престоле после вас? Или я чего-то не понимаю?

— Так и есть. Андрей отказался от Всеславового престола. Отказался наотрез.

«Я скорей умру, — с гневом подумала Искра, — чем выйду за этого калеку. Ненавижу его. Ненавижу! Но кого я обманываю? Зачем я сюда приехала? Если не за этим? Младе пришлось гораздо тяжелее».

— Но ты все же выйдешь замуж за моего сына, — словно прочитав ее мысли, сказал Мечеслав, продолжая разглядывать юную княжну так, будто она нага. — Я прав? О чем ты думаешь, принцесса?

— Я должна, — ответила она, вспомнив несчастную судьбу сестры. — Я должна. Такова моя судьба.

— Не горюй, моя милая, — сказал он. Девушка заметила его чрезмерную возбужденность. — У нас не так плохо, — как-то хрипло и торопливо прибавил он, после чего встал и прошелся взад-вперед.

— Что с вами? — настороженно спросила Искра. — Вам нехорошо?

— Нет-нет. — Мечеслав взглянул на девушку и печально улыбнулся. — Я, конечно, попытаюсь образумить сына...

— Ему сколько лет? — перебив его, гневно спросила девушка. — Ему далеко за двадцать, а вы, великий князь, все цацкаетесь с ним? Я понимаю, он не вполне здоров, но у нас на родине тоже есть такие. Отец в подобных случаях пускал в ход плетку, а то и что похуже. Я приняла его повеление безропотно и приехала сюда, претерпев по пути страшные испытания и потеряв близких людей. Приехала в разоренное и обнищавшее царство, к жениху, который плевать на всех хотел и ничего не желает знать ни о чем, и к изнывающему от похоти свекру. Я приехала в край, где люди стыдятся своих богов и боятся посмотреть вам в глаза, и это место, где я должна прожить всю жизнь! Вы что, хотите, чтобы я нарожала вам детей, таких же ущербных, как вы и ваш сынок? Опомнитесь, ваше величество! Вы — призраки, вы уже погибли, и, не ровен час, какой-нибудь деятельный князь уничтожит Воиград одним щелчком! Вы же это понимаете, но у вас не хватает духу признаться себе в этом. Вместо этого вы говорите мне — попривыкнешь, освоишься, у нас не так плохо... да у вас все плохо! И я скажу вам вот что: да, я выйду замуж за Андрея и, став княгиней, приложу все усилия для того, чтобы поднять из могилы ваше больное царство, но не ради славы, а ради того, чтобы выжить, — мы, венежане, иначе не можем.

Яростная отповедь потрясла Мечеслава. Несколько невероятно тягостных минут длилось молчание. Затем он заговорил, сгорбившись, сжавшись:

— Я хорошо помню отца — строгого, мужественного. Почему-то именно тот его облик, в мои совсем уж молодые годы, запомнился мне больше всего. Сколько мне исполнилось? Лет шесть, наверное. Тогда тут ничего не было, лишь груды камней — руины старого Кремля... и множество черноглазых марнийцев, неизменно сопровождавших отца. День и ночь он был поглощен начавшимся строительством, и я украдкой наблюдал за ним. Можно сказать, я влюбился в него — о, папа был моим кумиром! Но увы, меня великий Блажен не замечал. Никогда не замечал — я могу вспомнить, наверное, десяток-другой слов, обращенных ко мне. И этими словами были «мамкин сынок», «девка», «ублюдок», «баба»... Братья издевались надо мной, наряжали меня в платья, красили румянами, а Лев принуждал прислуживать ему: подметать полы, штопать одежду. И ты знаешь, Искра, со временем я... стал получать от этого удовольствие.

— Зачем вы мне это рассказываете? — с нескрываемым отвращением спросила девушка.

— Не знаю. Может быть, потому, что всю сознательную жизнь я, сам того не понимая, унижался перед сильным человеком. Ха! Если подумать, бог, какой бы он ни был, уже наказал меня. Наказал и продолжает наказывать, а я... а я закрываю глаза на это. Удачи тебе, принцесса.

С этими словами Мечеслав удалился, и Искра, провожая его взглядом, ощутила, как тяжело ему быть великим князем.

И тогда она впервые почувствовала нечто, похожее на жалость — и даже больше, что очень испугало ее.

18. Грядет великий хаос

В небе кружило воронье. Барх остановил коня. Навстречу, поднимая пыль, мчались трое всадников.

— Подождем, что скажут разведчики, — произнес он.

Разведчики спешили и опустили на одно колено.

— Говорите, — велел он.

— Повелитель, — тяжело дыша, сказал самый старший на вид, — там, внизу, на поле, мертвецы. Все оно усеяно мертвецами, повелитель. Их никак не меньше пяти сотен, повелитель. Пять сотен, повелитель, кулак.

— Кто они?

Разведчик бросил взгляд на Аюна.

— Не могу точно сказать, повелитель, — ответил он. — Похоже, там наши, повелитель. Адраги.

— Говори все что знаешь! — потребовал каган.

— Э-э... Нам... показалось, повелитель, — нерешительно протянул разведчик, но затем, набравшись смелости, выпалил: — Да простит меня Небесный, нам показалось, что там люди Аюна, повелитель.

Все взоры обратились к Аюну, который тут же побледнел. Он рванулся было вперед, но Барх схватил за поводья его коня.

— Не горячись, Аюн-гай, — сказал он. — Они могут ошибаться. — Он повернулся к разведчику. — Ты!

— Слушаю, повелитель!

— Заметил еще что-нибудь?

— Ничего, повелитель. Мы тщательно исследовали все вокруг и... Даже не знаю, как сказать...

— Скажи все, сынок, — со змеиной улыбкой проговорил Берюк. — Весь вздор, что переполняет твою пустую башку. Она и так слишком долго держится на твоих плечах, хе-хе-хе!

— Помолчи, Берюк, — осадил его Барх и обратился к разведчику: — Говори! Не бойся!

— Никаких следов боя, повелитель, — торопливо заговорил разведчик. — И мертвые, повелитель... Но лучше вам все увидеть самим. И я клянусь, повелитель, это нечто ужасное. А если это не так, уважаемый Берюк-гай, то я сам перережу себе горло.

Чем ближе они подъезжали к тому месту, тем отчетливей доносился странный запах — никто не мог подобрать подходящего сравнения.

Вороны летали над полем, и ни одна не осмеливалась опуститься. Что-то пугало их. Это мог быть и запах. Его нельзя было назвать отвратительным. Скорее он был удушающим, каким-то затхлым, пыльным. Он напоминал что-то древнее, всеми забытое.

Барх остановился.

— Возможно, там мы увидим нечто такое... — начал он и умолк, подбирая нужное слово, при этом как-то странно поглядывая на Сумрак, будто тот причинял ему неудобство. — В общем, кто тверд сердцем, может идти со мной.

Послышались смешки и бравурные возгласы.

— Вы зря так, — сказал Барх. — Посмотрите — если даже птицы боятся того, что там есть, что говорить о нас?

— Но ведь разведчики не испугались? — сказал кто-то.

— Это было час назад, — ответил Барх. — За это время могло многое измениться.

В поле и правда находились люди Аюна. Вместе с его сыном. Видимо, они спешили соединиться с основными силами. Аюн окаменел.

Все пять сотен были словно живые. Такие живые, что казалось, стоит лишь помахать рукой, как они обернутся и возрадуются долгожданной встрече. Смерть — откуда бы она ни пришла — настигла их в момент привала. Вожди совещались, воины отдыхали, стреноженные кони паслись, часовые с копьями скакали по периметру лагеря — один из них стоял прямо перед Бархом и хмуро смотрел, казалось, в глаза каждому.

Они умерли мгновенно, и, несмотря на всю их кажущуюся одушевленность, никто ни секунды не сомневался, что они пали жертвами каких-то демонических сил.

— Он и убил их... — пробормотал каган.

— Кто? — спросил Берюк.

— Неважно. Нам надо покинуть это место, сейчас же.

Кто-то бросил в толпу мертвых изваяний камешек. И в этот миг время словно остановилось. Барх смотрел на летящий камешек с ужасом.

Камешек попал в одного из сидящих на земле воинов — голова того слетела с плеч, врезалась в соседа...

Оба рассыпались в мельчайшую пыль. Пыль потекла по долине, окутывая рушащиеся фигуры.

— Все прочь! — заорал Барх. — Бегите, иначе нам смерть!

В мгновение ока воинство развернулось и ринулось назад. Смертоносный прах уже взлетел на высоту птичьего полета. Кто-то в страхе закричал: «Вороны падают! Вороны падают замертво!»

Кочевники в панике покидали проклятое место. Все, кроме Аюна. Обезумевший ван и отец с истошным воплем развернул коня и помчался навстречу своей смерти, и никто не подумал его остановить.

Таинственная гибель дружины Ариока, сына Аюна, выбила из колеи видавших виды кочевников. Воины были напуганы. Одни говорили, что Небеса разгневаны, и призывали принести обильные жертвы великому Туджеми, другие — самые смелые — осторожно уговаривали присоединиться к Талгату, который, как известно, чтит предков и придерживался традиций. Не то что новый хан со своим демоническим мечом.

Вечером, на закате, Барх построил воинов.

— Я приказываю, — сказал он, медленно шествуя вдоль рядов, — выйти тем, кто проявил сегодня трусость. Тех трусов, что хотели переметнуться к Талгату. Я хочу умертвить их, дабы после никто не думал о нем как о спасителе. Я так сказал.

Молчание.

— Повторю, — сказал он, возвысив голос. — Трусы подлежат немедленной казни. Я жду.

Кто-то приглушенно кашлянул. Никто не пошевелился. Барх подолгу всматривался в лица воинов. За ним следовал Берюк с факелом в руке.

— Отлично, — произнес Барх после мучительно долгой паузы.

Он остановился напротив рослого парня с черной, как смоль, бородой. Вынув Сумрак из ножен, он пронзил им бородача — воин глухо охнул, выкатил глаза и рухнул под ноги своему повелителю.

По рядам тут же прокатился ропот. Не обращая на это внимания, Барх с ледяным равнодушием рассек горло стоявшему рядом с бородачом пожилому воину, запомнившемуся только редкими гнилыми зубами. Кровь брызнула из горла. У следующего слетела голова, а сама жертва плавно завалилась назад — стоявшие там в немом изумлении подхватили его на руки, отворачиваясь от хлещущей крови.

Барх, уже занесший меч для очередного удара, остановился. Несколько человек вытолкнули из строя.

— Всего пять? Хорошо, я поверю. Берюк, убей их. Но в следующий раз я убью пятьдесят. Запомнили? Пятьдесят!

— Что с тобой, Унэг? — спросил Тумур.

Унэг оторвал немигающий взгляд от костра, на котором жарился, истекая жиром, крупный заяц.

— А что со мной?

— Не замечаешь?

— Что я должен замечать?

— Я скажу.

— Слушаю.

— В последнее время, — начал Тумур, вращая прут с зайцем, — ты ведешь себя несколько... странно. Ты молчишь...

— Что в этом удивительного? Я всегда молчу.

— Хе. Ты молчишь не так, как обычно. Нет, я неудачно выразился. Ты плохо спишь — кричишь во сне, мечешься. А днем все время ходишь сонный, ни на что не реагируешь. Медлителен, неповоротлив. Палаш твой, должно быть, уже заржавел в ножнах — ты не упражняешься, не уединяешься, как всегда бывало. Парни говорят, что Унэг, верно, болен. Может, влюблен? — натянуто улыбнулся Тумур, но, взглянув на своего друга, сидевшего напротив с каким-то одурманенным видом, осекся. — Скажи, что тебя беспокоит?

— Ничего меня не беспокоит, — ответил Унэг.

— Что за сны тебе снятся?

— Не помню.

Тумур наклонился к нему и спросил:

— А если честно?

Унэг призадумался, и было видно, что даже это дается ему с трудом.

— Не помню, — сказал он, вздохнув. — Не знаю. Ничего не могу тебе сказать, друг, хотя спасибо тебе за беспокойство. Может, я устал? Бывает так, что ты в какой-то момент чувствуешь, что все вокруг тебе надоедает и просто смертельно утомляет.

— Не знаю, — сказал Тумур, покачав головой. — Никогда такого со мной не было.

Подошел, пошатываясь, Берюк и грузно плюхнулся рядом. В руках его был бурдюк с вином.

— О чем вы, уважаемые? — икнув, спросил старый нукер. В свете костра ярко блестела его лысая голова, будто намазанная маслом. И, не дождавшись ответа, сказал, толкнув локтем Унэга. — О тебе разговор, да?

— Да, о нем, Берюк-гай, — сказал Тумур, недовольно косясь на незваного гостя.

— Молод ты, Тумур-гай, — перехватив его взгляд, с усмешкой произнес Берюк.

— Молод?

— Молод, молод... Кто для нас Унэг?

— Для нас? — переспросил Тумур. — Друг...

— Нет, — помахав перед собой рукой, словно отгоняя мух, прервал его Берюк. — Кто для нас, адрагов, Унэг? Не знаешь? А я — знаю! Знаю это давно, иначе непременно перерезал бы ему глотку, — я, знаешь ли, не люблю проигрывать. Унэг — это воин. С головы до ног, каждой частицей тела, каждой мыслью — воин. Идеал, к которому стремятся. Разве ты не видел, как смотрит на него молодежь? Если у кого спросишь: «Кто твой кумир?» — скажут: «О, это Унэг-гай»!

— Ты преувеличиваешь, уважаемый, — сказал Тумур, снимая с костра зайца.

— Ничего я не преувеличиваю! Нет! Ты видел, я убил сегодня пять человек. В наших рядах завелось пять трусов! Почему так? А потому что люди боятся. Боятся еще и потому, что видят в лицах друг друга неуверенность. Они задумываются, правы ли они, идя с мечом на братьев по крови. В поисках ответа они надеются на тех, на кого привыкли равняться — и что же? Увы, Унэг сам не свой. Это не его вина, ибо каждого может посетить хандра, и к тебе она когда-нибудь придет, дорогой Тумур-гай. Хандра всегда рядом с теми, кто много отдает сил чему-то одному.

— Ты пьян, Берюк-гай.

Но старый нукер не слушал Тумура. Вынув пробку и отхлебнув, он опять икнул, отбросил бурдюк и лег на спину.

— Помню многих ханов, — сказал он, глядя на звезды. — Наурбека и его брата Хучжина — отца Хайсы. Адраги, ведомые Наурбеком и Хучжином, погибшим еще совсем молодым (Хайсе, наверное, было лет десять, а мне и вовсе пять), покорили многих. Потом мы опять разошлись, так как собаки гхурры, плетя интриги, рассорили нас, развели в разные стороны. Наурбека убили на наших глазах предатели, продавшиеся гхуррам. Но Хайса не забыл этого. Хайса был истинным повелителем. Жестоким, но справедливым. И своим. Он пировал с воинами и не считал это зазорным. Габа был таким же. Славные были времена. Я помню, как спяну мы боролись с Хайсой и с Габой. А потом пили вино на костях ублюдков гхурров. Да, мы им в основном проигрывали, ну и что? Но однажды мы победили — великий был день! А в чем ошибка Барха?

— Поосторожней со словами, уважаемый, — сказал Тумур, нахмурившись.

— Не перебивай! Я стар, я видел столько битв, сколько вам и не снилось! Пускай Барх убьет меня — не думаю, что он такой глупец! Он жесток до крайности, и... и все! Он наказал трусов, наказал — Небесный свидетель — справедливо. Но у него нет души — такой, какая была у Хайсы, у Габы! Он сидит в своем шатре и молчит... и пялится на свой меч, пялится так, будто хочет спросить у него совета.

— Помолчи, пожалуйста...

— Я не боюсь смерти, Тумур. Не знаю даже, чего я боюсь, но смерти — точно нет. Ты думаешь, от кого я пришел? Да от него, от повелителя.

— И он слушал тебя? — спросил Тумур. — Ты сказал ему все, что сейчас говорил нам?

— Да.

— И что он тебе ответил?

Берюк сел, выхватил заячью ногу у грызшего ее с отрешенным видом Унэга, понюхал и

произнес:

— Он сказал довольно умные слова: «Великий хан должен славиться не пьянством, а победами». И добавил, что если бы его отец не выиграл ни одной битвы и не покорил бы ни одного народа, то его бы никто не знал, — между тем в Нижнеземье Хайсу знают именно как покорителя народов и создателя могучего Адрагского ханства, а не как хорошего парня. Предстоящая битва все поставит на свои места: «Покажу доблесть и выиграю — люди, несмотря на все мои недостатки, пойдут за мной; проиграю — умру».

— Что значит — умру?

— Это значит, что в случае проигрыша он не намерен жить. Он сам убьет себя. Таков его девиз: все или ничего.

Барх вел армию уже три дня, направляясь на юго-восток, все дальше от Крина, в глубь засушливой степи. Ехали быстро — Барх хотел первым достичь истока реки Баж и, расположившись в том богатом дичью краю, спокойно ожидать вестей от Алпака и Кадыра. По-прежнему находясь в полном неведении относительно планов Талгата, он не сомневался, что мятежный ван тоже готовится к схватке.

Битва могла произойти где угодно, однако искать врага в крайне неприветливой южной степи, в которой часто дули пыльные ветры и немилосердно жгло солнце, было неразумно. Многотысячной армии надлежало питаться, пить воду, и в этом смысле плоскогорье Баж, полное ручьев и мелких озер, подходило как нельзя лучше. Достигший его первым получал, кроме того, стратегическое преимущество — в холмистой местности легко можно было занять удобное и выигрышное положение относительно неприятеля.

Конечно, Талгат тоже понимал это, и шансов разместиться на плоскогорье первым у него было гораздо больше из-за близости родного улуса. В этом случае Барх рассчитывал на внезапность.

На четвертый день, когда до Бажа оставалось два дня пути, передовой отряд заметил на горизонте три точки. Подъехав поближе, они обнаружили три сильно обезображенные, высушенные солнцем головы, воткнутые на копья. На земле валялись остатки окровавленной рваной одежды, помятый колчан и нож. Серебряный нож с искусно отделанной рукоятью убийцы оставили преднамеренно, — Шайтан узнал его. Он принадлежал Кадыру.

Сделанное открытие расстроило Барха: судя по состоянию голов, Кадыр погиб не меньше недели назад, а значит, в плоскогорье их уже давно поджидают. На совете все сошлись во мнении, что столь вызывающее поведение Талгата говорит о его возросшей уверенности в своих силах. А уверенность ему может придать только поддержка всех южных ванов.

— Мы не знаем, — сказал Барх, — принадлежит ли одна из голов Алпаку. Я надеюсь, что нет — Алпак поехал к Шагуну кружным путем, через земли Аюна. Да-да, мы не будем ждать от него вестей, хотя, зная немного Алпака, я могу сказать, что он вряд ли так просто попался бы в их сети. У нас единственный выход — быстрота и решительность. Талгат хочет нас напугать — вот что значат эти три головы. Он думает, что я молод, трусоват, несдержан. Пусть так думает.

Ранним утром они двинулись в путь, повернув на восток, — Барх решил сделать крюк, перейти неглубокую реку и ударить по неприятелю с юга.

Ближе к вечеру войско кагана окружило каких-то людей, всего около тысячи человек. Их внешность — смуглые, почти черные, босые, в длинных халатах, в чалмах, — выдавала в

них чужаков. Едва завидев кочевников, они повскакали с мест и в ужасе прижались друг к другу. Заинтересовавшись, Барх повернул к ним и въехал на коне прямо в толпу, рассыпавшуюся в панике.

Чужеземцы выглядели ужасно: болезненно худые, изможденные, грязные, запаршивевшие. Большую их часть составляли мужчины, несколько глубоких стариков лежали, раздетые по пояс, обнажив торчавшие ребра и вперив тусклые глаза в небо. Женщины, лица которых скрывались под полупрозрачным платком, нянчили жутко истощенных детей. Надо сказать, что самый вид этих ребятишек так поразил адрагов, что они поспешили удалиться, боясь подцепить какую-нибудь заразу. Один Барх остался равнодушен ко всему и, скривившись, вызвал к себе их вождя, которым оказался хромым, высокий и невероятно сморщенный старик.

— Кто вы такие? Откуда?

— Мы — бинчи, хозяин, — ответил старик с заметным акцентом. — Мы родом с далекого юга, из пустыни. Меня зовут Абдель, я к твоим услугам, хозяин.

— Пустынники? — спросил Барх.

— Так нас называют.

— Что вам здесь надо?

— Мира, хозяин. Мы хотим мира.

— Хм, мир надо заслужить.

— Согласен, хозяин, — с поклоном ответил Абдель.

— Рассказывай.

Абдель попросил разрешения сесть, сославшись на больные ноги, и, получив его, поведал свою безрадостную историю.

В пустыне поселилось зло — старик именовал его Черной птицей. Она появляется редко, но всюду распространяет смерть. Пыльные бури, после которых бесследно исчезает все живое; жуткие завывания, от которых в жилах стынет кровь; черный туман, холодный, как вода в самом глубоком колодце, — все это дела Черной птицы. Пустыня, и без того суровая, стала непригодной для жизни, ибо зло расползлось по земле все дальше на север в поисках новых жертв.

Тысячи и тысячи пустынников вынуждены были покинуть родной край. Всюду их встречали враждебно: хапиши забирали лучших в рабство, остальных прогоняли в самые неприветливые места, обрекая на верную смерть; деханы их попросту истребляли. Камыки и адраги тоже гнали бинчей, как прокаженных, и никто не думал о том, что когда-нибудь и их постигнет та же участь.

— Я знаю, — рассказывал Абдель, — что Черная птица уже облетела Великую Степь и укусила в ней первые жертвы. Она возвестила о себе и в Двахире — самые умные поспешили переселиться в великий торговый город. Кадих опустел, а шухены частью осели среди вас, частью у гхурров и дженчей. Но все это зря — грядет великий хаос, народы перемешаются, сорвутся с места и войдут в Верхнеземье.

Барх выслушал старика внимательно. Затем, подумав, сказал:

— Я не буду гнать тебя отсюда, Абдель. Живи здесь, сколько тебе хочется. А теперь скажи мне, не встречал ли ты других наших соотечественников. Адрагов, понимаешь?

— Ох, хозяин, — вздрогнув, ответил Абдель. — Если вас интересуют те люди, что две недели назад пришли в холмы, где мы до этого худо-бедно жили, то...

— Что «то»? — поторопил его Барх.

— Хозяин! Нас было втрое больше. Талгат — так, кажется, звали их вождя — примчался ночью...

— Сколько их было? — прервал его Тумур.

— Много, хозяин, много!

— Больше нас?

Абдель съежился и испуганно захлопал глазами.

— Отвечай, собака! — гаркнул Берюк.

— Нет, вряд ли. — Старик, молитвенно сложив перед собой руки, отвечал глухо, вперив взгляд в землю, так как ясно почувствовал растущее раздражение окружающих его людей. — Может, столько же. Но они убивали нас просто ради забавы. Женщин, детей... устраивали на нас охоту...

— Иди прочь, падаль! — И Берюк прогнал старика, ударив того подошвой в висок.

Присутствовавшие на совещании проводили невеселыми взглядами согбенную, глубоко несчастную фигуру пустытника.

19. Не бывает слабых противников

Засвистели стрелы, и несколько человек с криком упало с коней. Нападающие устроили засаду с умом: с севера на юг тянулся раскинувшийся на возвышенностях лес. Единственная просека проходила по дну узкой долины, меж двух крутых холмов с осыпавшимися склонами.

Но неорганизованность багунов сыграла им на руку. Все едут по дорогам, но Сечи закон не писан. Многие перли на своих закаленных конях сквозь заросли, надеясь подстрелить какую-нибудь живность.

Бой был короткий. Основная группа, состоявшая из гридей и отроков, закрывшись щитами, начала медленно наступать. Лучники, пристроившись меж щитов, слепо осыпали откосы стрелами, и оттуда с хриплым воплем уже свалилось два человека. То были крестьяне в стеганках, с топорами и самодельными луками.

Крестьяне — не воины. Хоть они и следили за передвижением Сечи, но как следует подготовиться к бою не смогли. Хольды, шарившие в лесу, услышав звуки битвы, тихо подкрались к увлекшимся перестрелкой повстанцам и ударили им в спины. Вскоре с вершин полетели мертвецы, и спустя десять минут вся дорога была усеяна грудой окровавленных тел — не меньше сотни.

Не прошло и получаса, как бой закончился.

Семен ходил мимо поверженных врагов. Бойцы расчищали путь, бросая тела павших в придорожные кусты. Он думал, что подтолкнуло этих мирных людей, веками живших на вспахиваемой и засеиваемой ими земле, дороживших этой землей, вросших в нее корнями, схватиться за оружие? А что толкнуло его самого избрать свой путь? В том-то и дело, что он никогда ничего не избирал. Таким его сделала судьба. Все, что он мог, — цепляться за жизнь. Отчаянно, бездумно пытаться уцелеть.

В последнее время Семен часто задумывался над этим. Почему человек поступает так, а не иначе? В данном случае ответ напрашивался сам собой — тирания княжича Андрея ожесточила крестьян. Они хорошо знали, что будет, когда придет Военег. Горько осознавать, что это он со своими сподвижниками разорит их дома и житницы, порежет скот, надругается над женщинами — так было всегда, сотни раз.

Безбородый не знал покоя, и это мучило его все сильнее.

Он вспомнил, когда вступил на этот тернистый путь самокопания и переосмысления своей жизни. Три года назад — именно тогда его хунда остановилась в местечке под названием Пал, в Приозерной равнине. В местном лесочке Семен, охотясь, набрел на имение кметя по имени Глеб.

Глеб был крепким, пышущим здоровьем мужиком, хозяйственным и правильным во всех отношениях: красавица-жена, восемь детей, да и дом... Здоровенную ладную избу, хозяйственные постройки и все вокруг Глеб сделал своими руками. Искусно и доброту.

Хозяин приветливо встретил гостя, разговорился с ним, не скривился и не замялся, узнав, кто он такой и чем занимается, пригласил войти, угостил хлебом-солью — бескорыстно, от всего сердца, чему Семен немало подивился. Потом водил его по двору, рассказывал, как и что делал, упомянув о хитростях и секретах: как рубил избу, как ставил крышу, и про окошки, и крыльцо, и про качели для ребятни.

Семен удивлялся безмерно. Вечером Глеб собрал всю семью, достал из шкафчика завернутую в тряпицу толстую книгу и принялся важно читать. Торжественный и напыщенный тон хозяина, его чрезмерная серьезность и самодовольство быстро утомили Семена. Спотыкающееся, но при этом напевное чтение Глеба вызвало у него улыбку, он собрался было откланяться, как услышал нечто до боли знакомое...

Семен знал эту историю, он слышал эти слова из других уст. Хозяин читал, водя пальцем по строкам, покашливая в кулак и поглаживая бороду, а Безбородый слушал, словно замороженный. Когда Глеб на секунду умолк, переворачивая страницу, Семен, к немалому удивлению всех присутствующих, продолжил текст, причем слово в слово, по памяти — он отличался поразительной памятью.

— Ты читал эту книгу? — спросил Глеб.

— Я не умею читать. Мне рассказывал ее Мирт...

— ...из Суна, — дополнил хозяин. — Так написано на первой странице...

— Я знал его.

— Прости, чего?

— Я знал его, — повторил Семен. — Мы сидели вместе в Порче, в каменоломнях. Он был чудной старик, слепой, болявый, но такой... смешной. Мы подшучивали над ним. Но Мирт не обижался и рассказывал по вечерам свои истории. Весь лагерь слушал как замороженный. Месяцев пять — всего ничего, — а потом он умер. Один из стражников забил его палкой до смерти просто потому, что он сильно кашлял, надоел, видишь ли... Спустя три дня того стражника столкнули со скалы в карьер — так ему, собаке, и надо.

— Мирт из Суна, ученый человек, сидел с ворами и убийцами в тюрьме? Ох, прости меня, я не хотел...

— Если ты думаешь, что тюрьма только для тех, кто ворует, то ты сильно ошибаешься. Тюрьма для всех, кто мешает сильным мира сего. Для меня и, может статься, для тебя, хозяин.

Этот день глубоко врезался в память Семена. Мудрец Мирт, дорогой его сердцу человек, с тех пор прочно ассоциировался с домом Глеба. Вечерами Семен все чаще вспоминал и кметя, и старого друга, и... что-то надломилось в его душе.

Буй Синий — маленький, худющий хольд с узким обветренным лицом, на котором красовались пышнейшие усы и борода, подошел к Семену, ведя за собой пленника.

— Во! Козленка, самого горластого, привел к тебе, командир. — Он подтолкнул мускулистого парня: незапоминающееся лицо, рубаха разорвана, волосатая грудь расцарапана, руки связаны за спиной. Однако в глубоко посаженных глазах, глядевших исподлобья, по-волчьи, читались ум и дерзость. — Их вожак, не иначе. Ты бы видел, как он пынал своих — зверюга! И мы его арканом, собаку! Еле свалили — брыкался, аки конь норовистый! У-ух, дурик куелдый! — с этими словами Буй отвесил парню подзатыльник, — правда, ему для этого пришлось подпрыгнуть. — Ну, а тыперь тебе Асмунд яйца-то так скрутить, шшо будыш верешшат, аки баба на сносях!

— Не трогайте его, — приказал Семен. — Пока. Возьмем хлопца с собой, там посмотрим.

— Оставим лободырю етого на вкусное! Ето хорошо! Ух, позабавимся! Ужо я тыбе раскаленный прут пряаамо в...

— Уйди, Синий, будь добр, а то у меня голова уже от тебя заболела.

— Хорошо! Иди, хер бородатый, ха-ха!

Парень взглянул на Безбородого с нескрываемой ненавистью.

— Не надо так на меня глядеть, — сказал Семен. — Это наводит на меня скуку.

На закате Сечь добралась до перекрестка двух больших дорог. Тут был поселок, который так и звался: Перекресток. Разбойничья рать, среди которых походили на добрых воинов только мечники Путяты, составлявшие личную гвардию князя, с воплями и гиканьем вынырнула из подлеска, распугав местных жителей.

Поселок Перекресток славился далеко за пределами Воиграда. Постоялых дворов, таверн и забегаловок тут было так много, что воинство Военег могло без труда разместиться здесь целиком.

Первым делом Военег строжайше приказал никого не трогать и не обижать. Затем спросил, где лучше всего им остановиться. Ответил Ляшко:

— Лучше всего у Татианы.

— Почему? — спросил князь, чем ввел гридя в ступор. Ему на помощь пришел Семен:

— Там чисто, уютно, блюда вкусные и вино неразбавленное. Но хозяйка, сиречь Татiana, маленько ворчлива...

— Трудный человек, да, — согласился Тур. — За словом в карман не лезет. Прямо скажу — скверная баба.

— Очень интересно. Хорошо, остановимся у скверной бабы.

Постоялый двор «У Татианы» ничем особенным не отличался: двухэтажный терем, баня, конюшня, колодец — все в традиционном вересском стиле.

Хозяйка — дородная женщина с квадратным некрасивым лицом, на котором хмуро поблескивали глазки-булавки, — неторопливо отчитывала понурого мужика-холопа, вытирая руки полотенцем. Гостей Татiana смерила жестким взглядом.

— Здравствуй, хозяйюшка! — приторно начал Военег, но Татiana оборвала его:

— Здесь тебе не царские хоромы. Лебезить будешь перед Мечеславом, княже.

— Никогда ни перед кем не лебезил, уважаемая. — С лица Военег так и не сошла улыбка.

— Говори напрямик, чего надо тебе и твоим колобродям!

Военег прыгнул с коня и подошел к хозяйке. Их взгляды скрестились.

— Остра! — сказал Военег. — Остра, тетя! Меня предупреждали. Будь по-твоему, скажу как положено: пусти, женщина, переночевать и хлеб-соль вкусить!

— Пущу...

— Спасибо на добром слове.

— Но если посмеешь...

— Не посмею, матушка. Не посмею. Откуда ты меня знаешь?

— Я все знаю, милоч.

— Ты что, ведьма?

— Не обязательно быть ведьмой, чтобы понять, кто перед тобой стоит. Вы еще в поле ехали, а ребятня наша уже засекла вас: «Князь Военег едет, мать! Военег, со своими душегубами!»

— Ну зачем же сразу душегубами?

— А то нет? Кто в Лосином урочище намедни ребят порешил?

— Так это в порядке защиты, хозяйюшка! Мы их не трогали. Видят боги, в вашем краю мы никого не трогали. Пока.

Вечером, наскоро поужинав, Военег решил посмотреть, как устроилось войско. Едва выйдя за ворота, князь увидел пленника, коего хольды приковали к забору, точно корову. Цепи толщиной с руку охватывали запястья, лодыжки и пристегивались к хомуту, такому широкому, что несчастный вынужден был вытягивать шею, словно цапля.

— Это что такое? — возмущенно спросил князь. — Посмотрите, как он выглядит? Я что, приказывал его замучить до смерти? Кому его отдали?

— Синему, — ответили ему.

— Синему десять плетей. Парня накормить, привести в порядок, и... у меня есть идея.

Спустя час пленник стоял перед Военегом. Князь лениво цедил квас, закусывая сухарями с изюмом.

— Вижу, румянец на щеках заиграл, — сказал Военег, оглядев пленника. — Скажи свое имя, хлопец.

Парень промолчал.

— Не хочешь говорить. А ведь я тебе ничего плохого не сделал. Ты первый начал. Зачем на меня напал?

Тишина. Военег стукнул кулаком по столу.

— Давай не будем, а? Отвечай, как тебя зовут!

— Скажи, — примирительно попросил Тур, хлопнув его по спине. — Что ты как бобыня! Али мы не люди? Никак уроды? Поговорим, хлопче!

— Матвей я, — насупившись, проговорил пленник.

— Вот так-то лучше. А я князь Военег. А это мои слуги подколенные: Тур-Гуляка, Леваш-Ветрогон...

Тут все прыснули со смеху.

— Асмунд — ученый человек, — продолжал князь. — Почетный магистр Слеплинского университета... Что смеетесь? Это правда, между прочим. Далее Семен Безбородый. Рагуйло-Собачник... а где твои гончие, Рагуйло? Только сейчас заметил. Где они?

— Так они в Сосне остались. Под присмотром Луки. Чего я их буду таскать за собой? Они так, для забавы. Не для похода.

— Вон оно как... Хорошо, пойдем дальше. Вот тот киселяй — Путька-Курощуп.

— Ну, зачем вы так, Военег Всеволодович. Никакой я не курощуп. Я Путьята, мастер-мечник.

— Ладно-ладно. Вот Рагуйлин брат, Аскольд Еропыч, а этот, кто громче всех смеется, — Ляшко-Ерпыль. Но вот что я хотел узнать. Ты и вправду своим ополчением верховодил?

— Правда, — сухо ответил Матвей.

— Кем был в жизни?

— Кузнецом. Подмастерьем.

— Хорошо. Мечом владеешь?

— Владею.

— Проси чего хочешь.

Матвей поднял голову и грозно выпалил:

— Свободы!

— Ух ты какой! Хорошо. Я отпущу тебя, но с условием. Рагуйло!

— Слушаю, князь!

— Как там твой кровник поживает?

— Кровник? Он же его убьет.

— А тебе-то что?

— Ничего...

— Побьешься за свободу-то, а, Матвей? — насмешливо спросил князь.

— А ты, князь Военег, слово удержишь?

Военег на мгновение вспыхнул, но тут же успокоился.

— Сдержу. Все слышали?

Бой решили устроить на холме, подальше от поселка. Рядом рос березняк, внизу тек ручей. Уже смеркалось. «Тут и раньше устраивались кулачные бои, а может, что и похлеще», подумал Безбородый, глядя на голый пятак, венчающий холм, словно плешь — голову старика. Толпа собралась немалая — несколько сотен.

Пока все галдели, бойцы вышли в круг. Военег стоял, скрестив руки на груди, и поглядывал на Рагуйло, за чьей спиной находился косо ухмыляющийся Аскольд. Сам Рагуйло, видно, осознавший, какую глупость совершил там, в башне, был бледен и растерян. Военег — двуличный и непредсказуемый человек. Он мог проигнорировать дерзкое и оскорбительное отношение к себе, примером чему могла послужить Татианина сварливость, мог превратиться в ласкового любовника. Мог превратиться в жестокого зверя. В любом случае Рагуйло обречен, как и его кровник. Князь ненавидел намеки и двусмысленности, был мнителен и злопамятен. И вообще, Собачник никогда не нравился ему. Если честно, Рагуйло мало кому нравился.

«Как подойдет, прикажу прикончить собак, — сказал Семену Военег вчера. — Ненавижу собак. Рагуйло падет, и его место займет Аскольд, — если кто и должен быть куном, то только старший брат. И еще Аскольд послушен и не так умен. Что думаешь, Семен?»

Безбородый пожал плечами.

Один монах однажды спросил: «Как ты можешь покровительствовать воплощению окаянного Карла?» Тогда Семен рассмеялся. А сейчас... Что он чувствовал по отношению к нему? Много лет назад он принял испуганного, отчаявшегося юношу в свои ряды. Парень грезил о мести. Сегодня Военег и правда превращался в мировое пугало, которым являлся последний треарийский император. Но Семен не мог осудить князя, потому что чувствовал, что и его руки в крови. Как отмыться от этого? Уйти? Сбежать? Куда-нибудь подальше, в горы.

Однажды возникнув, эта мысль плотно засела в голове Безбородого.

Матвея вооружили мечом и хлипким деревянным щитом, Хаир Каменная Башка вышел с молотом. Глядя на них, Семен поразился коварству Военега: Матвею, ослабленному кандалами и побоями, ничем не устоять против злобного великана и его жуткого молота. Было в этом некое ребячество. Если подумать, Военег так и остался мальчишкой, наделенным огромной властью.

Схватка началась, и внимание Семена сразу же приковал Хаир. Кажется, гигант растерялся. Есть такой тип воинов, лучше всего чувствующих себя в жаркой сечи, когда не хватает воздуха и врагов тьма — и они так и норовят впиться в тебя зубами. Но, столкнувшись с одним-единственным неприятелем лицом к лицу, долго думают. В этот момент их легче всего убить. Хаир был именно таков — тугодум, но что можно ожидать от безмозглого горца? К сожалению, Матвей осторожничал, напрасно разглядывая

противника, — его пробить можно разве что копьем, но только не мечом, к тому же коротким. Кроме того, подмастерье был изрядно напуган.

Так они и кружили, буравя друг друга кинжальными взглядами, а толпа ревела.

— Ну что ты стоишь, Башка? Убей его!

— Да с такой кувалдой супротив мечника — тьфу! Раз плюнуть!

— Раскручивай булаву, дурак! Она у тебя вона какая здоровая — етому прыщу от нее ни за что не укрыться.

— Точно! Не булава — смерть!

— Смотри, нас не задень!

Парень, закрываясь щитом так, что были видны лишь глаза, напрягся, аж вспотел. «Думает, дурак, — злился Семен. — Пробуй же!»

— Да бей же, скотина безмозглая! — яростно крикнул Военег Хаиру. — Где твоя непобедимость, идиот?

И Хаир, заорав, взмахнул молотом — по широкой дуге, сверху вниз, наискосок. Матвей, издав нечто вроде стоны, успел отпрыгнуть, но молот все же задел его щит, чиркнув, как показалось Семену, по самому краю. И этого хватило: две срединных доски согнулись внутрь, сломав Матвею руку. Парень закричал, глаза округлились от нестерпимой боли. Он упал на спину, ударившись головой и раскинув руки, — меч отлетел в сторону. Хаир, желая побыстрее добить врага, обрушил молот на противника, но Матвей неожиданно прытко откатился. Молот с глухим стуком ткнулся в сырую землю.

Матвей лег неудачно — подмял под себя сломанную руку со щитом. Он с большим трудом поднялся на колени и, поглядывая на Хаира, принялся судорожно расстегивать ремни на злосчастном щите. Перелом был серьезный — торчала кость. Великан усмехнулся. Дело было сделано. Один удар, и несчастный, пальцы которого с каждым мигом двигались медленнее, умрет. Горец оперся о молот и посмотрел на завозившегося противника; так, видимо, смотрит кошка на пойманную мышку. И в этот момент Семен понял, что со смертью Матвея умрет и Хаир, и Рагуйло. Вот так, пара неосторожных слов способна довести импульсивного князя до умопомрачительной паранойи. Военег, обладая богатым воображением, попросту домыслил и многократно преувеличил опасность, исходившую от алмаркского куна, и гибель крестьянина, которого сам и приговорил, вызовет якобы праведный гнев. «Самодур», — подумал Безбородый с горечью.

Матвей избавился от щита и, прижав раненую руку к животу, подполз к мечу. Взял его. Хаир хмыкнул в ответ на вызывающий взгляд противника, поплевал на ладони, схватился за молот, размахнулся и...

То, что произошло дальше, шокировало бывалых разбойников. Пока Хаир поднимал свое тяжелое оружие, Матвей подбросил меч, поймал его и, словно копье, метнул во врага.

Толпа ахнула и смолкла. Меч вошел в горло великана — тот выронил молот, захрипел, вцепился в меч, вытащил его; следом хлынула пульсирующая, пузырящаяся кровь, залившая голую массивную грудь. Горец со всего маху рухнул оземь.

Тишина стояла такая, что слышно было жужжание комаров. Первым заговорил Военег, и князь волновался — никто не ожидал такого исхода поединка.

— Как, оказывается, просто убить человека. — Он резко обернулся к Рагуйло. — Это тебе урок, мой милый. Что полагается собаке, посмевшей укусить хозяина?

На собачника было больно смотреть. Он смертельно побледнел.

— Я не... — пробормотал алмарк. — Ты не понял, князь...

— Ответ на вопрос!

— Смерть, — прошептал он.

Военег довольно кивнул.

— «Не бывает слабых противников, бывают глупость и высокомерие», — так говорил Пророга Павсемский. В который раз убеждаюсь в его правоте.

Князь подошел к победителю — Матвей присел на одно колено, с трудом удерживаясь в сознании, рубаха пропиталась кровью. Минуту князь молча смотрел на него непроницаемым взглядом, затем кликнул палача.

— Вылечишь его, — бросил он и удалился.

— Понял, — сказал ему вслед Асмунд с какой-то тоской в голосе.

Близилась полночь. По корчме разносился дразнящий запах жаркого. Татяна, ворча, возилась на кухне, окуренной сизым дымом очага. Большой зал освещался десятком свечей, прикрепленных к деревянному колесу — оно висело на цепях так низко, что казалось, вот-вот упадет. Где-то на краю поселка слышались крики — Рагуйло выяснял отношения с братом. Военег уединился с Добронегой, а в корчме уже второй час сидели все те же лица.

Семен, прислонившись к стене и закинув ноги на лавку, задумчиво разглядывал люстру-колесо. Тур скучал, облокотившись о стол и подперев голову. Путьята, вцепившись рукой в пустую кружку, дремал, согнувшись в три погибели. Его сотоварищ, дружинник Мал — дюжий краснолицый свирепый детина с густой курчавой бородой и крупными мозолистыми руками — хмурился. Леваш сосредоточенно срезал кинжалом тонкие лоскутки мяса с жареной бараньей косточки. Пять минут назад пришел Асмунд и сейчас жадно ел, слизывая жир с пальцев и вытирая рот полотенцем.

— У тебя всегда такой аппетит опосля твоих опытов? — поинтересовался Тур. — Надеюсь, парнишка хотя бы ходить сможет?

— Под себя, — хихикнул Леваш, но шутка не удалась, никто не засмеялся.

— Ты на что намекаешь? — угрожающе спросил Тура палач.

— Я спрашиваю, как там Матвейка-то?

— Жить будет, — деловито ответил Асмунд. — Перелом, конечно, сложный, но все обойдется. Срастется.

— Это хорошо, — проговорил Тур и умолк.

— Скажи, — спросил Леваш палача, — ты и правда лекарь ученый?

— Ученый, и еще какой! Я был учеником самого Айи Карнатулийского!

— Немало трупов, наверное, препарировал, — буркнул Тур.

— «Препарировал», — передразнил палач. — И откуда ты, неуч, такие слова знаешь?

— Знаю, — с ироничной серьезностью ответил Тур. — Ибо я тоже ученый лекарь, был учеником Хомы Криволапого, оксинского костоправа, читал ученые книги и...

— Ломал кости, — закончил Асмунд. — Приветствую тебя, коллега! Может, вместе как-нибудь...

— Нет, ни в коем случае! — отрезал Тур, встрепенувшись.

— Ну как знаешь...

Помолчали. Мал пожал плечами и, сказав обиженным тоном: «Спать пойду, ешкин кот», — грузно потопал прочь.

— Семен, — обратился к Безбородому Асмунд, закончив есть, — ты читал записку Вышеслава?

— Читал, — лениво отозвался тот.

— Что думаешь?

— Думаю, Древо Смерти мы уже повстречали.

Асмунд задумчиво кивнул.

— Откуда он взял все это? — сказал он. — Не помрачился ли его разум под старость?

— Нет, не помрачился, — сказал Семен, рассерженно почесав небритый подбородок. —

Послание или... предсказание — серьезная штука. Тут замешаны боги.

— Вот и я так подумал. Записка не выходит у меня из головы ни на минуту. Надобно бы в Воюграде заглянуть в библиотеку, может, что найду.

— Время покажет, — рассудил Семен.

— Покажет, только что? Что оно нам покажет? Восход солнца над пашнею или чуму?

— От смерти все равно не убежишь.

— Мудрый ты человек, Семен. В твоих простых словах живет истина.

— Спасибо на добром слове, Асмунд Казимирыч.

Тут их беседа прервалась. В помещение ввалился Аскольд, возбужденный, с разбитой губы стекала кровь. Он решительно прошел внутрь и, не садясь, залпом выпил чарку с вином; хлопнул ею о стол, отчего Путята проснулся, поводит осоловелыми глазами по сторонам, поежился и снова заснул.

— Сбежал, гад! — сказал Аскольд и сел.

— Сбежал... — тупо повторил Леваш.

— Сбежал. Хотел всех поднять на князя, стервец. Но я ему не дал. Хлопцы приняли мою сторону, все, за исключением какой-то сотни предателей — в основном горцев (и чего он с ними снюхался?). Умчались, предатели, восвояси, как только запахло жареным. Пусть. Они теперь изгой, витяги, чтоб их. Асмунд!

— Что такое, дорогой?

— Отправил бы голубей в Сосну, на равнины и в Хутор, пусть знают про него. Пусть знают, что Рагуйло-Собачник низложен.

Полночь. Татиана заснула в кухне, сидя на стульчике, крестом сложив руки на груди. Половина свечей прогорела, и корчму окутал мягкий сумрак.

Военег проснулся с отчетливым и не проходящим чувством потери. Чувством, напомнившим ему о раннем-раннем детстве, о матери — она уходит, а он плачет и тянет к ней ручки. Мама возвращается, что-то ласково шепчет, целует его, но потом все-таки уходит, уходит ненадолго, по надобности, но он-то этого не понимает. Ему кажется, что мама бросает его, и ему невдомек, что мама — царица...

— Раскис, — прошептал князь. — Ох, раскис...

Рядом спала Нега, закутавшись в одеяло с головой. Накануне вечером, после известных событий, он вернулся злой, страсти кипели в нем, и им нужен был выход — неконтролируемое желание, часто оборачивавшееся худом.

Военег обнял девушку и прижал так, что она охнула. В тот миг он ни за что не принял бы отказа, и, скорей всего, эта ночь закончилась бы побоями и очередным разочарованием, но Нега в который раз удивила князя.

Он взял ее — безропотную — страстно, разрушающе страстно и, только успокоившись, понял, что она, несмотря на первую боль, словно заглянула ему в душу. Этой ночью Нега

была вином, что вкусил князь, весенним, терпким, веселящим, но приносящим покой и отдохновение.

Военег откинул одеяло и поцеловал девушку в обнаженное плечо, отчего она чуть вздрогнула и сладко потянулась.

— Спи, — прошептал он, укутав ее, и совсем тихо добавил: — Я люблю тебя.

Одевшись, князь вышел во двор, пинком разбудил конюха, спавшего на сене у входа в конюшню, и велел седлать коня. Перепуганный конюх поспешил исполнить приказ, вывел коня и сопроводил князя до ворот.

Было еще темно, едва-едва разожглась заря. По земле хлопьями стлался густой туман, лаяла собака, тихо стучал молот — кузнец непривычно рано встал за наковальню. По-прежнему не понимая, что он делает, князь поехал на запад.

С полей несло прохладой, на кустах в роще справа блестела капельками росы паутина. Военег миновал рощицу и, свернув по дороге на север, увидел движущееся навстречу конное воинство — оранжевый свет утра ярко разлился по сверкающим латам, вскинутые вверх копья, точно корабельные сосны, щиты с гербами, шелковые попоны... «Дубичи», — с замиранием сердца подумал князь.

Впереди ехал толстый, хмурый человек, внешне ничем не отличавшийся от остальных, но Военег узнал его. Спрыгнув с коня, князь нерешительно двинулся навстречу. Толстяк прищурился, поднял правую руку, остановился и тоже сошел с коня — дружина, словно тень, замерла на месте.

Они встали друг против друга в двух шагах.

— Ну, здравствуй, что ли, братец, — сказал толстяк. — Давно не виделись...

На глаза Военега против воли наворачивались слезы.

— Здравствуй, Борис, — сдавленно произнес он и протянул руку...

Борис как будто замялся, но потом, порывисто вцепившись в ладонь брата, притянул его к себе.

Братья крепко обнялись.

20. Кровью Ягненка

Однажды ночью произошел случай, сильно повлиявший на душевное и эмоциональное состояние Искры.

Готовясь к приезду гостей из Волчьего Стана, Мечеслав значительно увеличил количество слуг. Авксент, один из сановников, ближайший советник великого князя, лично отобрал и привез людей с окрестных деревень. В Кремле снова появились конюхи, дворники, плотники, половые, повара. Менелая, с подачи супруга, тоже обзавелась служанкой — миловидной девицей, к тому же беременной. За две недели до прибытия венежан Анея благополучно родила мальчика. Столь долго пребывавший в спячке и унынии дворец огласился звонким плачем младенца. Искра быстро привязалась к крохе и нянчилась с ним по нескольку часов в день. Мечеслав по такому случаю освободил Анею от ее обязанностей, и молодая мать всецело посвятила себя сыну, проживая в крыле для прислуги.

Искра сидела на кухне, за столом, на котором две дородные женщины раскатывали тесто, резали капусту и разделявали мясо. Она ела яблоко. Рядом пожилой слуга Гриша точил кухонные ножи.

— Скажи мне, Гриша, — обратилась к нему Искра, — почему его величество так и не представил нам свою супругу? Что с ней такое?

Гриша медленно положил нож на стол и внимательно посмотрел на княжну, прикусив при этом губу.

— Ведьма она! — выпалил он и с опаской осмотрелся. — Ведьма, как есть. Покойный князь-батюшка Блажен привез ее откуда-то с Равногора, только откуда — это мне незнамо, и насильно навязал ее нынешнему великому князю, то есть — Мечеслав Блаженичу. А, как известно, курченские короеды — все сплошь безбожники и колдуны. И дьяволицы, — прибавил он, подумав.

— Нельзя судить о людях по одному человеку, — сказала Искра, ловко закинув огрызок в корзину у противоположной стены.

— Может, оно и так, — буркнул Гриша. — А только у кого ни спросишь, все в один голос утверждают, что оно... того.

— Чего?

— Да вот, к примеру, сказывали мне: поклоняются они, короеды то есть, некому божеству, коему в полночь, раз в год, преподносят в жертву сердце девственницы! Только представьте себе, госпожа!

— Представляю, — ответила Искра, вздрогнув и тут же улыбнувшись. — А какие грехи у царицы Менелай?

— Ох, — покачал головой Гриша. — Не мне ее судить, но только какая жена добропорядочная, тем более царица, ляжет под стражника, а потом еще будет похваляться этим перед всеми? Мол, вот каков стражник-то — богатырь, не то что супруг законный! А еще она, окаянная, была любовницей Льва и хотела отравить мужа, но Мечеслав Блаженич оказался крепким мужчиной — выжил. И, опосля смерти Льва-братоубийцы от сердечного удара, проявил неслыханную милость — ради сыновей простил и принял обратно ее, окаянную. Вот таков наш князь, дай бог каждому. Но Менелая-то это вряд ли помогло — сошла ведь с ума, вредительница. И поделом.

Наступила та роковая ночь. Искре не спалось: услышанное не выходило из головы.

Взглянув в окно, на полную луну, девушка подумала, что уже и верно глубокая ночь. И пусть, что из того? Все равно завтра очередной пустой день. Может, заглянуть в библиотеку, почитать что-нибудь? Ведь от скуки помрешь. Хотя она совсем не любила читать, и вообще в Волчьем Стане этим занимался разве что Доброгост.

Андрей чурался ее. И пусть. Он ей совсем не нужен. Это странно, ведь она приехала к нему... Все равно плевать.

Тут до нее донеслись крики. Она села и прислушалась. Крики не прекращались, и шумели женщины. «Чего это прислуга так разбушевалась? Они что, сошли с ума, в такой поздний час выяснять отношения, да еще и в царских покоях?» Девушка прислушалась, о чем спорят, но не поняла ни слова. Решив, что она все равно не заснет, пока не выяснит, в чем дело, Искра зажгла свечу и, накинув восточный халат, побежала к выходу из опочивальни.

В пустом зале, куда вел коридор, она застала с десяток служанок (Буяна тоже присутствовала), окруживших бледную женщину с растрепанными волосами, в мятой желтой сорочке и в замшевых полусапожках. К груди женщина прижимала Павлушу, сына Анеи, которая стояла напротив и с плачем умоляла вернуть ей дитя. Едва взглянув на женщину, в ее блуждающие, затравленные глаза, Искра сразу же поняла, кто это. «Андрей чем-то похож на нее», — мелькнула мысль у Искры.

— Отдайте мне сына, госпожа! — Слезы градом катились по лицу Анеи, шея была сильно расцарапана, и кровь уже смочила белоснежную сорочку.

— Не отдам, — ответила Менелая. — Чего это я, великая княгиня Воиградская, должна отдать вам своего родного сыночка, наследничка? Отдать вам, грязным скотам! Вы ж не люди, вы — свиньи! Что, сожрать его хотите? Пошли вон!

— Что здесь произошло? — шепотом спросила Буяну Искра, кутаясь в халат.

— Ее величество похитила ребенка Анеи, — ответила она. — Тайком вошла к ней в спальню и забрала кроху. Анея проснулась и попыталась отбить сына, но не смогла — видите, что с ней сделала царица?

— Да, вижу. И что же делать теперь?

— Не знаем. Она вон какая — демоны так и пляшут у нее за спиной. Того и гляди, что-нибудь выкинет. Но послали за князем — он-то должен помочь.

— Надеюсь, — со вздохом сказала Искра, глядя на княгиню. Павлуша громко и надрывно плакал, внося дополнительную сумятицу, но Менелая, не обращая внимания, крепко сжимала его костлявыми руками.

— Менелая! — Мечеслав появился неожиданно — в распахнутой рубашке, в черных штанах с красным поясом. На груди висела массивная золотая цепь. Искра про себя отметила, что он очень даже неплохо выглядит для своих лет. — Менелая, не дури, отдай сына матери. — Голос царя, обычно сладкий, как патока, сейчас был тверд и непреклонен.

— Так, муж мой, — сказала ему на это Менелая, — разгони этот сброд. И вели завтра же казнить эту подлую тварь. — Ее палец угрожающе уставился на Анею.

— Хватит! — произнес Мечеслав негромко, но так властно, что Менелая отшатнулась. — Отдай мне дитя.

Князь вытянул руки и сделал шаг навстречу.

— Ну же!

— Ты заодно с ними! — крикнула она.

— Это не твой ребенок. У тебя нет детей, кроме Андрея. Я устал тебе потворствовать. Менелая, устал притворяться ради тебя. Все эти годы ты качала пустую колыбель, а я боялся

ранить тебя правдой. Но у тебя нет ребенка. Так что не гневи Небеса, успокойся и отдай сына матери.

Царица замерла, обвела всех отстраненным взглядом, посмотрела на Павлушу...

Все остальное произошло в считанные секунды. Менелая вдруг схватила младенца за ручонку и со всего маху, точно тряпку, швырнула оземь. Потом, приподняв сорочку, занесла над крохой ногу в замшевом сапожке...

Искра в ужасе отпрянула, зажмурилась и закрыла ладонями уши. Она стояла так, стараясь не слышать душераздирающего крика Анеи, боясь взглянуть на... на ребенка. «Но, может быть, все обошлось? Может быть, он... может быть...» — отчаянно молила она и открыла глаза.

Мечеслав стоял бледный как смерть, держа потерявшую сознание Анею, и в широко раскрытых глазах его отражалась бездна чувств. Павлуша лежал на ковре, со сломанной шеей, вокруг рта пузырилась кровавая пена, на груди кровоподтеки, под крохотной головкой собралась кровь, а в остекленевших глазах застыли слезы.

Менелая нигде не была.

Наутро в тронном зале собрались все сколько-нибудь значимые люди государства: Андрей, развалившийся в кресле, принесенном специально для него, бояре, священнослужители, зажиточные горожане, воиградские воеводы и знатные воины. Присутствовали также венежане: Искра, Горыня, Доброгост, покашливавший в кулак и мысленно пребывавший где-то очень далеко, услужливо улыбающийся Лещ, задумчивый Черный Зуб, чей южный облик приковывал взоры, и Злоба — на него, а точнее, на его изуродованную, ухмыляющуюся физиономию как раз старались не смотреть.

Рядом с тронном стояла вся в черном (видимо, в знак траура) царица Менелая, охраняемая двумя стражниками. Кроме того, у самого выхода столпилась горстка перепуганных слуг, однако убитой горем Анеи среди них не было. Сам трон пока пустовал.

Все оживленно обсуждали ночное происшествие, и Искра с негодованием улавливала диковинные и неправдоподобные подробности гибели младенца. Но старалась держать себя в руках.

Наконец двери распахнулись, и вошел глашатай.

— Его величество, — торжественно возвестил он, — Великий Князь и Самодержец Воиградский, Иссенский и Беловодский, владыка вересов, южан, верхневоицево и всех прочих краевых народов, защитник истинной веры — Мечеслав Блаженевич из рода Всеславовичей.

Толпа торопливо расступилась, и в зал стремительным шагом вошел князь — в черном бархатном подлатнике, за спиной развевался серебристый плащ с вышитым золотыми нитями ястребом — гербом дома Всеславовичей и символом Воиграда. Никаких украшений на правителе не было, кроме золотого кольца. Следом семенил разодетый в пух и прах маленький пузатый человек — Авксент, и, придерживая царя за плащ, что-то возбужденно шептал. До Искры доносились обрывки его речи:

— Ваше величество, не кипятитесь, пожалуйста! Как бы... ведь горные кланы... сочтут оскорблением...

Но Мечеслав ничего советнику не отвечал, а потом и вовсе отмахнулся от него. Глядя на великого князя, Искра невольно залюбовалась им — именно таким, по ее мнению, должен быть любой владыка: высокий, стройный, зрелый мужчина; чело нахмурено, очи горят, и он

просто великолепен и неприступен в своем гневе.

Князь поднялся на пьедестал, но на трон не сел. Менелая, едва увидев его, запричитала:

— О муж мой! Огромное горе постигло наш венценосный дом — умер наследник твой, погиб от руки кровожадных дикарей. Я словно чувствовала это, я пыталась спасти его, наше дитя, но жестокость варваров не имела границ! Они хотели принести его в жертву темным силам! И это ты виноват, Авксент! — Советник, до этого едва обращавший внимание на вопли царицы, вздрогнул, испуганно посмотрел на нее, потом на царя, и нервно вытер вспотевшее лицо платком.

— Ваше величество... — начал было он, но Мечеслав жестом велел ему замолчать.

— Убей его! — верещала Менелая, указывая на Авксента. — Он заодно с ними! Убей!..

— Замолчи, женщина! — прогремел голос Мечеслава, и царица осеклась. — Стражники, если она вымолвит хоть слово, заткните ей рот.

Стражники невозмутимо кивнули.

— Сегодня ночью, — начал князь, — случилась трагедия, окончательно убедившая меня в том, что моя супруга Менелая представляет опасность для людей. Ее безумие, которое, по моему глубокому убеждению, является божьей карой за ее прегрешения, достигло предела, следствием чего стала гибель от ее руки ни в чем не повинного ребенка. И этому ребенку не исполнилось и месяца! Менелая жестоко расправилась над ним на глазах у матери — молодой девушки. Свидетелем ее преступления стал я, пытавшийся остановить ее, слуги, а также наша гостья, венежанская княжна Искра. Тело мальчика было сильно изуродовано: сломана грудная клетка (Менелая топтала его сапогом), треснут череп. Авксент, Горыня и другие сановники своими глазами видели тело мальчика. В связи с этим я повелеваю: сослать Менелаю в Тракийский женский монастырь в Аларии. Михалко!

— Да, ваше величество!

— Завтра же ты выступаешь. Письмо к настоятельнице монастыря получите от меня вечером. Сейчас запирайте царицу в ее покоях и не выпускайте ни под каким предлогом.

— Будет исполнено, ваше величество.

— Ваше величество, выслушайте меня, прошу вас! — взмолился Авксент. — Это скандал! Братья Менелаи сочтут ссылку в монастырь оскорблением. Зная наше тяжелое положение, они даже могут выслать войска. Подумайте хорошенько, чем может обернуться это для нас.

— Я не желаю ничего слышать.

— Но много людей погибнут...

— Значит, мы все умрем! — сказал Мечеслав так яростно, что зал охнул. Авксент, казалось, готов был заплакать. — Уверен, лучше смерть в бою, чем жалкое нищенское существование! Что я должен сделать? Простить Менелаю, пожалеть ее, а несчастную Анею выпороть в угоду ее братьям? Сегодня она убила сына служанки, а завтра кого? Тебя? Меня? А может, и моего внука, если Триединый будет к нам благосклонен? Вы этого хотите?!

— Нет-нет... — согнувшись, словно князь не говорил, а хлестал его кнутом, пробормотал Авксент.

— Решено. Михалко выполнит мой приказ, чего бы это ему ни стоило. У меня больше нет жены. Надеюсь, сыновья меня поймут.

Сказав это, князь спустился с пьедестала и скрылся за дверью позади трона.

Андрей, проводив его взглядом, лишь презрительно ухмыльнулся.

После жуткой смерти младенца прошло четыре дня. Все это время князь сидел затворником в своих покоях — Андрей объявил, что отец приболел.

На следующий день после выступления Мечеслава в тронном зале царица Менелая, напустившая на себя необычайно горестный вид, покинула Воиград в сопровождении доброй сотни молодцев воеводы Михалко. Немногочисленная толпа, собравшаяся в Черном городе, проводила ее гробовым молчанием — сомнительная награда за тридцать лучших лет жизни, проведенных в краю, так и не ставшем ей родным.

Анея попросила отпустить ее домой. Андрей выполнил просьбу и отправил девушку вместе с мужем в отчее село.

С отъездом Михалко воиградское войско, и без того небольшое, сократилось буквально до неприличных размеров. В Кремле осталось двое воевод: Олег — совсем еще молодой воин (у него только-только пробилась борода), командовавший четырьмя дюжинами таких же безусых юнцов, — да Дробуш — скрытный тощий тип, вся дружина которого (а это, по его словам, двести человек) слишком уж сильно походила на разбойников с большой дороги.

Горыня недоумевал, почему же князь не отдаст приказ набрать людей из числа простолюдинов? На это ему отвечали, что, во-первых, народ хвор и нищ — крепких парней среди черни днем с огнем не сыскать; во-вторых, казна, как это ни прискорбно, банально пуста — иногда и кормить воинов нечем. Дружинникам платят медяками, поживы никакой — кто же пойдет на такую службу?

Горыня с неохотой признал это, но не успокаивался и продолжал донимать Андрея (он был здесь, по его мнению, единственным, достойным уважения) расспросами, советами, предложениями.

— Вы, — говорил Горыня, — беззащитны, точно овцы. Сотня степняков разнесет ваше горе-войско в пух и прах и превратит величественный Кремль в пепелище! Да разве можно сидеть сложа руки и надеяться на милость дубичских братьев? И зачем вообще их пригласили? Если верить слухам, Военег — хищный зверь, и его брат, уверен, ничуть не лучше, иначе он уже давно бы кормил червей в земле! Вот пожалуют они к нам на свадьбу, поглядят на Кремль и скажут: «Какое хорошее, красивое место! Неплохо бы поселить здесь сына, племянника, дядю, тетю!» — «А как же мы?» — спросите вы. — «А вас мы утопим, вон там, среди обломков вашего непобедимого флота. Зачем вы нам?» Как вообще вы существоете?

Андрей ничего не отвечал, мрачно уставившись в пол.

— Как хотите, — подытожил Горыня, — выдам сестру за вас и уеду домой. Там я нужней.

— Уедешь? — язвительно поинтересовался Андрей. — Как?

Видно, это выбило Горыню из колеи. Он опять запил.

Искра скучала. Каждый день она гуляла по саду совсем одна, и, кажется, о ней все забыли. А Андрея будто и не существовало. Это удивительно — готовиться к свадьбе с человеком, которого не знаешь и не видишь. Связать свою судьбу с невидимкой.

Однажды она, из чистого любопытства, решила подойти поближе к храму, и там, среди росших вокруг сосен, ей повстречался высокий и нескладный человек, представившийся как монах Клеарх. Он сильно взволновался, увидев княжну, и тут же пригласил ее в храм.

— Его святейшество принципар Клеомен давно ждет вас, — сказал он. — Извольте

пройти к нам!

Внутренняя обстановка храма поразила девушку строгой торжественностью и мрачным величием. Свет вливался в помещение через сводчатые окна, находящиеся высоко, у основания купола, и падал, в основном, на верхнюю роспись. Внизу освещение поддерживалось многочисленными свечами. Храм был равномерно поделен на три секции: белую, красную и черную, которые сходились в середине — где стоял серый куб высотой с человека. Каждую секцию украшал искусно выполненный горельеф. В белой — возвышался молодой человек, державший в руках плетеную корзину; в красной — воин, сжимавший меч; в черной — суровый старик, опирающийся на посох. И глаза всех троих с надеждой взирали на куб.

Стоило Искре вступить в храм, как к ней устремилось несколько человек в рясах. Они поклонились ей и осенили странными церемониальными знаменами. Искра подметила, что все монахи выглядели изнуренно. Потом к ней вышел старичок — тот самый верховный жрец, говоривший ей при первой встрече слова, полные тоски и сожаления. На этот раз он пребывал в приподнятом настроении.

— Милая моя девочка! — сказал он. — Добро пожаловать! Очень рад! Ты не устала? Гуляешь? Позволь, я расскажу тебе о нашей вере. Не волнуйся, не волнуйся! Просто занимательная прогулка.

Клеомен взял ее за руку и подвел к кубу.

— Что ты видишь, дитя? — ласково, словно обращаясь к глупому ребенку, спросил он. Искра тут же вспыхнула, но усилием воли подавила гнев — кое-чему здесь она уже научилась.

— Камень, — ответила она. — Он, наверное, священный?

— Да, дитя, — с важным видом согласился Клеомен. — Он символизирует бога — единого, неделимого, точно скала. И непостижимого, непознаваемого, как этот загадочный куб. Никто ведь не знает, что скрыто внутри куба, так ведь? Обрати внимание, как три земных воплощения Единого смотрят на него. Они жаждут разгадать некую тайну, постичь сущность бога. В этом весь смысл веры, ибо вера — это путь познания бога. А что есть бог? Как ты думаешь?

— Не знаю, — ответила Искра, рассматривая горельефы. — Как-то не задумывалась об этом.

— Никто не задумывается, — сказал Клеомен. — К богу обращаются в трудную минуту с мольбой о помощи либо в корыстных целях, будто бог — это всемогущее существо, вроде царя или императора. Но бог — это не царь. Бог — это тайна. Бог — это душа. Бог — все сущее. Но не буду утомлять тебя. В первый раз, увы, люди относятся к нашей религии с известным скептицизмом. То есть не доверяют, понимаешь?

— Я знаю, что означает слово «скептицизм», — сказала Искра. — Не думайте, что мы у себя на краю мира живем дикарями. В нашем краю гораздо больше души, в нашем простом и постижимом боге больше жизни, нежели в вашем. Вы говорите — путь познания? Так вы сказали?

Клеомен был ошеломлен отповедью девушки.

— Да, — пробормотал он.

— Вы, — сказала Искра, схватив старика за локоть и приблизившись вплотную, — лишь тешите себя мудреными словами, за которыми ничего нет. Посмотрите! Посмотрите на людей, а не на статуи! Что вы видите?

Изнуренные, покорные, словно рабы. Искра готова была поклясться, что именно об этом подумал принципар.

— Что же вы видите? — безжалостно повторила девушка.

— Страх.

21. Дух Воина

— Я долго думал, — сказал Барх, глядя на окружавших его всадников. — Может, я не прав, — выслушаю другие мнения. Но иного выхода я не вижу. Талгат явно готов и ждет нас. В случае неудачи он может отступить и скрыться в холмах, где много воды и дичи. И там наверняка есть укрепления, где он может отсидеться. А мы вынуждены будем вслепую там шататься — это изматывает нас, подорвет веру в успех. Поэтому мы должны устроить ему сюрприз. Мы разделимся.

— Разделимся? — переспросил Тумур.

— Ты, Тумур-гай, возглавишь основные силы. Твои воины, воины Мамата, Кайгадыря, Аюна поедете поутру на юг, прямо на холмы. Столкнетесь с Талгатом лоб в лоб и дадите им бой.

— А как же ты, повелитель?

— Я с остальными ночью поскачу в обход, на восток. Хочу ударить по ним с тыла. Так, насколько я знаю, еще никто не делал. Но придется скакать быстро. Если все пройдет так, как я задумал, мы сразу покончим с ними.

— В обход плоскогорья? — спросил Тумур.

— Да. По краю. По полям.

— В обход, — хмуро проговорил Шайтан, — путь неблизкий. Можем не успеть. Можем вымотаться. И потом, рискованно это: есть шанс наткнуться на неприятеля. Ввяжемся в бой, застрянем. Тумур-гай может и не дожидаться помощи.

— Я понимаю, — сказал каган. — Но шансов победить у нас немного. Только хитрость, дерзость и отвага помогут одержать нам победу. И везение. Придется скакать ночью. Если успеем, ударим им в спину. Да, устанем. Будет очень тяжело, но наградой будут наши жизни. Это что-нибудь да стоит.

Барх посмотрел на юго-запад, туда, где лежал тот благодатный край, оазис в мире скудных однообразных равнин. Оранжевое солнце коснулось горизонта, золотом залив потускневшую осеннюю степь.

— Мы должны, — сказал Барх. — В путь, батыры.

Унэг глядел на оседающую пыль, поднятую отрядом Барха, и с удивлением чувствовал облегчение. Словно чей-то невидимый глаз наконец-то отвернулся от него.

Он просидел всю ночь у костра, машинально подбрасывая в него хворост и наблюдая за соплеменниками со всевозрастающим чувством тоски. Как будто он в последний раз видел их. Может быть, завтра ему предстоит умереть? Унэг с горечью усмехнулся. Каково это — испытать боль собственной смерти?

Эту ночь воины провели так же, как и он, сидя у многочисленных костров. Кто-то точил оружие, чинил упряжь; молодые тихо разговаривали, смеялись, взволнованно перешептывались. Умудренные опытом спали, зная, что надо поберечь силы, а просто беспечные ребята — потому, что им так хотелось.

Что-то повлекло Унэга. Он пошел, сам не зная куда, перешагивая через спящих, обходя группы сгорбившихся воинов, на чьих окаменевших лицах суетливо играли отблески пламени.

Остановившись далеко в степи, совсем один, он долго смотрел в глубокий сумрак,

воцарившийся вокруг. Эта ночь ничем не отличалась от многих других, но все-таки она была особенной. Потому что напомнила ему о ней. Кажется, что это было так давно, — она спала, а он украдкой любовался ее красотой, недоступной для такого, как он. Красотой, так быстро и бесславно исчезнувшей.

Но не для него. Он понял, что все время бесплодно и тщетно любил ее. Венежанку Младу. И теперь эта мысль не пугала его.

Вздыхнув, Унэг побрел назад, но через несколько шагов остановился. Ему показалось, будто кто-то стоит рядом и шепчет. Едва уловимый шелест слов, точно трава, точно сам ветер. Воин встряхнул головой, отгоняя наваждение, ругнулся, и тут внезапно перед ним замерцали крохотные искорки. Они двигались быстро, рождались, сталкивались друг с другом и спустя какое-то мгновение, показавшееся ему вечностью, слились в женскую фигуру — призрак Млады.

Млада была чрезвычайно напугана и, умоляюще протягивая к нему руки, шептала:

— Не надо, не надо...

Не успел Унэг произнести хоть слово, как она рассеялась. Испарилась.

— Улеш!..

— Покажись!

— Улеш!.. Леш... Лёша... Лёша!

Что-то взорвалось в груди Унэга. Он неожиданно ясно вспомнил мать. Седую, морщинистую женщину с такой бледной кожей. С добрыми и бесконечно печальными глазами. Вспомнил ее имя. Елена. А он был... Лёшей. Алексеем.

Унэг пал на колени и против воли разрыдался.

— Что ты делаешь со мной, женщина?! — крикнул он в пустоту ночи. — Зачем я тебе?!

Скажи же, проклятая!

Унэг рвал траву и вытирал ею слезы. Вдыхая сухой, горький запах степи.

Они встретились ранним утром, на берегу безымянного ручья. Наткнулись случайно. Тумур в сердцах плюнул. Они проворонили встречу, потому что разведывательный отряд был перебит, и на их телах стояла сейчас армия Талгата. А может, действительно во всем виноват Унэг? Может, он, олицетворявший Дух Воина, в каком-то смысле стал им? Превратился в объект для поклонения? Дух Воина сам не свой, Дух Воина обуревают тоска — чем не повод для уныния? К тому же вряд ли кто-то воспринимает Талгата как врага. Кажется, многие полагают, что встретят тут старых друзей, и можно будет договориться, и разойтись с миром...

Десять стрел возвестили о себе резким свистом, упали на землю перед ними, одна вонзилась в чей-то щит. Воинство Талгата цепью выстроилось на трех покатых холмах, и Берюк, основываясь на богатом личном опыте, сказал, что их, вероятно, десять-двенадцать тысяч.

— Целый тумен? — спросил Тумур.

— Что, много? — спросил Берюк.

— Да нет. Скорее наоборот, я ожидал побольше.

— Едут, Тумур-гай, — крикнул кто-то из воинов.

Тумур приложил к глазам ладонь козырьком.

— Пятеро, — сказал он и широко улыбнулся. — Что ж, и мы впятером поедem. Унэг, Берюк, Кайгадырь, кто еще желает? Мамат-гай?

— Пусть поедет мой сын — Дарчи, — ответил Мамат.

— Хорошо, — сказал Тумур, оценивающе посмотрев на статного, красивого парня. —

Пусть поедет Дарчи.

И Тумур, в сопровождении друга детства Унэга, ветерана многих войн Берюка и молодых, необстрелянных Кайгадыря и Дарчи, выехал навстречу Талгату с соратниками.

— Почему они выбрали это место? — поинтересовался Дарчи. — Солнце светит им прямо в глаза.

— Солнце не всегда будет светить им в глаза, — буркнул Берюк. — Скоро оно будет в зените. Пока эта вот болтовня с теми засранцами впереди, потом поединок...

— Приближается буря, — неожиданно произнес Унэг, остановившись и посмотрев на небо. — Песчаная буря.

Горизонт на западе окрасился в грязно-желтый цвет. И это странно: в степи часто бывают вихри и смерчи, поднимающие с собой тучи песка, но, судя по размерам, то была именно песчаная буря, характерная скорее для Великой пустыни.

— Да, — безрадостно бросил Тумур, подъезжая к неприятелю.

— Так-так. — Талгат старался держаться высокомерно, но подвижные тонкие черты необычно бледного для кочевников лица и абсолютно неизвестные люди, прибывшие с самопровозглашенным каганом, напрочь перечеркнули все его старания. — А где же ваш повелитель? В засаде? Ха-ха-ха! Какие же вы глупцы! Думали, я не предусмотрел этого? Что? — спросил он, заметив, как Унэг озабоченно поглядывает в сторону надвигающейся бури. — Барх там? Тогда можете спеть ему погребальную песнь. Недолго же он правил. Ха-ха-ха!

Тумур ничего не ответил и продолжал пристально смотреть на Талгата, будто пытаясь разгадать, что он им уготовил. Берюк же, по своему обыкновению, не выдержал и огрызнулся:

— Ты бы лучше не выпендривался, дурень. Посмотри на нас: вот Тумур, славный воин, разбивший войско тупиц марнов три года назад; непобедимый Унэг; сын Урдуса Кайгадырь и внук Пурхана Дарчи. И все они жаждут твоей смерти, идиот! А кого ты привел? Кто эти недоноски? Твои любовники?

Талгат покраснел.

— Слушай, ты! — крикнул он. — Слишком уж ты остер на язык. Не рано ли похваляешься? — Он обернулся и посмотрел на одного из своих молодых спутников. — Эллак, тебе слово.

«Эллак?» — подумал Унэг и, взглянув на краснолицего юношу, кого называли этим именем, заметил, как он похож на своего...

— Да! — закричал тот с пылом. — Я — Эллак, сын Эллака! И я отомщу за отца!!! Я буду биться в поединке с тобой, Унэг! Слышь, ты? С тобой! Я убью тебя!

— А при чем тут Унэг? — с наглой улыбкой поинтересовался Берюк. — Твоего отца убил я. Бейся со мной, сопляк.

Глаза Эллака-младшего горели адским пламенем, яркий румянец пылал на немного отеком лице.

— И ты умрешь, собака, — тихо проговорил юноша, буравя Берюка взглядом, в котором — Унэг безошибочно распознал это — читалась небывалая сила и уверенность. — Я буду биться с Унэгом, — повторил он не терпящим возражений тоном. — На мечах, пешими. Готовься.

Все померкло в столь неожиданно воссиявшем блеске этого юноши. Ни Талгата, ни кого бы то ни было не существовало в тот момент. Только Эллак-младший.

— Этот парень опасен, Унэг, — сказал Тумур, искоса поглядывая в сторону нетерпеливо скачущего вдоль ручья юнца.

— И поэтому он должен умереть, — добавил Берюк. — Сделай это, Унэг-гай.

— Ты что, боишься за свою жизнь? — спросил у него Тумур.

— А почему бы и нет? — ответил старый воин. — Я уже не так ловок. А мальчишка прыток. Убей его, Унэг-гай, прошу. Это сильно подорвет их рвение.

— Хватит разговоров, — сказал Унэг. — Я поехал.

— Ты в порядке? — спросил Тумур, но Унэг уже подстегнул коня. — Будь осторожен! — крикнул он ему. — Будь осторожен, друг, — прошептал Тумур, и рука его невольно дернулась вслед удаляющейся фигуре.

Унэг услышал последние слова Тумура — и подивился такому волнению. Но ведь таким должен быть друг? Друг. Тумур его друг.

Он пришпорил Эдаара и, подъехав к ручью, бодро спрыгнул с коня. Прежде чем начать поединок, он намеревался совершить ритуал: подойти к противнику, посмотреть ему в глаза, вознести молитву Туджеми — так бывает всегда, и поэтому он не торопился.

— Эй ты! — крик, казалось, запоздал. Эллак плечом врезался в Унэга и сшиб его с ног. Занес над ним меч и... плашмя ударил воина по рукам, которыми тот закрылся. К своему стыду, Унэг даже не успел вынуть палаш из ножен. — Таков, значит, великий и ужасный Унэг? — слишком уж возбужденно выкрикнул юноша. — Может, сразу заколоть тебя? — Эллак пнул его по ногам. — Вставай, чего вылупился?

Унэг вскочил, но не успел вынуть меч, как противник с молниеносной быстротой сделал выпад. Унэг в последний момент выгнул спину, но клинок, вспоров куртку, чиркнул самым кончиком по ребрам, оставив неглубокую царапину.

Справа от Унэга толпа восторженно взревела, слева охнула и тут же умолкла. Краем глаза воин успел заметить, как побледнели их лица. Должно быть, со стороны это выглядело гораздо ужаснее, должно быть, всем показалось, что он уже повержен и меч в его груди.

Унэг отскочил, и вздох облегчения прокатился по рядам. Но Эллак был так быстр, что... он запаниковал. Видя, как юноша за какую-то долю секунды развернулся вполоборота для решающего удара, Унэг побежал прочь. Он испугался. Испугался, представив, как со свистом рассекающий воздух меч вклинивается в его шею, даже почувствовал холод стали, почувствовал, как меркнет свет, как пронзают его голову тысячи огненных игл. Эллак преследовал его — наверное, уверенный в скорой победе, а Унэг, петляя, меняя направление, уходя от ударов, старался сосредоточиться, войти в состояние «воина».

Но ничего не происходило. Вожделенное возбуждение, так сейчас ему необходимое, не приходило. Эллак что-то кричал, преследовал его, с обеих сторон толпа ревела. «Вот как это происходит, — подумал он. — Вот что чувствовали мои жертвы. Злость, злость, где же моя злость?! Ну встряхнись же, встряхнись!»

Унэг резко остановился, выбросив сноп пыли, и, обхватив обеими ладонями рукоять меча, не глядя ткнул назад. Но и здесь Эллак не растерялся — он парировал удар... и так же легко отбил следующий — хитрый, по крутой дуге, нацеленный в промежность.

Унэг, тщетно пытаясь разозлиться, выйти из оцепенения, механически нападал — и безуспешно. Видимо, устав возиться с ним, Эллак неожиданно ударил его кулаком в скулу —

металлические наклейки на перчатках оцарапали лицо, — затем, схватив меч двумя руками, занес его над собой.

Острые клинка смотрело на Унэга сверху вниз. Он вдруг необычайно ясно увидел его — меч. Увидел — и это был переломный момент в поединке, словно удар Эллака наконец разбудил в нем «воина». По коже пробежала волна ярости, руки задрожали, и он чуть не выронил палаш. Но времени на раздумье не оставалось — клинок все еще висел в воздухе, повинувшись упивавшемуся близким триумфом юнцу, — и пнул сапогом противника в пах. Парень согнулся — и тут же получил удар в висок.

Позади его армия взревела во всю мощь десяти с половиной тысяч глоток, и среди них отчетливо выделился басистый раскат Тумура.

Эллак удержался на ногах, правая рука опустилась, меч прочертил по песку и окунулся в журчащий ручей. Потом юнец поднял на Унэга взгляд, полный дикой ненависти. «Этот парень никогда еще не проигрывал, — понял тот, заглянув ему в глаза. — Никогда».

— Ну, чего смотришь? — хрипло бросил Унэг и, отойдя на пару шагов назад, встал в защитную стойку.

Эллак вошел в воду, Унэг хладнокровно последовал за ним. Они сверлили друг друга взглядами, и пауза затянулась, это ощущалось по нависшей над долиной гробовой тишине. Только надвигавшаяся буря рычала где-то вдали, грозя в ближайшие часы обрушиться на них, подобно разгневанному божеству.

Эллак, кажется, размышлял. Он понимал, что разбудил в противнике зверя. Он попробовал ослепить Унэга хлопком по воде, но она стекла по его каменному лицу, как дождь по скале. Затянувшаяся пауза нервировала юношу. Унэг, напротив, наполнялся спокойствием. Дух Воина снова с ним, со всей расчетливостью, быстротой, контролем над эмоциями, разумом, окружающим. Эллак умрет — и не может быть иначе. Дух Воина непобедим.

Взлетели брызги воды, засверкали мечи. Оба двигались очень быстро, и никто не мог понять, кто одерживает верх. Эллак нападал с остервенением, Унэг парировал все удары, но и его жалящие, коварные контрвыпады не достигали цели. Эллак-младший был действительно невероятно хорошим воином. Но на стороне Унэга — выносливость, терпение, опыт. А Эллак когда-нибудь обязательно выдохнется или попросту занервничает, ошибется — такова молодость.

Между тем бой продолжался, и Эллак не подавал признаков усталости. Его взор все так же горел огнем всепоглощающей ненависти, движения ни на секунду не замедлялись, а Дух Воина все больше удивлялся, наблюдая откуда-то издали...

И неизвестно, кто одержал бы верх, если б не совершенно неожиданная развязка.

В самый разгар схватки не остывающий, не ошибающийся, дьявольский Эллак, сын Эллака, вдруг согнулся в приступе кашля. Мгновенно перешедший в наступление Унэг остановился — меч застыл в волоске от горла юноши, из носа и рта которого бурно пошла кровь. Потом парень упал на колени, выронил меч, упал лицом в воду. Вынырнул, шумно вдохнул, снова закашлялся, выплевывая крупные сгустки крови. Выполз на берег.

— Не радуйся, — сказал он, вытирая рукавом алые потеки. Глаза были багровыми, лицо распухло. — Я еще не умер. Где мой меч? Дай его мне.

Унэг подал меч юноше. Эллак встал, тяжело опираясь о головку рукояти.

— Продолжаем, — прошептал он. — Я хочу умереть от клинка, а не...

Юноша зашатался.

— Ну давай!!! — зарычал он, в отчаянии замахнувшись на противника враз отяжелевшим мечом.

Унэг понял, насколько Эллак жаждет этого.

И с сожалением вонзил в него меч.

Унэг поднял Эллака на руки, перенес через ручей и положил на землю неподалеку от вражеского войска. Прикрыл ему глаза. Два кровавых ручейка продолжали вытекать из носа.

Это не победа.

— Прими его душу, Туджеми, вознеси в свой чертог, — прошептал он. — Он заслужил.

Он запрыгнул на коня и еще раз — последний — взглянул на поверженного юношу.

22. Тысячеликий

Вечером Андрей зашел к отцу. Мечеслав два дня безвылазно провел в опочивальне, сидя в любимом кресле, обитом синим бархатом.

— Хандра, — сказал Андрей. — Так бывает. Уж я это знаю. Я тоже сокрушался и скажу тебе, что это не выход. Так ты только повредишь себе. Да, повредишь, — повторил он, тихо постучав тростью по полу и искоса взглянув на отца. — Я ведь хотел покончить с собой.

Мечеслав не ответил. Казалось, он вообще не слышал.

— Скажи что-нибудь, — попросил сын.

— Не беспокойся обо мне, Андрей, — наконец проговорил отец. — Я в порядке. Я просто размышляю. Дай мне еще день.

— Не понимаю, чего ты сокрушаешься? Она давно тебе не жена. И не мать, если уж на то пошло. Терпеть ее не мог.

— Оставь меня, прошу.

— Хорошо, — ответил сын и ушел.

Так прошла ночь и наступил день. Мечеслав ждал. Три дня он сидел, мысленно проворачивая всю свою никчемную жизнь. Он всегда был шутком. Он был мягким, как воск, был нежным, податливым, словно юная девушка. Всех прощал и не замечал ухмыляющихся взглядов, не слышал шепота за спиной. Он был кем угодно — слугой собственных братьев, объектом насмешек, диковинной птицей в золотой клетке и, в последнюю очередь, — князем и отцом. Вряд ли кто-то по-настоящему любил его.

Искра, эта диковатая девушка — такое впечатление венежанка произвела при первой встрече, — со свойственной ей прямолинейностью сказала то, что он и так знал. Но как она произнесла эти слова! Горячо и жестоко, пронзив нестерпимой болью. Искра сорвала с него маску. Она постучалась в самую душу.

Ему страстно хотелось увидеть ее. Он думал о ней. Думал о сокрытой внутри нее мудрости, вспоминал ее чудесный облик. Он хотел сказать ей, что он не такой, что с этой поры все изменится, только... поверит ли она ему? Оправдываться перед ней — все равно что расписываться в собственной слабости.

Мечеслав метался в мыслях, словно мальчишка. И ведь, как сорокапятiletний мужчина, понимал это, но не мог устоять — слишком уж притягательны были эти мечты. В Искре немислимым образом сочетались неприступность, волевой характер и сладость юной девы. Дикарство, и некая тонкость, и затаившаяся где-то глубоко ошеломительная, влекущая чувственность. Он терял голову, вспоминая ее обнаженную шею, руки, глаза.

Он, сорокапятiletний мужчина.

Искра, Искра, Искра...

— Влюбился? — голос ночной гостьи поверг Мечеслава в шок. Он закричал и схватился за сердце.

На кровати сидела старуха. Всклокоченные седины, крючковатый нос и маленькие, смеющиеся глаза.

— Ну что? — спросила она. — Хотел меня видеть?

— Я знал, что ты демон, — с опаской поглядывая на нее, сказал Мечеслав.

— Разве я похожа на демона?

— Это не имеет значения. Ты — демон.

— Правильно, не имеет. Это просто каприз. Ты знаешь, как хорошо быть тем, кем захочешь? За десять лет свободы я еще не насладились этим. Хочешь, поиграем? Я могу стать ею...

— Поди прочь, нечисть!

— ...И ты возьмешь меня. — Мечеслав увидел Искру. Нагую.

— Оставь меня в покое! — крикнул Мечеслав и бросил в демона кресло. — Будь проклят тот день, когда я призвал тебя!

Кресло, выбив стекло, вылетело в окно.

— Уйди, прошу тебя, — стиснув кулаки, крикнул в пустоту Мечеслав. — Я не твой. Ты и сама понимаешь!

В который раз Искра корила себя за грубость. «Зачем я так обошлась с несчастным стариком? Зачем? Что я за бестия такая? Надо извиниться».

В тот день она засиделась в парке допоздна. Она плела венки и развешивала их на ветвях. Возвращаться во дворец не хотелось. Ночь была теплая, и у княжны мелькнула шальная мысль остаться в парке ночевать. «Нет, это безумие, — решила она. — Не стоит сходить с ума». Но еще немножко посидеть было можно, ибо ночью гораздо интересней скучать, нежели днем. День, проведенный в Кремле, тяготил, одолевал дурными, сумасбродными мыслями. «Как тяжело здесь, в этих пышных хоромы, — думала она. — Отчего?»

Так она и сидела, одолеваемая грустными мыслями, когда позади кто-то чихнул. Она обернулась и среди кустов разглядела неясную тень. Человек, следивший за ней, понял, что его заметили, и убежал. Искра побежала вслед, но таинственный незнакомец успел скрыться.

Подходя к дворцу, девушка, размышлявшая над тем, кем бы мог быть тот соглядатай, ощутила на себе пристальный взор. Подняв голову, она увидела стоявшего у окна Мечеслава. На мгновение девушка испугалась — пару часов назад из его окна вылетело кресло. Он так тяжело переживал разрыв с супругой? Верилось в это с трудом. Что-то подсказывало, что царя терзает нечто другое.

В сумерках Искра не рассмотрела выражения его лица, но почувствовала... интерес. Невидимый взгляд словно обжигал. Она побежала в свои покои.

Утром Искра пришла в храм. Там было пусто, если не считать двух монахов, одним из которых оказался Клеарх, менявший прогоревшие свечи на новые.

— Я бы хотела поговорить с... — Искра запнулась, припоминая официальное обращение к принципалу.

— С его святейшеством? — подсказал Клеарх.

— Да.

— А его нет. Он уехал за город, в Гудлебскую обитель. Там послушники собрали небольшой урожай, и его святейшество лично решил провести подобающие этому случаю празднества. Мы очень зависим от урожая, ибо он нас кормит.

— Понятно, — сказала она. — Тогда я пойду.

Клеарх кивнул, глядя на девушку во все свои суматошные глаза. В руках он держал коробку со свечами. Искра натянуто улыбнулась ему и пошла обратно.

— Вы не волнуйтесь! — сказал он ей вслед. — Его святейшество на вас не обижается.

На правду... не обижаются.

Искра поплелась к скамейке, той, которую ей показал Мечеслав. Ей стало еще тяжелее после визита в храм. Так больше не могло продолжаться. Здесь плохо. Здесь очень плохо! Уехать бы домой!

Она не заметила, как подошла к скамейке, не заметила, как присела. Слезы покатались по лицу.

— Где же ты, дядька? — плакала она. — Как бы ты пригодился мне сейчас. Ты был мне отцом, самым родным, единственным другом в этом тяжелом пути сюда. Почему именно ты умер? Почему же?!

Венки увяли и выглядели так, словно их вываляли в грязи. Искра тупо смотрела на них — слезы застыли на щеках, — потом вскочила и со злостью смахнула их с ветвей на землю.

Она не знала, сколько прошло времени. Просто сидела, уставившись в одну точку, и проигнорировала появление Мечеслава, даже не взглянула на него.

— Это вы вчера следили за мной? — сурово спросила она.

— Из окна? Конечно же я. — Мечеслав старался говорить бодрым тоном, но это плохо у него получалось.

— Нет. Не из окна.

Мечеслав ничего не ответил. Девушка, не понимая, почему он молчит, повернула голову и заметила, что князь обеспокоен.

— Что такое? — спросила Искра. — Вы знаете, кто это был?

— Искра, — начал он и запнулся. Потом глубоко вздохнул, словно собираясь с силами, и повторил: — Искра!

— Говорите же!

— Только выслушай меня! Хорошо? До конца!

— Хорошо.

— Эх, что там! — воскликнул он. — Искра! — Он опустился перед ней на колени, хотел было взять ее за руки, но передумал, вскочил и, наконец, сказал: — Искра, я люблю тебя. Я люблю тебя, слышишь? — Он потряс оторопевшую девушку за плечи. — Я люблю тебя, Искра, люблю всей душой! Ну, что ты молчишь?

— Да вы с ума сошли! — ошеломленно сказала Искра.

— Нисколько! Я в здравом уме! Понимаю, ты удивлена, но тем не менее я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Искра медленно покачала головой.

— Как это? — точно в трансе, проговорила она. — Как, вашей женой? Как такое может быть? Вы издеваетесь? Может быть, вам нравится сводить меня с ума?!

И она зарыдала.

— Не надо. — Мечеслав осторожно прижал девушку к себе. — Не плачь. Пойдем, я отведу тебя домой. Извини, я выбрал плохой момент. Но я не отдам тебя никому. Я буду с тобой. Я приложу все силы и покорю тебя... и плевать я хотел, что об этом скажут люди. Андрею ты не нужна, да и вряд ли кому-то еще, ведь так?

Искра, всхлипывая, с надеждой посмотрела на Мечеслава.

— Ну, успокоилась? — ласково спросил он. — Да, наверное, я не вовремя. Ты тоскуешь по дому, но это ничего. Будь со мной. Подумай, Искра. Я хочу, чтобы мы были вместе. Вместе мы все переменим. Я не буду торопить тебя. Да, вообще-то, получилось все как-то не так. Не очень-то и складно я говорил, да? Впервые в жизни признался в любви, и так коряво.

Не по-княжески, — добавил он с вымученным смехом.

Искра посмотрела на голубое небо, на летящих высоко птиц.

— Оставьте меня, — сказала она неожиданно.

Мечеслав подождал, глядя в ее блестящие от слез глаза, словно надеясь найти там ответ.

Не дождавшись, сказал:

— Хорошо.

И удалился. Твердой походкой.

Месяц — большой срок. Так и подумала Искра. Целый месяц взаперти, здесь, в проклятом Кремле. Она упрямо отвергала ухаживания Мечеслава, не желая признаваться самой себе, что он ей нравится. Все уже знали, что князь сделал венежанской княжне предложение и радовались этому: затворника Андрея никто не любил. Но Искра отмалчивалась.

Мечеслав, напротив, изменился. Он стал гораздо более властным и жестким — былая ветреность и манерность испарились, точно страшный сон. Выздоровев — если можно так назвать его четырехдневное отшельничество, — князь созвал совет, на который пригласил Горыню с десятниками, бояр, воевод и Клеомена. Там он заявил, что собирается пополнить воиградское войско.

— Казна пуста, — сказал он. — И нет дохода. Нет урожая. Нет и дорожных податей: марнийские купцы из-за чертовой нечисти, поселившейся в лесу, и Военеговых разбойников боятся идти по Торговому тракту. Одному богу известно, каким образом они попадают в Вередор и южные страны — и попадают ли. Но ваши кошельки, бояре и церковники, полны. Я знаю это.

Поднявшийся гул негодования он перенес спокойно.

— Олег, — заявил Мечеслав не терпящим возражений тоном, — завтра отправится набирать людей в дружину. Он должен собрать не меньше двух сотен, а чтобы люди не думали и поменьше сомневались, Авксент будет лично отсыпать сребряки и даже золото, коли на то пошло. Надеюсь, Горыня ему поможет. Ваша задача, господа, обеспечить моего советника нужной суммой. Вот этот человек, — Мечеслав указал на Злобу со шкрамашем в руках, — убьет любого, посмеявшего утаить от Авксента хоть медяк. Вас это тоже касается, господин принципар. Раскошеливайтесь и засуньте ваше благочестие куда подальше.

Несмотря на все старания, нужное количество набрать не удалось. Чуть больше сотни, и на них больно было смотреть.

Жуткий сон вернулся и повторился во всех деталях: вонючий сарай, мертвецы в капюшонах, мерзко вопящие уродцы, черное небо, по которому прокатывались оранжевые всполохи, отбрасываемые неизвестным светочем, похороненным где-то в недрах исполинских руин, жертвенник...

К ней приближалось нечто, чьи тяжелые шаги буквально сотрясали землю. Уродцы, пригнувшись, пятились, царапая длинными черными когтями брусчатку, их лица искажались гримасой безграничного ужаса — чувство, неведомое никому из живых. Этот ужас вобрал в себя обожание, ненависть, страх — все вместе, доведенное до одуряющего экстаза.

Нечто приближалось, и его шаги уже отдавались болью в висках. Но... может, это не шаги? Искра прислушалась к себе. Это... это же шепот. Шепот тысяч и тысяч голосов.

Потом девушка поняла, что осталась одна. И *Он* смотрел на нее.

Он был живым — когда-то живым. Он жил тем, чтопил чужие жизни,пил чужие чувства, страхи,пил плоть и кровь, душу. Его невозможно было описать, ибо невозможно описать всё. Он походил на туман, в котором проступали мириады чьих-то лиц.

Он был непостижим, и великолепен, и страшен.

Искра ощущала, как лица смотрят на нее, оценивают ее прелести, прикасаются к ней...

Жуткий вой оглушил, ослепил ее. Он лился, изменяясь и переливаясь, лился — Искра тщетно вырывалась из пут — и в конце концов сформировался в одно торжествующее слово:

— Царица!

Он — Тысячеликий — отец Тьмы, сын Хаоса, постепенно принимал вид человека. Вот он превратился в монстра, истекающего потоками слизи, окруженного ореолом черных жужжащих точек, затем лицо его побелело, и вскоре, пройдя сквозь череду бесконечных кошмарных превращений, перед девушкой предстал молодой человек. Он опустил на нее руку, с силой сжал лоно и, поцеловав в живот, со странной улыбкой повторил:

— Царица! Ты еще послужишь мне, не так ли?

Искра проснулась, а вернее, очнулась и обнаружила себя в углу, завернутую в одеяло. Страшный сон не выходил из головы, ее трясло, и она еще долго не могла успокоиться и прийти в себя.

Стояла глубокая ночь. Тишина. Темнота, усиленная пережитым во сне кошмаром, давила так, что девушка боялась пошевелиться. Долгие одинокие ночи, проводимые во дворце, плохо действовали на нее. Она с детства привыкла спать либо с любимой нянькой, либо с сестрой Младой, либо с подругами... с Буяной, наконец. Ей всегда хотелось, чтобы кто-нибудь был рядом, пусть за стеной, но чтобы был. Она легко засыпала под переливчатые голоса служанок, под шумные песни подгулявших горожан, под степенные речи вельмож, с коими Вятко любил засиживаться допоздна в саду, за кувшинчиком бражки, прямо под окнами ее опочивальни.

Здесь ничего этого не было. Дворец, такой великолепный, оказался холодным, словно могильный склеп. Да еще эти кошмары...

В тот момент ей показалось, что эта ночь — именно эта и никакая другая — убьет ее. И утро не принесет радости, и поэтому жить, просто жить незачем. Пусть провалятся к Дуву все, кто решил ее судьбу. Она обманет их. Обманет. Как поступил воевода Бой, когда наутро осознал, что в пьяном угаре зарезал собственного сына? Утопился!

«Нет-нет, — с ужасом подумала Искра. — Что за мысли такие? Никогда...»

— Никогда! — закричала она и вскочила с места. — Это твои проделки, Тысячеликий? Тебе нужна моя плоть, моя душа? Не дожدهшься!

«Но что же я сделаю? Брошусь в объятия Мечеслава?» В данный момент мысль с Мечеславе показалась девушке такой спасительной. Он ведь любит ее. И он весьма привлекателен.

Нет.

Нет?

Может быть, не зря ночь — время любви. Ночью к нам приходят самые смелые фантазии, ночью мы совершенно теряем голову и предаемся безумным мечтам — таким мечтам, о которых днем вспоминаем со стыдом. Особенно если их питает страх и безысходность. Зачем себя обманывать, ведь она по ночам не раз забывалась в грезах о нем. Зачем упрячиться? Зачем ломать жизнь и оплакивать свою судьбу, подобно этому святоше

Клеомену? Она сама говорила царю о несгибаемом духе венежан. Где же этот дух? Быть сильной — не значит быть справедливой. Она совершит это, а на остальное ей наплевать.

Искра надела восточный халат и вышла в коридор. Там властвовала непроглядная тьма. Но княжна не хотела зажигать свечу, чтобы не привлекать внимания. Идя на цыпочках, по стенке, неприятно холодной и влажной, девушка добралась до зала. Там также оказалось темно и, к счастью, пусто — привратница отсутствовала, скорее всего, где-нибудь спала.

Постепенно глаза привыкли к темноте, но это мало ободрило Искру — она поняла, что не знает, в каком из трех оставшихся коридоров находятся покои Мечеслава. Девушка смутно помнила, что в ту роковую ночь, когда погиб ребенок Анеи, князь пришел откуда-то справа. Искра посмотрела туда — в той стороне зияли чернотой два коридора.

Искра зашла в один из них и остановилась. Тут царил промозглый холод, здесь точно никто не живет. Она вошла в другой, и... сердце ее бешено заколотилось.

Мечеслав был где-то рядом. Не чуя под собой ног, она шла, обхватив плечи руками, и все сильнее и сильнее волновалась, должно быть, точно так же, как и он, когда признавался ей в любви. Она боялась, и сама себе казалась сошедшей с ума.

Дверь его была чуть-чуть приоткрыта, и через щель пробивался свет. Искра остановилась, ее знобило, но не от холода. Она сделала еще шаг, но потом развернулась и тихонько побежала назад.

«Нет!» — упрямо подумала она, остановившись. Назад пути нет. Она сделает это.

Дверь медленно открылась. Мечеслав, сидевший в отремонтированном кресле, при параде — в подлатнике, сапогах, — с книгой на коленях, вскочил.

Книга, зашелестев страницами, упала.

На пороге, прислонившись к косяку, стояла робко улыбающаяся Искра.

23. Слепым глазом...

В конце концов, это должно было когда-нибудь случиться — и случилось. Братья прибыли. Наверно, все княжество вышло поглядеть на это великолепное и устрашающее зрелище. Старики вспоминали, как когда-то, лет уж тридцать назад, присно памятный князь-батюшка Блажен отправлялся на запад во главе примерно такого же сверкающего войска. Отправлялся в свой последний поход. Глупый Эйк! И что ему дала та победа? Ничего, лишь чашу с цикутой! Вот так владыки Треары отблагодарили своего последнего героя — отравили его и присягнули на верность пяти королям, которые превратили еще совсем недавно могущественнейшую империю в посмешище.

Дубичские братья с торжествующим видом ехали вдоль убогих улочек черного Воиграда, и огромная толпа бедняков кланялась им в ноги. Казалось, что весь город — это сплошная нищета. Нависшее над устьем, словно напоровшееся на гниющую в воде флотилию солнце мешало встречающим лучше рассмотреть гостей.

— Почему они падают ниц перед ними? — спросил Мечеслав, восседая на коне. С ним были Авксент, Горыня, Искра и Олег — все тоже на конях. Позади, полукругом, выстроились бояре. Искра подумала, что они куклы, вытасенные из пыльного чулана.

Прошло чуть больше недели после помолвки царя с венежанской княжной. Мечеслав был пылко влюблен, чего о себе она сказать не могла. Искра так и не определилась, что чувствует к человеку, сжимавшему сейчас ее ладонь, — любовь? Вряд ли. Надежду уйти от одиночества? Она ощущала себя в роли воиградской княгини неуютно. Все время преследовала мысль, что она обманула... только кого? Андрею было все равно. В последнее время он все чаще запирался в библиотеке. К тому же девушка досадовала. После помолвки она разругалась с Горыней. Он был пьян и, не стесняясь в выражениях, осудил их внезапный союз. Искра была так зла, что готова была расцарапать брату лицо. Мечеславу с трудом удалось их утихомирить.

И все же Искра понимала, как тяжело Горыне. Он отчаянно хотел домой. Но пуститься в путь через проклятый лес никто бы не решился.

— Так что? Что ты думаешь?

— Ты у меня спрашиваешь? — очнувшись от мыслей, спросила Искра.

— Если ты знаешь ответ, то скажи, — сказал князь и повернулся к советнику. — Вообще-то я хотел узнать твое мнение, Авксент.

— Ваше величество, — пропыхтел тот, держась за поводья так, будто они могли уберечь его от падения с коня. — Простите, ваше величество, но... простой народ не думает, не размышляет о насущных проблемах так, как мы. Народ покоряется зрелищу.

— То есть, — чуть нахмурившись, проговорил Мечеслав, — ты хочешь сказать, что мои подданные готовы признать царем любого, сверкающего золотом и серебром?

— Ну... простите, ваше величество. Наш народ так обнищал, что... и о Дубиче идет такая слава — мол, они богаты и что Военег... он так грозен...

— Успокойся, я понял.

Последние дни стали самыми напряженными во взаимоотношениях Мечеслава со старшим сыном. Андрей все чаще пропадал в библиотеке с Доброгостом, а когда показывался на людях, упрекал отца во всем — и особенно в решении пригласить на свадьбу братьев. «Ничего хорошего из этой затеи не выйдет, — говорил он в крайнем

раздражении. — Не знаю, каковы планы у Военег, но Борис точно предложит тебе присягнуть ему. Нет, я неправильно выразился. Он потребует твое княжество себе».

Андрей был прав. Царству Всеслава Великого угрожала перспектива стать одной из провинций Дубича — вечного соперника. И сейчас, глядя на щенячий восторг бедноты, Мечеслав понимал, что угроза эта как никогда реальна.

Искра как могла поддерживала его. Но она не понимала, что плохого в дубичах. Как могут люди одной с ними крови быть непримиримыми врагами? И что плохого в объединении двух народов? «Степняки видят в вас рабов, — отвечал на это Мечеслав. — К сожалению, дубичские братья видят в нас то же самое. И хотя мы говорим на одном и том же языке и у нас схожие обычаи, вся история наша — это постоянная вражда, обиды, оскорбления, войны и так далее. У Бориса есть повод обижаться на Воиград. Причина этому — деяния моего достославного батюшки Блажена».

И тогда Искра сделала ему предложение, удивившее ее саму, — объединиться с Волчьим Станом. В конце концов, можно просто сыграть на этом. О настоящей силе ее родного княжества братья ничего не знали, как и о степняках. Хороший ход. Только что скажет Горыня?

А Горыня ушел в запой. Его с трудом удалось привести в порядок к визиту братьев. Он сидел на коне, сгорбившись и обливаясь потом. Будущий владыка Волчьего Стана. Искра снова поймала себя на мысли, что брат ей откровенно противен.

Но Андрей все равно остался недоволен. «Что-то поздно ты спохватился, отец, — сказал он. — Где ж ты был раньше? Одиннадцать лет сидел на престоле — и только сейчас вспомнил, что, оказывается, ты — князь. Что, перед молодой невестой красуешься?» После этого, даже не удосужившись выслушать ответ, Андрей удалился в библиотеку и больше из нее не высовывался.

Как поется в былинах: «А в ту пору у князя Воиградского столы были раздернуты, пировали князья, бояре и могучие богатыри».

Давно такого не было в древнем граде Всеславовом, и, надо отдать должное государю и его невесте, постарались они на славу. Столы, застеленные хрустящими белоснежными скатертями, расставили в пиршественном зале в виде подковы и покрыли разнообразными яствами. Здесь были и перепела, и жареные бараньи ребра; гуси в яблоках; вина, мед и квас; пышные караваи, печеные луковицы и различные сладости; и, конечно же, целиком зажаренные, с раскинутыми крыльями и грациозно выгнутыми шеями, лебеди. Две дюжины слуг — чашники и подчашие — рьяно прислуживали князьям, боярам и многочисленным гостям — всего, по подсчетам озабоченного Авксента, прикидывавшего в уме убытки, около ста человек.

Великий князь Мечеслав с Искрой сидели во главе стола. По правую руку находились Андрей, Горыня, уже клевавший носом, Авксент, Клеомен и еще несколько бояр. По левую — Борис с приемным сыном Ярополком — вихрастым юношей, смотревшим дерзко и внимательно; Военег с Добронегой, Асмунд, боярин Лавр — важный человек, может даже, самый важный из всех присутствующих — одних перстней не счесть; старый волхв Ольгерд — как и положено, с седой бородой; и, наконец, знаменитый богатырь Кир — могучий человечище с добрым и умным лицом. Далее, друг напротив друга, располагались все остальные: венежские десятники, воиградские воеводы и знатные горожане с одной стороны; мастера-мечники Путята и Волк, куны Беловодья и их гриди — с другой.

Разговор, поначалу представлявший из себя обмен любезностями, витиеватыми тостами за дружбу и во славу Воиграда, Дубича и Волчьего Стана и прочими ничего не значащими фразами, потихоньку перешел в другое русло. Мечеслав нашел интересных собеседников в лице Ольгерда и Лавра — они говорили о древних верованиях вересов, и посему к ним вынуждено присоединился Клеомен, претерпевший в тот вечер множество нападок в свою сторону. Багуны быстро подружились с венежанами и воиградскими воеводами — много пили и шумели. Злоба, под одобрительный хохот присутствующих, даже немного поборолся с Туром и положил его на лопатки. Тур охотно признал превосходство венежанина и предложил ему потягаться силами с Киrom, но богатырь вежливо отказался — он весь вечер сидел скромно, не говоря ни слова и совсем не употребляя спиртного. Асмунд что-то шептал Военегу, но тот не слушал и сидел со скучающим видом. Но, как показалось Искре, за внешним безразличием таился острый расчетливый ум и холодное сердце. Кстати, она была безмерно удивлена, узнав, что этот напыщенный красавчик и есть тот самый кровожадный убийца, именем которого мамыши пугают детей во всей долине Трех Рек.

Борис быстро набрался до легкого опьянения, все время подмигивал Искре и что-то невнятно говорил, при этом у него так плохо пахло изо рта, что она с трудом сохраняла на лице доброжелательную улыбку. Военег украдкой, сочувствуя, поглядывал на нее. Действительно, Борис оказался на редкость противным человеком: от него воняло, словно он не мылся с тех пор, как покинул Дубич, лицо было покрыто розовыми шелушащимися язвами, говорил он глухо и неразборчиво, при этом часто рыгая, — такое впечатление, что у него во рту находился чрезвычайно толстый и неповоротливый язык.

Вот и сейчас дубичский князь весь перемазался жиром, точно малое дитя, и потихоньку начинал клевать носом, тыркаясь большой плоской плешью в Искрино плечо. Девушка то и дело отталкивала его, но Борис продолжал упрямо клониться в ее сторону, покуда Ярополк не сжалился над обоими — с его ненавязчивой помощью Борис опустил, наконец, свою венценосную голову на предупредительно расчищенное место на столе.

— Итак, вы говорите, ваше величество, — спрашивал Ольгерд у Мечеслава, — что не собираетесь... м-м-м... упразднить Триединую церковь?

— Не собираюсь, — подтвердил он. — Я хочу оставить свободу выбора. Запреты, гонения сразу же возвысят церковников в глазах простого народа. И... вы знаете, сейчас весь мир постепенно отходит от традиционных верований, в коих воспитывались наши предки. Хотим мы этого или нет, но все Нижнеземье, за исключением степняков, верят в некоего... м-м-м... Каидада, кажется. Север — и Союз, и Шелом — признали Триединство главенствующей церковью. Да что там говорить, вот вам Марн — они знать нас не хотят. Дескать, вересы все сплошь язычники и дикари. Исходя из вышесказанного, дабы наладить прежние связи, возродить торговлю, просто необходимо пойти на некоторые меры. Триединство, как ни крути, нам нужно. А вот насчет древних верований... тут все не так просто. Боюсь, что возрождение былых традиций будет выглядеть несколько... неискренне и вряд ли найдет широкий отклик в сердцах людей.

— Исчерпывающий ответ, ваше величество, — сказал Лавр. — Мы — дубичи — уже ощутили на себе весь фанатизм вередорских жрецов. Они гнушаются иметь с нами дело. Увы.

— Сегодня я отдаю все силы на поднятие авторитета Дубича, — сказал Ольгерд. — Пишу трактаты, проповедую свое учение... Но это не так просто. Как вы и сказали, и для северян, и для вередорцев мы — закаменелые дикари.

Ляшко с грохотом свалился под стол. Асмунд откланялся и удалился, сославшись на кое-какие дела, не требующие отлагательств. Андрей также ушел, но тут ни у кого не возникло вопросов: увечья князя не давали ему покоя и бедняге просто необходим был отдых.

Кстати, дубичи несказанно удивились, узнав, что князь Андрей жив. Все гости, без исключения, полагали, что старший сын Мечеслава давно почил. «Рад видеть вас в добром здравии», — машинально приветствовал его Военег, на что Андрей ему сказал: «Не знаю, что лучше — быть мертвым или, как вы говорите, пребывать в таком вот добром здравии».

Пир продолжался, гости беседовали, а Искра тихонько рассматривала присутствующих, пытаясь понять, чего же ожидать от этих людей. Она обратила внимание на опрятного, привлекательного мужчину с немного грустным выражением лица. Военег громогласно объявил, что это Семен — чуть ли не национальный герой Воиграда и всей долины Трех Рек, благородный и честный разбойник.

Разглядеть поближе Военегу она так и не смогла, так как он сразу же перехватывал ее взгляд, чем, честно говоря, немного смутил. Этот красавец видел все, что происходило на пиру, и ни одна мелочь не ускользала от его внимания.

— Не правда ли, все прошло не так уж и плохо? — спросил Мечеслав, идя в обнимку с Искрой. — Я немножко пьян, Искорка. Ты уж прости меня.

— Ничего, — ответила она. — Сегодня был повод.

— Прошло все не так плохо, — повторил князь. — Согласись.

— Я бы так не сказала.

Мечеслав остановился и сразу как-то погрустнел.

— Наверное, я хочу думать, что все хорошо. Ладно, пошли, любимая.

Они вошли в опочивальню, освещенную так ярко, что Искра невольно зажмурилась. Повсюду — на полу, на мебели — стояли маленькие свечи в фарфоровых чашечках.

— Что это? Почему так... — но она не успела договорить: Мечеслав подхватил ее на руки и уложил на белоснежную кровать, обильно усыпанную лепестками роз, а сам опустился перед ней на колени.

— Искра, — сказал он, сильно сжав ее ладонь в руках. — Я хочу, чтобы эта ночь стала незабываемой. Кто его знает, что будет завтра...

Искра зажала ему рот ладонью.

— Не говори так, — сказала она. — Завтра будет день — мы будем вместе, и послезавтра будет день — мы будем вместе. И так будет всегда.

— Ты говоришь, чтобы приободрить меня, говоришь, потому что ты мудрая не по годам. Не знаю, любишь ли ты меня... Сердце твое не раскрылось до конца. Ты скована — и поэтому я хочу подарить тебе эту ночь. Я хочу раскрыть тебя, разбить цепи, что мешают нам. Сегодня, сейчас. Я уверен, сегодня ты обязательно познаешь любовь, ибо прошла неделя и первые боли должны исчезнуть.

Мечеслав провел пальцем по ее щеке.

— Сегодня, сейчас, — сказал он.

— Сегодня, сейчас, — ответила она.

Она сразу ощутила его спокойствие и уверенность. Прежде он волновался и руки его дрожали; теперь прикосновения были мягкими и почти невесомыми.

Они сидели на ложе, друг против друга; он медленно снимал с нее одежды, обнажая

юное тело — шелковистая кожа, крохотная родинка на шее, небольшие упругие груди, — а она смотрела ему в лицо. Взгляд его приобрел неизвестную ей прежде теплоту, — теплоту любящего мужчины, а не страшящегося неизвестности и мучившегося неуверенностью любовника. В его чертах, в улыбке, словно окутавшей ее отеческой заботой, промелькнули знакомые штрихи. И она не без смущения поняла, что влекло ее к нему — память о погибшем друге. И подумала: видит ли ее Девятко? Одобряет ли?

Наконец Мечеслав снял с нее все, затем ловкими, размашистыми движениями рук разделся сам, оголив на удивление молодое, поджарое тело. Она с замиранием сердца оглядела его — на груди кривой шрам, на левом плече вмятина, оставшаяся, по-видимому, от прошедшей насквозь стрелы. Мечеслав же, в свою очередь, буквально пожирал девушку глазами, и его мужское достоинство налилось силой.

Он мягко привлек Искру к себе и осторожно вошел в нее. В первый миг она с досадой испытала знакомые ощущения — боль и зуд, но постепенно это прошло, уступив место наслаждению. Наслаждение робко росло, точно первый цветок ранней весной, и вскоре расцвело яркими красками. Искра забылась в нарастающем экстазе, и теперь ей жгуче хотелось только одного — чтобы Мечеслав продолжал, продолжал любить ее. Она чувствовала его горячий стебель в себе, и это чувство было самым счастливым во всей ее жизни.

— Еще, еще! — шептала она. — Еще!

Оргазм длился сладостно долго; девушка выгнулась; задрожала, с силой стиснув его бедра; оцарапала ему спину; взмокшие волосы разлетелись по подушке.

Семя Мечеслава обожгло. Она застонала, впитывая последние капли их близости, и обессиленно раскинула руки. Князь упал рядом.

— Кого бы ты хотел? — спросила Искра.

— Честно? Девочку.

— Девочку... — повторила она. — Я подарю тебе девочку, родной.

Сказав это, Искра поцеловала его. И удивилась, насколько искренне это у нее получилось.

Стоило князю Андрею ступить в библиотеку, как к нему вышел Доброгост.

— У нас гость, ваше высочество.

— Гость? Кто же он?

— Он представился как советник князя Военег Асмунд. Вон он, за столом.

— Хорошо, Доброгост. Можешь идти. И налей нам чего-нибудь, вина, например.

— Слушаюсь, ваше высочество. Книги, какие вы просили, я приготовил.

— Отлично.

Асмунд погрузился в чтение книг, которые принес Доброгост, и не сразу заметил князя.

— Я так и думал, что вы здесь, уважаемый Асмунд, палач его светлости Военег Красивого... то бишь Кровожадного.

— А, вы пришли, наконец! — Асмунд проворно вскочил и указал Андрею на кресло. — Простите, я занял ваше место.

Андрей, бросив полный неприязни взгляд на непрошеного гостя, со стоном уселся.

— А мне дадут возможность присесть? — поинтересовался Асмунд.

— А зачем?

— Ну не выгоните же вы меня?

— Если б я мог, то давно бы уже так поступил, господин палач.

В этот момент появился Доброгост, держа в одной руке поднос с кувшином вина и двумя кружками, а в другой неся стул.

— Вы очень любезны, милостивый сударь, — с улыбкой сказал Асмунд, усевшись, и, не дожидаясь разрешения, налил себе и князю красного. — Только разрешите уточнить: я не палач, я, как говорит старина Лют, мастер-дознаватель. В моем ведении разгадка тайн, заговоров и тому подобных вещей. А палачом можно назвать любого в Сечи: для них отрубить голову либо посадить человека на кол — нехитрое дело. Итак, повторюсь, я — мастер-дознаватель (не скрою, мне нравится это выражение), и пришел к вам именно с этой целью.

— Неужели я уже успел насолить вашему красавцу? — спросил князь. — Может, моя кривая рожа ему не по нраву?

— Нет, нет и нет! — воскликнул Асмунд. — Мое дело интересуется только меня. Надеюсь, заинтересует и вас, княжич Андрей.

— Значит, вы не собираетесь выворачивать мне руки и поджаривать пятки?

— Боже упаси! Разгадывать тайны, или, иначе, дознавать, отнюдь не значит убивать. К тому же у вас и выворачивать-то нечего. Но приступлю к делу. Вы, как говорят, основательно устроились в библиотеке? Я угадал? Отлично. Тогда вот вам, возьмите это и прочтите.

С этими словами Асмунд протянул князю пергамент с предсказаниями Вышеслава.

— И что? — надменно спросил Андрей, прочитав.

— Вы знаете, кто автор этих строк?

— Кто?

— Вышеслав из Паучьего Камня.

— Он же умер два года назад.

— Но пергамент оставил. Мы нашли эту запись у него. — И Асмунд рассказал князю все в подробностях, не забыв упомянуть о дереве с мертвыми воронами.

— Щеке, надеюсь, башку снесли? — спросил Андрей, явно заинтересовавшись услышанным.

— В первую очередь.

— Так ему, проходимцу, и надо.

— Ваше высочество, давайте не будем отвлекаться. Я же вижу, вы клюнули на мой рассказ. Что можете мне сказать?

Андрей молчал, раздумывая.

— Можете вы точно сказать, был ли у Вышеслава сын? — нарушил молчание Асмунд.

— Конечно, был.

— Вот как! Расскажите о нем поподробней?

— Кажется, его звали Вадим. Он был незаконнорожденным, от связи с какой-то селянкой.

— Ясно. Торвенов и у меня хватает.

— Не представляю вас в постели с женщиной.

— Я люблю женщин и очень нежен с ними.

Андрей хрипло и отрывисто рассмеялся.

— Шутник, — сказал он. — Ну ладно. Что вам еще?

— Что-нибудь о Вадиме.

— Вадим, Вадим... а, вспомнил. Однажды он явился в тронный зал и публично, в присутствии царя Блажена, потребовал у своего отца долю в наследстве. Дед, в смысле, Блажен, был так разъярен наглостью убудка, что тотчас сослал его на каторгу. Что с ним стало дальше — неизвестно, как и то, чем он занимался до того и откуда пришел. Вышеслав вскользь упомянул лишь, что Вадим его... торвен. Может быть, это и не так.

— Очень ценные сведения, — задумчиво произнес Асмунд. — Есть какие-нибудь соображения по поводу написанного?

— Несколько.

— Слушаю очень внимательно.

— Если это откровение, данное свыше, то очевидно, что речь идет о важных событиях, может быть, таких как война. Все известные предсказания неизменно сулили войну и мор. Незадолго до вашего визита Менелая (вроде как моя мать — помните ее, надеюсь) убила ребенка служанки, младенца. Чем не *кровь ягненка? Таинственный замок и одинокая дева* — не о моем ли батюшке и его неожиданной возлюбленной Искре идет речь? Наши добрые друзья из Волчьего Стана столкнулись по пути сюда с нечистью. Один из мертвяков что-то выкрикивал насчет запаха. Может, он имел в виду *запах тлена*? Если мертвец, конечно, может что-то иметь в виду. *Древо смерти* вы видели. Что там еще? *Яблоки и веселящее вино...* Наша пирушка не подходит? Нет? *Тьма подземелья...* подземелий на свете полно, какое именно? Вообще, все, что здесь написано, можно трактовать по-разному... *Гибелью Двух Братьев, Красного Петуха и Сына Сомнения..* А вот это интересно! Знаете что, мастер-дознаватель Асмунд? Что главное?

— Что же?

— В таких событиях, как война, важную роль играют именно сильные мира сего — вожди, а не какие-нибудь крестьяне или разбойники. А у нас, и не только у нас, Бориса и Военегу называют не иначе как «братья». Вышеслав, уважаемый мастер-дознаватель, — подданный нашего княжества и, разумеется, тоже пользовался этим словом.

— Не может этого быть, — произнес потрясенный Асмунд. — Вы полагаете, что старик предсказал смерть Бориса и Военегу?

— Хотите сказать, что они бессмертны?

Утром после пира большинство пребывало в неважном состоянии. Мечеслава, Лавра. Военегу и Ольгерда оказия, именуемая в простонародье похмельем, никак не потревожила, вследствие чего, после скромного завтрака в малом столовом зале, все четверо в сопровождении бояр, дубичских придворных и дружин отправились осматривать Воиград. В тот день они посетили храм, произведший неизгладимое впечатление на Ольгерда, Черный город, поохотились в лесочке, дико заросшем терновником и крапивой. Кир даже завалил кабана, невесть откуда взявшегося в пригороде...

Искра навестила Добронегу. Обе девушки быстро нашли общий язык и провели вместе целый день. Искра безмерно возрадовалась найденной подруге. Тихий и кроткий характер Неги отлично сочетался с импульсивной натурой венежанской княжны. Они гуляли в саду, ели фрукты, вели девичьи беседы и так увлеклись, что совсем забыли обо всем остальном.

Но расскажем немного о Борисе, ибо то, что он, с позволения сказать, вытворял в тот чудесный день, сыграло немаловажную роль в последующих событиях.

Борис, как вы уже успели заметить, был прескверным человеком. И это касалось не

только физиологических особенностей, но и характера. Не последнюю роль в этом сыграла его мать Ольга. После изгнания Военег из княжества она возненавидела Бориса и впоследствии постоянно укоряла его за это, оскорбляла, в общем, вела себя самым неподобающим образом. Борис, никогда не отличавшийся ангельским нравом, окончательно ожесточился. За двадцать лет правления он сменил двадцать жен — половина умерла от побоев, половину постригли в послушницы зловещей богини Навиии. Приступы ярости, пьянство и мордование подданных — обычное явление в великокняжеском дворце в Дубиче.

При всем этом Борис не был таким уж злодеем. Здесь уместно некоторое сравнение с его младшим братом. Военег — красив, статен, велеречив, воспитан; Борис — неказист, груб и задирист. Военег хитер, а Борис прост, как медный грош. Дубичский князь долго зла не держал, отличался щедростью. Он мог избить, обругать, выпороть, а спустя полчаса как ни в чем не бывало разговаривать с пострадавшим, как со старым другом.

Итак, Борис проснулся. Кряхтя, он явился на кухню, где уже сидел Горыня. Вместе сиятельные особы выпили, поговорили по душам, после чего Борис, чувствуя приятное головокружение, вновь отправился спать.

Проснувшись уже после обеда, Борис снова завалился на кухню. Горыни там не оказалось, а слуги должного внимания на гостя не обратили. Под руку попался Гриша, отделившийся разбитым носом.

Далее Борис направился в конюшню, где хотел проверить своего коня, и, сочтя уход за своим скакуном недостаточным, прошелся плеткой по спинам мирно спящих там багунов и венежских дружинников. Вольнолюбивые разбойники и не терпящие посягательств на свою независимость венежане возмутились, и быть бы Борису битым, если бы не вовремя подоспевший Ярополк по прозвищу «цепной пес» с мастером-мечником Волком во главе полусотни разъяренных дубичей.

Багуны с венежанами забаррикадировались в конюшне и обстреляли из луков воинов Волка, ранив троих. Дубичи, в свою очередь, вознамерились сжечь конюшню, но тут вмешался Авксент. Ему удалось утихомирить разбушевавшегося не на шутку Бориса, но ценой страшного оскорбления. Примирившись, неприятели во главе с самим Борисом решили поиздеваться над расфранченным советником: раздели его догола, вываляли в навозе и воткнули ему в задний проход пару петушиных перьев.

Несколько развеселившись после такой милой его сердцу забавы, Борис вернулся во дворец и стал там задиравать служанок, щипая их за ягодицы. Мало того, выведя во двор всех мало-мальски привлекательных девиц, он приказал им снять с себя всю одежду и в таком виде потешить его танцами. Девушки отказались, и Борис в ответ велел Ярополку... всех выпороть.

В самый разгар экзекуции, за которой с превеликим интересом наблюдали багуны, во двор вышел Горыня. Брат Искры повел себя на удивление благоразумно и осторожно. Он не стал прерывать наказания, но увел Бориса в сторону и поговорил с ним с глазу на глаз. Как ни странно, это возымело действие — дубичский князь присмирел, прогнал пасынка с парнями, отпустил девушек и велел подать себе в комнату пиво и шмат жареного мяса.

Ближе к вечеру вернулся Мечеслав с гостями.

— Я не намерен терпеть подобные выходки в моем доме, — категорично заявил Мечеслав. — Вынесли оскорбление лично мне.

Князь Воиграда сидел на троне, пунцовый от злости. Рядом находилась Искра, внешне

никак не выдававшая своих чувств. Борис, отхаркиваясь, нервно прохаживался по залу, за ним тенью следовал Ярополк, остальные — практически все присутствовавшие накануне на пиру — молча стояли в стороне.

— Оскорбление! — возвысив голос, повторил Мечеслав.

— И что с того? — спросил Борис.

— Я требую, чтобы вы немедля покинули Воиград.

— Срать я хотел на твое требование! — Борис подкрепил сказанное смачным плевком в сторону трона.

— Что вы сказали? — переспросил не понявший его Мечеслав.

— Подождите, государи! — вмешался Лавр. — Давайте не будем кипятиться. Ваше величество, — обратился он к Мечеславу, — позвольте переговорить с вами наедине?

— Да, я слушаю.

Лавр подошел к трону, и, покосившись на Искру, замялся.

— Говорите, у меня нет от нее секретов.

— Хорошо, — понизив голос, сказал вельможа. — Государь, я уже рассказывал вам о странностях нашего князя. Вы себе не представляете, сколько мы претерпели неудобств из-за его... вздорного характера. Мы столько приложили усилий, чтобы свести его вместе с Военегом, и что? Уже на следующий день наш князь, искренне плакавший при встрече с ним, наговорил ему кучу гадостей. К счастью, Военег Всеволодович оказался выше мелких обид. Молю вас, возьмите с него пример и не хороните наши надежды на возрождение добрососедских отношений. Ведь, — еще тише прибавил он, — Борис только сидит на троне, понимаете? Сидит и... харкается. А правим-то мы. Завтра мы спокойно обсудим все наши проблемы как умные люди.

— Господин Лавр, — сказала внимательно слушавшая его Искра, — разрешите вопрос?

— Конечно, государыня.

— Что бы вы сделали, если бы к вам пришел, допустим, такой же боярин, как и вы; нагадил бы в вашем доме, изнасиловал жену, поколотил бы детей, наплевал на все ваши ценности?

— Госпожа... — начал Лавр, но Мечеслав прервал его:

— Идите, господин Лавр. Я вас понял. Итак, — сказал он громко, — что вы скажете мне, великий князь?

— Я? — переспросил Борис. — Что я могу сказать? Скажу, что никуда отсюда не уеду. И ты мне не указ. Для меня ты — неудачник. Твой трон скоро станет моим!

— Не надо так, брат, — сказал Военег. — Утихомирься.

— Заткнись, холоп! Иди трахай свою нищенку! Но не думай, что я разрешу тебе жениться на ней!

Военег повесил голову, но Искра, все время украдкой поглядывавшая на него, заметила, что он ухмыляется.

— Ты женишься на ней! — Искра вздрогнула и увидела, что Борис указывает на нее. — Волчий Стан, конечно, не ахти какое царство-государство, но тебе ихняя княжна будет в самый раз — кровь, как-никак, царская! Твою девку в постриг, Мечеслава на кол — и ура! Воиград наш! Завтра же я дам соответствующие указания. Так что, царек, посиди в своем кресле еще ночку, я разрешаю, ха-ха-ха!

К счастью, Борис говорил очень быстро и непонятно, а Ярополк, привыкший его дублировать, был жестко остановлен Ольгердом. Но надеяться на то, что Мечеслав ничего не

поймет из Борисовых слов, было все же глупо. Все с замиранием сердца ждали его ответа.

— Мечеслав, муж мой, Мечеслав! — Он не сразу заметил, что Искра тянет его за рукав. — Давай уйдем?

— Уйдем?

— Посовещаемся. Не будем горячиться. Утро вечера мудренее. Послушай меня, пожалуйста. Уйдем, позовем Горыню, Авксента, может, Злобу, Черного Зуба, Олега... Поговорим, подумаем. Если так все выходит, то надо проявить осторожность. Силой ты ничего не решишь, а если будешь на горячую голову отвечать ему, то действительно можешь потерять княжество.

— Потерять? — Мечеслав был шокирован и растерян.

— Пойдем, мой милый...

— Вы что там, милуетесь, что ли, а, красны девицы? — спросил Борис.

Искра встала. Мечеслав остался сидеть, пальцы вцепились в волосы, лицо осунулось.

— Дорогие гости! — сказала она царственным, уверенным тоном, заставившим обратить на нее внимание даже нахохлившегося дубичского князя и его прихвостня пасынка. — Прошу вас, расходитесь. Уже поздно и все мы устали. Завтра мы встретимся и поговорим. — Последние слова она произнесла, посмотрев на Бориса таким ледяным и полным пренебрежения взглядом, что он так и остался стоять с открытым для очередной колючей реплики ртом.

i Пяти королям — после изгнания из Павсема Карла Кровавого в 778 году последовали смутные времена, называемые Временем Безвластия. Длилось около тридцати лет — до 809 года, когда состоялся Съезд пяти королей — бывших властителей треарийских провинций, где и было объявлено о создании *Союза Пяти Городов*. В него вошли:

королевство Кририя (Рория);

королевство Снегия (Мальтрот);

королевство Куния (Куния);

королевство Северная Алария (Арнум);

королевство Килия (Майргард).

В 845 году Тут из Эйка, захватив власть в новой столице империи — Пронте, силой вернул контроль над Северной Аларией, Кририей, Кунией и Килией. Снегия сочла разумным подчиниться без боя. В 846 году Тут объявил о восстановлении империи, но спустя полгода был отравлен. Убийц подослал Союз Пяти. Империя окончательно прекратила существование.

ii Навия — богиня смерти у дубичей, иссенов (южных воиградцев), верхневоицев (народность, живущая на побережье Западного океана), болотников.

24. Колыбельная

Мечеслав не любил малую тронную залу, находившуюся в другом крыле дворца. Не любил из-за отца и братьев. За все правление он ни разу там не появился, и зала пришла в запустение.

Малая тронная была залита светом. Искрящимся утренним светом, и это несколько сгладило неприятные воспоминания. Он прошел внутрь, оставляя следы на покрытом многолетним слоем пыли полу, к одинокому трону, стоявшему в пустом помещении, точно узник в темнице.

Трон, высеченный из цельного шеломского камня, обитый растущим только в Безлюдье, не гниющим, твердым, как железо, красным деревом, и сейчас поражал неприступностью и видом. Мастера изготовили трон в виде двух орлов: свирепые морды служили подлокотниками, переплетенные крылья — спинкой, когтистые лапы — ножками.

Мечеслав не хотел сюда приходить. Он нервничал, но вынужден был согласиться с Искрой, убеждавшей его провести совещание в уединенном месте, подальше от нахального гостя.

Князь не спал всю ночь. Вчерашний скандал не выходил из головы. Почему он смалодушничал? Почему сломался, не ответил, как истинный правитель, как сильный монарх, как... отец, будь он неладен? А вот Искра... он мучился от растущего неприятного чувства: ему казалось, что она начинает презирать его. Презирать как слабого, нерешительного человека, легко поддающегося соблазнам и так же легко отступающего перед трудностями.

Совсем недавно он сказал себе: все, я начинаю новую жизнь. Я вместе с любимой женщиной начну возрождать Воиград. Наперекор всему, назло всем! И первая же трудность повергла его в шок. Сомнения, страх преследовали всю ночь, и он не шевелился, боясь разбудить Искру и выдать охватившее его возбуждение.

Боясь выдать...

— Вы здесь? — Голос Горыни отдался гулким эхом.

Мечеслав вздрогнул от неожиданности, рука вцепилась в хищно изогнутую шею орла. Он трусовато отдернул ее и отпрянул от трона — ему на миг показалось, будто орел усмехнулся — самым уголком широко раскрытого в жажде убийства клюва.

— Искра сказала, что вы будете здесь, — сказал Горыня, подходя к нему. — Красивый трон, мне бы такой.

— Здесь любил сидеть Блажен, — не поднимая глаз, глухо произнес Мечеслав. — Здесь он отдавал приказы и иногда лично наказывал нерадивых подданных.

«В том числе и меня», — подумал он, вспоминая тот день, когда отец вот тут, на этом же месте, где сейчас он стоит, выпорол его. Тогда Мечеслав, повинувшись сиюминутному порыву, пришел в зал, а когда братья велели ему убираться, ответил отказом. Отец встал, подошел к нему и, бросив на него короткий, равнодушный взгляд, велел снять штаны.

Мечеслав, парализованный страхом, повиновался. Три несильных удара — и просто-таки вселенский позор: битком набитое людьми помещение сотряслось от смеха. Братья пинками прогнали его, со слезами на глазах ползущего мимо с хохотом расступающихся бояр...

Почему его так не любили? Он никогда не задавал себе такого вопроса, воспринимая

все происходящее с ним как одну сплошную несправедливость, покуда Лев на смертном одре не сказал ему, в чем причина:

— Вот что значит судьба. Год назад я и в мыслях, в самых кошмарных снах не предполагал, что ты в итоге станешь править. Жаль, у меня нет детей... Ты всегда был слабаком, уродец, — вот в чем твоя беда. Ты не участвовал в наших играх, не дрался с нами, а сразу же сдавался, стремился избежать любой неприятности — убегал, плакал, унижался. Ты, черт тебя дерь, никогда не был мужиком, уродец...

И тем не менее, несмотря на эти слова, неприятные, обескураживающие, Мечеслав до сих пор думал, что истина кроется в другом. По-настоящему он стал жертвой непредсказуемо капризного, неуравновешенного характера отца. Блажен делил людей на два типа: на подчиненных, бывших для него все равно что мебелью, и на врагов, в отношении которых он проявлял всю гамму чувств: ненависть, презрение, неприязнь и даже нечто вроде влечения — стремления мучить и измываться. Блажен обожал казнить врагов. И никто не мог заранее предсказать, кто станет им — врагом.

Пока он размышлял, в малую тронную пришли остальные: Олег, на чьем юном лице застыла деревянная улыбка. Злоба и Черный Зуб. Авксент, печальный, но не изменивший приверженности к ярким нарядам — прям-таки гном, сидящий на сундуках с добром в недрах горы, но тоскующий по яркому солнцу.

Последней вошла Искра, как всегда красивая и свежая — именно такое слово приходило Мечеславу на ум всякий раз, когда он глядел на нее — молодую, пышущую здоровьем. Она взяла его за руку и поцеловала в щеку, хотя выражение ее лица — несколько холодное — так и не изменилось.

— Спасибо вам за то, что пришли, — сказала она. — Давайте обсудим наши проблемы.

— А чего тут обсуждать-то, Искорка? — сказал Злоба. — Дело — болото. Если Борис и впрямь захочет сесть на трон, кто ему в этом помешает? Олежка, что ль? Да не смейся меня.

— Помолчал бы ты, — сказала Искра. — Не ты ли стоял и лыбился, глядя, как унижают почтенного Авксента?

— Помилуй, княжна! — изумился великан. — Что я должен был сделать? Броситься спасать советника? Тридцать... и даже меньше — сколько нас было-то, там, во дворе, а, Зуб?

— Двадцать. — Черный Зуб стоял неподвижно, невозмутимо, скрестив руки на груди и ни на кого не глядя.

— Двадцать. Итак, княжна, я должен был с двадцаткой броситься на полсотни? Только затем, чтобы спасти честь какого-то толстого боярина?

— Да, должен был! — закричала Искра. — Ты...

— Ничего я не должен! — Злоба нахмурился и сжал кулаки. — Я Мечеславу не присягал! Авксент сам виноват. Был бы похож на мужика, авось, и не тронули б его.

— Осади, Злоба, — сказал Горыня. — Думай, с кем разговариваешь.

— Не надо ссориться, господа, — сказал Авксент. — Уважаемый Злоба прав. Он ничем мне не обязан. Было бы безумием... вмешиваться. Успокойтесь. Я ни на кого не в обиде. Поговорим спокойно. — Советник горестно вздохнул, что выглядело, честно говоря, смешно, и сказал: — На душе у меня тяжело. Но я все же скажу, уж простите меня, ваше величество.

— За что простить? — хмуро поинтересовался Мечеслав.

— Я не вижу иного выхода, кроме как признать себя вассалами Дубича.

— Ни за что!

— Подумайте, ваше величество.

— Нет!

— Не понимаю, почему вы упрямитесь? — спросил Горыня.

— А почему вы не признаете себя вассалами степняков? — спросил в ответ князь.

— Потому что мы и степняки — два разных народа. Ничего общего у нас нет. Ничего — даже питаемся мы по-разному, одеваемся, молимся, думаем. А вы с дубичами чем отличаетесь? Верой? Все ваше многолетнее противостояние, взлелеянное, как вы говорили, веками соперничества, — полнейшая чепуха. Наоборот, вам надо объединяться. Не ровен час, степняки, а может, и та нечисть, что нас так потрепала в Шагре, явятся к вам. Сожрут вас, ваше величество, потом Дубич, а потом и Беловодье, и... что там дальше? Всех сожрут. А вы и не заметите, ведь для вас главное — ни в коем случае не поддаться соседу.

— Таково ваше мнение? — сухо поинтересовался Мечеслав.

— Только не начинайте мне рассказывать о Всеславе, Божидаре и всех прочих. Тошно уже.

— Но как же быть с оскорблениями? Простить? Сказать, дескать, хорошо ли позабавились? Может, еще чего надо? На карачках пред Борисом поползать?

— Это другое дело, — почесав макушку, сказал Горыня. — Вот мой вам совет, ваше величество, — поговорите с ним наедине. Обсудите все, потолкуйте.

— По душам? — ехидно спросил Мечеслав.

— Зря вы так, государь. — Горыня усмехнулся. — Борис мужик неплохой.

— Да, — с презрением произнесла Искра. — Уж ты с ним быстро спелся.

— Спелся, спелся. Еще добавь, что я пьянь. Никогда ты, сестричка, не исправишься. Все глядишь на меня как на змею подколодную. Что зыркаешь? Наплевать мне на твое презрение, государыня... без государства. Что-то не верю я тебе. Фальшивишь, сестричка, фальшивишь. Без году неделя в Воиграде, а прикидываешься, будто больно тебя судьба его беспокоит.

— Представь себе, беспокоит.

— Ну, раз беспокоит — желаю удачи. Позвольте мне уйти, ваше величество. Мой совет вы уже слышали.

Мечеслав, к тому времени совершенно павший духом, кивнул. Горыня коротко поклонился и ушел. За ним последовал Злоба, все еще кипевший гневом.

— А что ты скажешь, Черный Зуб? — с надеждой в голосе обратилась к десятнику Искра. — Скажи свое слово, скажи смело, мы примем любой совет. Так ведь, Мечеслав?

— Да, — рассеянно подтвердил князь. — Так.

Черный Зуб молчал.

— Не хочешь говорить? — поинтересовалась Искра, подходя к десятнику вплотную. — Или не знаешь, что сказать?

Она взглянула ему в глаза.

— У тебя черные глаза, Гуннар, — проговорила она. — Знаешь, только сейчас я поняла, насколько ты... далек от всех нас. Тебя ведь не Воиград тревожит? Что-то другое, так? Я помню, как про тебя говорили... что же... ах да — тебя нашли в степи. Лет десять назад. Одного, умирающего. Истощенного. И не убили только потому, что ты не очень похож на степняка. Так было?

Гуннар невозмутимо кивнул.

— Кто ты?

— Так ли важно, кто я? — ответил он.

Искра не нашлась что ответить.

— Я ваш слуга, — добавил Черный Зуб. — Приказывайте — все, что в моих силах, я сделаю. Но спасти вашего возлюбленного я не в силах. И никто не в силах. Кто в этом виноват — не мне судить. Но вам не устоять. Некому стоять.

Что-то в его словах заставило ее поверить ему.

— Нет, — прошептала она, опустив голову.

— Это не страшно, — услышала она его хладнокровный голос. — Княжества рождаются. Исчезают.

Гуннар снова замолчал.

— Ты не договорил, — сказала Искра и подняла голову.

Но десятник уже ушел.

В это же время дубичи совещались на кухне.

— Я не гамегех уа хгухать, — проговорил Борис с ртом, битком набитым снедью. — Хегойте ых шшеба умжикоу. Кто, в кошше хошшоу, уайи? Пхавиго — я!

Он говорил зло, выбрасывая изо рта крошки хлеба. Справа от него прямо на столе сидел Военег, слева стоял, точно страж, Ярополк. Напротив, на лавках, — Лавр, Семен и Асмунд рассматривавший впросвет темно-зеленую бутылку с вином. Ольгерд стоял поодаль.

— Так нельзя, — покачав головой, сказал Лавр.

— Пошему? — спросил князь.

— Подождите, господин Лавр, — вмешался Военег, сдувая пену с пива, налитого в глиняную кружку. — Переведите мне, пожалуйста, что сейчас сказал мой дражайший брат?

— Ух ты! — ухмыльнулся Борис — Хегов баамут. Тьфу!

— Кхе-кхе... с вашего позволения, государь, — помявшись, проговорил Лавр и повернулся к Военегу: — Его величество изволили сказать, что он не намерен ждать. Как я понял...

— Ты хочешь сейчас же сесть на трон? — не слушая его, спросил у Бориса Военег. — Мечеслава на кол, а сам на трон? Надо же, какой прыткий!

Борис в ответ на это грохнул кулаком по столу и рванулся к брату, как ни в чем не бывало cedившему пиво, но наскочил на сдвинутую им же лавку и с ревом упал вниз лицом. Ярополк подбежал к нему и помог встать.

Борис разбил нос. Из перекошенного в лютой злобе рта вываливалась плохо пережеванная пища, смешивалась с кровью и пачкала торчащую дыбом бороду. Он поднял трясущийся палец на Военегу и что-то гневно промычал. Что именно — не понял даже Ярополк.

— Можешь сколько угодно скалить зубы, государь мой брат, — сказал Военег, преспокойно осушив кружку и аккуратно поставив ее на стол. — Но любую вещь надо заслужить. Вот скажи мне, скажи человеческим языком, заслужил ли ты хоть что-нибудь в жизни?

Борис покраснел, запыхтел, но ничего не ответил.

— Молчишь? — язвительно продолжил Военег. — Хорошо, тогда скажу я. На мой взгляд, ты ничем не отличаешься от Мечеслава — оба вы случайные люди, волею судьбы севшие на престол. Заметь — волею судьбы! Наследство здесь ни при чем. Я вообще считаю этот закон, мягко говоря, несовершенно... да попросту глупым. Допустим, я — царь. А мой сын — полный идиот. И что, я должен после себя отдать ему царство? Отдать царство

идиоту? — Военег хмыкнул, почесал щеку и продолжил: — Я был изгнан — за что я тебе благодарен, брат, — но не сломался, а добился успеха. Я первый, кто сумел объединить множество разбоничьих шаек, доставлявших всем окружающим государствам массу хлопот. Я подарил вам мир — и Дубич давно уже не беспокоит Сечь. И вижу, что зря. Ты хочешь воцариться в Воиграде, не ударив палец о палец, так? Не будет этого. Слышишь, брат? Не будет!

— Да что ты мне сделаешь, красавчик? — заорал Борис. Военег склонил голову набок, внимательно слушая его нечленораздельную речь. — Побьешь меня? Да набеги твоих оборванцев всего лишь комариный укус, етитмь! Плевал я на тебя и на твою Сечь, етитмь! Кишка тонка, етитмь! Прикажу, и повесят тебя, а шлюху твою — в яму к батракам! Вот, бля!

Ярополк тщетно пытался успокоить Бориса, чьи глаза превратились в два пылающих пятака. Но после того, как князь капризно оттолкнул его, явственно обозвав поросычьим хером, Цепной Пес внезапно выпрямился. Взгляд его похолодел.

— Знаешь что, батя, — сказал он. — С тех пор как ты соизволил принять меня в свою семью, милостиво назвав сыном, я ни разу не услышал от тебя ни одного доброго слова. Между тем — я не дурак, знаю, — все вокруг говорят, что я готов лизать тебе пятки. Да так и было, чего уж там. Я служил тебе... хм... как верный пес, а в ответ неизменно слышал: да пошел ты, урод, недоумок и так далее. Все, хватит. Царствуй себе на здоровье, но без меня.

Военег захлопал в ладоши. Ярополк свирепо глянул на него, плюнул в сторону и ушел.

— Вот к чему мы пришли. — Ольгерд степенно вышел из дальнего угла кухни, где находились мешки с мукой, корзины с хлебом и овощами. Прошел к собравшимся и неторопливо уселся рядом с Асмундом, всецело погруженным в свои мысли.

— Ну и? — спросил Военег, закинув ногу на ногу. — К чему мы пришли?

— Ваше величество, — обратился к Борису, застывшему с разинутым ртом, Ольгерд, — присядьте, не стойте вы так.

Борис отрешенно посмотрел на волхва и сел.

— Вы делите шкуру неубитого зверя, почтенные господа. Хочется заграбастать Воиград? Так ведь, государь? Признайтесь, ваше величество, разбойничья рать вашего брата смущает вас, лишает вас покоя? И правильно. Чего ради Военег должен отдавать вам столь лакомый кусочек? Центр Верессии, точка, соединяющая Запад и Восток.

— К чему все это? — Военег внешне был спокоен, но внутри него закипала ярость.

— Я хочу лишь охладить ваш пыл, господа. Будьте благоразумны. Немного поднажмем, и Мечеслав наш. Пусть сидит себе здесь. Главное, чтобы он все делал так, как нам угодно.

— Врешь, старик, — бросил Военег. — Хочешь поучить нас жизни? Может, еще напомнишь мне о моих грехах? А чем эта тупая, жирная свинья, которая не может даже привести себя в порядок, отличается от меня? Разве он не бил нашу мать? Разве он не оскорблял ее? Почему, скажи мне, изгнали меня, а не его? Потому что он князь? Я надеялся, надеялся, черт возьми, повстречать брата. Брата! А повстречал грязного, вонючего дурака, ополоумевшего с годами. Он хочет сесть на трон. Да пусть! Я свистну моим ребятам, и они отнесут его туда и посадят. И заставят Мечеслава, этого слащавого мужеложца, поклониться ему в ноги. Что от этого изменится? Что подумают мои ребята? Что ты думаешь по этому поводу, а, Семен?

— Не знаю, — буркнул Семен, грызя копченую гусиную ножку. — Ваши игры меня не интересуют.

— А что тебя интересует? — ехидно спросил Лавр.

— Свобода. Свобода меня интересуется. Свобода, мать вашу, и отстаньте от меня. Дайте поесть.

Военег никак не ожидал такого ответа от своего любимого куна и осекся на полуслове. Борис, с наимрачнейшим выражением лица, тяжело молчал. Но Ольгерд просиял.

— Как я вижу, — сказал он, — ваши ребята не очень-то, как соизволил выразиться Ярополк, лижут вам пятки. Берегитесь, Военег Всеволодович, — не ровен час, и они бросят вас. Вот так-то.

Асмунд с хлопком откупорил зеленую бутылку, налил себе вина в чашу и, с видом знатока сделав глоток, сказал:

— Эх, господа, господа. Чую, договоритесь вы до ножей. А между тем ничего ведь не решено. Что будем делать-то? Гулять на свадьбе или трясти местного царька? Мол, отдай нам свое царство-государство подобру-поздорову. Отдай, не то худо будет. А кому? Под чье, так сказать, крыло? Царю Дубича или вам, князь? Решите уж этот вопрос между собой. А нас — тут я соглашусь с Семеном — не вмешивайте. Но мой вам совет. Давайте сначала свадебку, а то мужики больно погулять хотят.

— Свадебку?! — взорвался Военег. — После того, что тут натворил мой братец? После оскорблений, которыми он осыпал и Мечеслава, и меня, и мою женщину?! Забудь! Не похож Мечеслав на сумасшедшего. Да и невеста его та еще штучка. Нет. Решаем, господа. Я заявляю, что Воиград не отдам. Не для того я сюда приехал! Не для того Сечь шла за мной! И вам со мной не совладать, уж поверьте мне. У меня сил больше. Я знаю — багуны свободолюбивы и независимы. Но не будь я Военегом, если не дам им того, чего они действительно хотят. А хотят они вовсе не свадебных гуляний.

Борис встал. Вытер рукавом рот. И на удивление отчетливо произнес, с ненавистью глядя брату в глаза:

— Не отдашь, говоришь? Это мы еще посмотрим.

Семен ушел с кухни раздосадованный. Ушел стремительно, и эхо шагов разносилось по сводчатым коридорам дворца. Оказавшись на улице, Семен остановился и облегченно вздохнул.

Последние дни прошли в вынужденном пьянстве, и от этого никуда нельзя было деться. Семен пил, глядя на опостылевшие ему лица; отсыпался, потом снова пил. Военег то и дело звал его — кажется, только для того, чтобы он покрасовался своей более или менее приличной внешностью и удовлетворил неугасающий интерес местных и неместных вельмож к легендарному воиградскому тадхунду.

Семену надоело. Ему хотелось вырваться из этого круга. Вырваться навстречу мечте, свободе. Может быть, это родной город, изменившийся до неузнаваемости, так повлиял на него? Когда они проезжали по улицам Воиграда, Семен с тоской и удивлением всматривался в узкие, темные переулки, переполненные грязью и нищетой. В дни его юности город буквально распирало от огромного количества народа, проживавшего здесь. Дворы купцов, палаты бояр, университеты, библиотеки, рынки, нарядные площади со множеством увеселительных заведений, — все это мало чем уступало в великолепии только-только воздвигавшемуся тогда Кремлю.

А сейчас эти дворы пустовали. Черные, покосившиеся дома зияли бездонными провалами окон. По опустевшим улочкам гулял ветер, носивший мусор. И повсюду — бедные, обреченные люди, глядевшие на них с нескрываемой надеждой.

Семен возненавидел этот Воиград. Он проклял Блажена, ввергнувшего цветущий край в бездну. Он еле сдерживался, видя, как дубичские братья с приспешниками, словно ненасытные псы, готовы вонзить зубы в этот гниющий кусок.

Он хотел сбежать.

Семен жаждал уединения. Однако все же привычно пришел к казармам, где расположилось большинство багунов. Заметив шумную компанию во дворе, он остановился, но было поздно.

— Эй, батько! — заорал Тур. — Подь сюда! Выпьем! Смотри, чаво мы надыбали! Бражку, едрить твою мать! У попов! Взяли в оборот одного ихнего — кажись, его зовут Клеарх. И тряханули гада — сразу все отдал, чертов сын!

— Уж больно гадка, — проворчал Ляшко. — Не пей, Семен. Лично мне не лезет. Тьфу!

— Не хочу я пить, — буркнул Семен, жалея, что пришел сюда. «Можно было исчезнуть куда-нибудь, — подумал он. — Так нет, опять приперся. Эх, ноги мои, ноги...»

Искомая бутылка, оплетенная ивовыми прутьями, стояла прямо на земле. Десять или двенадцать человек расположились вокруг нее тесным кругом: кто на пеньке, кто на ведре, а кто и на траве, поджав под себя ноги.

— Че смурен-то? Не налил Военег али как? — поинтересовался Тур. — Так мы щас енто дело поправим.

— Нет, не надо. Пойду лучше прогуляюсь.

— Прогуляюсь? — переспросил Леваш, открыв рот.

— А! Так ты девку какую хошь... тово? — спросил Тур.

— Может быть.

— Вышей для храбрости.

— Чего?

— Правильно, — сказал Мал. — Багунам, ядрена вошь, перед боем незачем храбриться. А что есть грех, как не самый бой?

— А раз бой, — изрек Тур, подняв треснутую деревянную кружку, медленно истекающую церковным самогоном, — так вонзи в нее свой меч! По самые, едрить ее, помидоры. И поворочь там как следует!

— Непременно, — бросил Семен, удаляясь и радуясь, что так быстро отвязался.

«И куда идти? — думал он, бесцельно бродя по переулкам. — Что делать? Надо бы найти укромное местечко и обдумать, как мне смыться и куда смыться».

Позади казарм находился длинный приземистый кирпичный сарай, крытый обомшелой черепицей и окруженный одичавшей тополиной рощицей. Около одной из отдушин кружила сипуха, держа в клюве крысу. Семен остановился. В отдушине находилось гнездо, и невидимые птенцы издавали громкий писк, видимо, почуяв мать. Семен уселся под одинокой березой, прислонился к стволу и, сунув соломинку в рот, начал следить за полетом сипухи.

Она сунулась в дыру и спустя минуту вылетела. Покружила около, убедилась, что поблизости нет хищников, вспорхнула ввысь и исчезла в голубой дали.

«А я — разве не хищник? — мысленно спросил ее Семен. — Откуда ты знаешь, что я не залезу к тебе в дом и не поем твоих детишек?»

Семен повесил голову. Тишина. Храп коней в стойлах, мат багунов, шорох деревьев.

Стоп. Шелест. Кто-то находился в рощице за сараем. Шуршала первая палая листва, хрустели ветки, скрипели сапоги.

До Семена донеслись голоса. Кто бы это мог быть? И здесь? Семен подкрался к сараю. Голоса слышались отчетливее, но слов он не разбирал. «Зачем мне это нужно? — заворчал Семен, подкрадываясь ближе, вдоль стены сарая, к высоким зарослям крапивы. — Воровская привычка, будь я неладен. Ведь не успокоюсь. Ну и ладно, не я один тут такой. Потешу себя, ежели, конечно, там не какие-нибудь голубки. Да нет, в таком-то месте?»

— Итак, договорились, — прозвучал до боли знакомый голос, и Семен замер. Военег. — Вечером, ближе к ночи.

Что ответил его собеседник, Семен не понял, но голос был ему не знаком. Чужак.

— Я прошу, — продолжил Военег. — Без выкрутасов. Как обычно. Ты знаешь.

Снова хрипловатый голос, выдавший короткую фразу, из которой Семен разобрал только: «...сразу...»

— Очень хорошо, — сказал Военег. — А вы позаботитесь...

Собеседник слегка закашлялся, заглушив последние слова князя.

— Да-да... непременно...

«И Лавр тут...»

— Так, расходимся, — скомандовал Военег, и все трое — хотя, судя по шагам, четверо — поспешили покинуть место тайного совещания.

Семен сидел там еще долго, обдумывая услышанное. И чем дольше он думал, тем больше укоренялся в решении сбежать. «Не будь я вор, — думал он, — если не исчезну. Как говорится, бывших воров не бывает — мастерство, оно никуда не денется. Вот и хорошо. Будьте здесь без меня, братки. Начну новую жизнь. Тихую. Мирную. В деревянном, черт побери, доме. Сам построю».

Весь день все три рассорившиеся стороны провели в гордом одиночестве. Военег посетил библиотеку и занялся там чтением «Хроник Двенгана», услужливо предложенных ему Асмундом. Андрей, которого он намеревался там застать, в библиотеке так и не появился — Асмунд объяснил, что князь плохо себя чувствует и лежит в своей опочивальне. Военег хотел было пойти к нему, но сидевший неподалеку Доброгост посоветовал этого не делать.

«Его высочество очень и очень зол, — сказал писарь. — И мучается сильными болями. Вряд ли вы чего-то от него добьетесь, кроме... грубостей».

Борис, что удивительно, весь день просидел в облюбованном им домике в саду, неподалеку от библиотеки. Из одного домика (живописного деревянного сруба с печкой и с резным крыльцом) весь день доносились охи и вздохи. Этот домик, кстати, в народе звался Колыбельным.

Мечеслав чувствовал себя плохо. У него болела голова, одолевали вялость и сонливость. Но он не хотел сидеть на месте и порывался встретиться с дубичскими братьями, чтобы, как он выразился, «поговорить по душам», но тронный зал пустовал, а в столовом одиноко сидели бояре, мелкие служки и дружинники всех трех княжеств.

— Разбрелись по норам, — горестно качал головой князь, в который раз глядя на погруженный в полусумрак огромный зал. Вдали чернел трон. — Не иначе, замышляют что-то. Не в добрый час я решил их пригласить. Обманул сам себя. Обманул. Одолевают меня, подруга моя, невеселые мысли. Как хочется высказаться. Как хочется! Не могу я больше так. Пусть что-то решится. Хоть потоп, но чтобы конец всему этому. Мои братья, отец — в могиле, а хлебаю из их горькой чаши я. Пошли отсюда, Искра.

Искра как могла утешала Мечеслава, хотя сама чувствовала себя ничуть не лучше. Растущее беспокойство о возлюбленном, который в этот злополучный, невероятно тоскливый день потихоньку впадал в меланхолию, перемежалось с сомнениями и досадой. Ей казалось, что она по доброй воле обрекла себя на эту участь, приклеилась к чему-то больному и умирающему. Она снова и снова спрашивала себя, зачем ей все это нужно, может ли она все бросить, и понимала, что нет.

Она не могла бросить Мечеслава. Она ходила за ним по пятам, словно за ребенком.

В полдень Мечеслав, уступив настояниям Искры, лег спать. Но, проспав полчаса, вскочил и сразу же побежал в тронный зал. Встретив на пути Олега, приказал ему немедленно привести к нему дубичских братьев. Горячо и убежденно говорил растерявшемуся юноше о необходимости безотлагательного совета, но, видя, что воевода раздумывает и обеспокоенно поглядывает на государя, пришел в ярость.

Ярость сменилась истерикой. Мечеслав вопил что-то совсем несуразное, рвал на себе одежду, плакал, смеялся и бегал по зале, будто затравленный заяц. С большим трудом Искра, Олег и слуги успокоили царя. Лекарь — из местных — посоветовал пустить ему кровь.

— Настойки здесь вряд ли помогут, — авторитетно заявил он. — Можно было бы попоить мятой, цветами зверобоя. Но уж больно он возбужден. А вот пиявки наверняка помогут. Уж это точно. Государь ослабеет и преспокойно себе пролежит в постели. И пускай отдохнет, пускай. Негоже в таком состоянии вершить дела, хоть государственные, хоть какие.

Некоторое время прошло в тишине и спокойствии. Ближе к вечеру Мечеслав, так и не заснув, очнулся от оцепенения (все время, после процедуры с пиявками, он просидел в кресле с открытыми, но пустыми глазами).

— Искра, — прошептал он. — Где ты?

— Я здесь, мой милый. — Девушка отложила книгу, которую читала, и кинулась к Мечеславу. — Что тебе? Может, чаю? Как ты себя чувствуешь?

— Я должен поговорить с ними...

— О боже! Зачем? Что тебе это даст? К тому же они и сами никуда не высовываются. Борис вон — с девками в Колыбельной забавляется. Пьян как собака — стражнику, что у двери стоял, лицо разбил. Военег, как я слышала, занялся чтением. Он выжидает. Уж поверь мне. Так что и мы переждем, пока страсти не улягутся. Не лезь никуда больной, не лезь, прошу тебя. Не все еще потеряно. Что-нибудь придумаем, замутим им головы. Даст бог — уйдут восвоеси ни с чем.

— Не уйдут, супруга моя. — Искра вздрогнула, услышав это слово — «супруга». Мечеслав произнес его с чувством и надеждой. — Не уйдут.

— Ты сам не свой, Мечеслав. В тебе говорит сейчас не разум, а отчаяние...

— Знаешь, сколько Воиграду лет?

— ...Ты перенервничал за эти дни, устал. — Искра села к мужу на колени и прижалась к нему. — Прекрати, пожалуйста.

— И все же. Сколько лет Воиграду?

— Не знаю.

— И никто не знает достоверно. Он появился задолго до Дубича, задолго до Вередора. И он всегда был независим. Даже в расцвет империи тремахи, чьими вассалами считались воиградцы, не отваживались селиться здесь. Может быть, мы — единственные на всем белом свете, кто сквозь века пронес свое истинное Я.

— Ваше Я, — сказала Искра, закипая, — вы утратили лет двадцать назад... или сколько там прошло. Ты знаешь, о чем я. От вашего Я не осталось ничего. Если и есть где-то воистину вересский дух, так это в Волчьем Стане. За Дубич не скажу — там не была, но склоняюсь к мысли, что и у тамошних жителей тоже больше прав называться потомками вересов. Хватит уже! Я нянчусь с тобой, а ты все за свое! — Девушка встала, обхватила себя за плечи и подошла к окну. — Речь идет о пустой формальности. Утрата независимости — это только слова. И ничего более.

В окно был виден Колыбельный домик. Искра смотрела на него невидящими глазами и пропустила момент, когда оттуда вышли две помятые девицы и скрылись с двумя стражниками, видно, бросившими своего господина на произвол судьбы. А собственно, что с ним могло случиться? Девушка обернулась, заинтересованная тишиной, и обнаружила, что Мечеслав... плачет. Волна нежности и жалости к возлюбленному вновь захлестнула ее. Она подошла к нему, поцеловала в лоб, сжала его ладони.

— Не надо, милый, — шептала она, сидя перед ним на коленях и ища его взгляда. — Прости меня за мои слова. Я всегда буду с тобой. Я не оставлю тебя. Может, мы уедем. Покинем этот край. Хоть ко мне на родину. Бог с ним, с Воиградом. Уедем. Это трудно, но я ведь покинула отчий край. Я смогла — и ты сможешь. Ну, что скажешь? Отдай им царство, пусть подавятся. Нам ничего не нужно. Только наша любовь.

Мечеслав долго молчал. Слезы высохли на лице. Глаза теплели, и по губам скользнула невесомая улыбка. Он кивнул.

— Давай спать, — прошептала Искра.

— Рано еще.

— Обнимем друг друга, прижмемся.

— Хорошо.

И у них случился трогательный, ласковый вечер. Нежный, как перышко, чуткий, страстный.

— Искра, — произнес Мечеслав, обнимая ее. — Знаешь, я никогда себя так не чувствовал, как сегодня. Словно кто-то шептал мне — иди, иди, иди... наваждение, колдовство. Да, Искра?

Девушка спала, положив голову ему на грудь.

Она проснулась. Ей сразу показалось, что уже глубокая ночь. Может, даже раннее утро. Рука привычно потянулась к лежащему рядом мужчине и... нащупала пустоту.

Искра, мгновенно почувствовав неладное, вскочила. Мечеслава нигде не было. Она подбежала к окну и с недоумением увидела, как ее любимый плетется по тропинке по направлению к Колыбельному домику. На нем был его черный подлатник, на боку висел кинжал, в руке он держал факел. Девушку изумила походка Мечеслава — спотыкающаяся, ноги двигались как будто сами по себе; голова у него, похоже, словно во хмелю кружилась. Князь Воиграда пару раз чуть не упал.

— Мечеслав! — крикнула Искра, но поняла, что он ее не услышит.

Наскоро одевшись, девушка вылетела из опочивальни и помчалась на улицу.

Распахнув двустворчатые двери, Искра вырвалась во двор и тут же остановилась.

Ночную тишину разорвал жуткий, захлебывающийся крик. Крик взлетел, точно стрела, и на самом пике вдруг оборвался.

— Нет, — произнесла, задрожав, Искра и неуверенно пошла дальше. Сердце колотилось

так сильно, что ей показалось, будто оно сейчас выскочит из груди. Мимо пробежали люди. Вскоре впереди раздались изумленные возгласы, проклятия, крики ужаса. Народ все прибывал, девушку толкали в плечо, оборачивались, показывали на нее пальцами. Должно быть, она шла слишком медленно. Слишком медленно.

Пространство около Колыбельного было ярко освещено множеством факелов. Искра, не видя ничего, подошла к толпе. Перед ней поспешно расступились.

На крыльце сидел Мечеслав, бледный, как сама смерть. К груди он прижимал истекающего кровью Бориса. Отчаянно, виновато. Точно младенца. Его рука гладила Бориса по груди, по залитой кровью рубахе, из которой торчал кинжал.

— Я не... — прошептал он, увидев Искру. — Я не знаю, как это... как это... произошло. Не пойму...

Искра вцепилась в свои волосы, упала на колени и что есть силы закричала, влив в крик всю боль, всю ненависть и страдание.

25. Он есть и грядет!

Битва началась внезапно. Подобно Эллаку, сыну Эллака, войско Талгата налетело стремительно: первые ряды армии Барха едва успели выставить копья. В мгновение ока степь огласилась сумасшедшими выкриками возбужденных до предела людей, воплями умирающих, диким ржанием ошалевших лошадей. В образовавшейся сутолоке, в этом бурлящем смертоносном котле многие, совсем чуть-чуть задетые копьем, мечом, щитом, падали с коней и тут же затаптывались своими или чужими — все равно.

Унэг свирепо вклинился в наседавшие ряды неприятеля, чей натиск был яростным, необузданным, отчаянным, как будто вражеские воины не верили в победу и желали поскорее умереть. И они умирали, — умирали толпами, натываясь, словно рыбы на гарпун, на длинные копья закованных в латы всадников, составлявших основу гвардии Тумура.

Талгат остался сзади, его мечущийся по холмам силуэт был хорошо виден. Тумур, как и все остальные Барховы военачальники, бился в первых рядах. Он вспотел, размахивая мечом; лицо прочертили тонкие расплывающиеся полосы чужой крови. Несмотря на жар битвы, Тумур не забывал об обязанностях командира: его громовой голос ревел, перекрывая жуткий лязг сталкивающихся мечей и копий:

— Мамат!!! Держись, твою мать! Правый фланг! Если побежишь, яйца отрежу! Держи фланг, сукин сын!!!

Но Мамат дрогнул и медленно начинал откатываться назад, тогда как центр и левый фланг, ведомые Берюком и Кайгадырем, потихоньку опрокидывали талгатовцев, которые, как оказалось, были плохо обученными, случайными людьми.

Унэг бился слепо, исступленно, разя мечом направо и налево. Он ничего не слышал и не видел — глаза заливала чужая кровь, а может, и своя — он не знал. Он чувствовал лишь, как его палаш мягко рассекает плоть либо с визгом проносится по латам, натывается и на мгновение застревает в деревянных щитах. Каким-то чудом вражеские удары падали мимо, ибо он практически не защищался, не сторонился смерти, машинально прикрываясь лишь небольшим круглым щитом. Эдаар угрожающе ржал, вскидывался на дыбы, топтал копытами упавших всадников, перепрыгивал через бьющихся в агонии лошадей. Верный конь словно слился с хозяином в одно целое, служившее только одному — без конца убивать, убивать, убивать.

Наконец Унэг услышал голос Тумура, прокричавшего ему в ухо:

— Скачи назад, Унэг, в резерв. Возьми сзади пару-тройку сотен лучников, всех, кто там есть, и обходи правый фланг. Мамат убит, его воины готовы удариться в панику, — чую, там действуют люди этого чертового Эллака. Давай, Унэг, я надеюсь на тебя.

Унэг не сразу понял, что ему сказал Тумур. Оглянувшись вокруг с безумным видом, он осознал, что окружен своими, что неприятель вовсе не так страшен, что трус Талгат наверняка уже бежал, так как с самого начала не верил в победу, не верил, потому что был брошен всеми своими союзниками, недовольным вызывающим поведением выскочки Эллака-младшего и попавшего под его влияние Талгата.

Если бы не клан Эллака, жалом вонзившийся в правый бок, битва была бы практически выиграна. Тумур не мог повернуться и ударить по ним — впереди стояли не сломленные до конца воины Талгата — отборная часть кешикаи мятежника. Им не нужен был вождь. Возвращенным на войне, впитавшим вкус крови сызмальства кочевникам не нужен никто, —

только битва, экстаз смерти, разрывающаяся плоть, вываливающиеся внутренности, ломаемые кости, вылетающие зубы...

Тумур повторил приказ и, убедившись, что его слова наконец дошли до друга, тут же ускакал. Унэг помчался назад. Проносясь сквозь строй всадников, стоявших чуть позади, в резерве, он не проронил ни слова, — воины и так все поняли, спешно разворачиваясь вслед за ним.

И, когда он, во главе четырех сотен лучников, мечников, копьеносцев мчался вдоль кружащихся в беспорядке задних рядов, стремясь окружить нестигаемый клан, на поле битвы внезапно налетела позабытая всеми песчаная буря.

Она обрушилась стеной, оглушив обе армии, на какое-то время застывших в недоумении. Отряд Унэга также остановился. Люди закрывались от больно бьющего в лицо песка. Но первый, самый густой шквал пролетел, а за ним пришла вихрящаяся масса пыли, в которой постепенно проступила знакомая картина хаоса битвы.

Не медля ни секунды, Унэг ринулся вперед, увлекая остальных. Через несколько минут бешеной скачки в мутном мареве бури, глотая вместе с потом треклятый песок, скрипевший на зубах, Унэг ударил в бок неприятелю, осыпав его градом стрел.

Закипел бой. Воины клана Эллака (если это действительно были они) сначала растерялись, попятились, но потом сомкнули строй — в ход пошли копья. Унэг рвался вперед, намереваясь пробиться сквозь их ряды, ибо видел, что линия врага тонка — максимум в два человека. За ними мелькало бегущее... уже бегущее войско Талгата.

И вот правый фланг пробит. Армия Талгата окончательно смешалась, но на поле битвы находилось еще немало смельчаков, готовых биться до смерти. Унэг теперь просто убивал пребывавших в смятении талгатовцев — пеших, раненых, конников и лошадей, волочивших за собой запутавшиеся в стременах трупы.

Послышался странный, противный низкий звук, и кто-то рядом радостно воскликнул: «Повелитель! Повелитель здесь! Он успел!». Звук повторился, и Унэг вспомнил — то был боевой рожок болотников Яруна.

Он остановился, вытер ладонью окровавленное, вспотевшее, запыленное лицо. Вздохнул.

Он дико устал.

Буря продолжала кружиться в долине безымянного ручья, словно танцовщица. И в ней парила черная точка. Присмотревшись, Унэг похолодел.

То был ворон.

Кто-то — во вздыбившейся пыли, покрывшей желтоватой мутью небо, Унэг различил лишь темный силуэт — разрезал подпругу, и тотчас он почувствовал, что падает вместе с седлом. Падение в бою — все равно что нож в спину. Помня об этом, Унэг вскочил, встал в боевую стойку и рассек воздух палашиком. Пустота.

Пыль оседает. Медленно, словно нехотя.

Тишина.

Только сейчас он понял, что не слышит шума битвы. Вокруг — тишина, и слепое солнце, похожее на кусок масла, тающий на жаровне. Унэг растерялся, даже запаниковал. Он попятился, пытаясь разглядеть что-нибудь в вихре песка. Наткнувшись на кого-то, поднял голову и увидел всадника, застывшего, точно камень; рука с копьем замерла на взмахе; на напряженном лице повисли, словно капли древесной смолы, ручейки пота.

Напротив еще одно извятие — щит раздроблен, шлем помят, зазубренный меч выпадает из окровавленной руки. Он ведь еще юноша, и он напуган и истощен, перекошенный рот выбросил густые, как молоко, слюни.

Тишина. Нескончаемо долгая, плотная.

Тысячи воинов стояли в самых немыслимых позах, а позади них сияло яркое зарево. Оно привлекло внимание Унэга короткими быстрыми всполохами, залившими окаменевшее воинство неистовым кроваво-красным светом, затем зарево внезапно погасло. Унэг поспешил туда.

Он услышал чьи-то шаги. Кто-то двигался навстречу. Скрип сочленений — значит, это воин, закованный в доспехи. И этот невидимый воин шел медленно, будто любуясь необычным видом смерти, ярости и страданий.

И вот неизвестный оказался в пределах видимости. Едва взглянув на него, Унэг понял, что перед ним не человек. Он был облачен в серые матовые латы: наручи, наплечники, металлические перчатки, поножи оцетинились многочисленными шипами, концы которых были вымазаны чем-то, сильно смахивающим на засохшую кровь. Лицо скрывал шлем, представлявший собой отлитую из железа чрезвычайно вытянутую волчью морду.

— Кто ты? — напрягшись, спросил Унэг.

Человек снял шлем — молодое, ничем не примечательное лицо, глаза неясного цвета. Затем его облик мгновенно неуловимо изменился, приобретя болезненно-красный оттенок, рот вытянулся в жесткой ухмылке, черты заострились, лоб прорезали глубокие морщины.

На Унэга смотрел старик и ухмылялся. Несколько нескончаемо долгих секунд они разглядывали друг на друга.

Затем некто прошел мимо.

— Кто ты? Что ты такое?

Человек остановился. Обернулся. Барх. Только сейчас Унэг увидел в его руках Сумрак.

— Я тот, кто ждал.

— Чего ждал? Кого?

Человек обернулся вороном и взлетел.

Пустота. Тишина. Унэг огляделся и понял... что совсем один. Исчезли все. Только бесконечное одиночество степи и пыльная буря, завывавшая с остервенелой скорбью.

— Где вы?!

Унэга охватила паника.

— Где все?!

«Я хочу к вам! Хочу окунуться в болото крови, кишок. Хочу убивать, хочу умереть! Где вы? Не надо, не надо так! Только не это!»

Окунуться и смердеть. Впитывать нечистоты, оставлять грязный след. *Червь, червь, червь! Ты — лишь червь. Грызи камень! Пей воду из луж! Ты — червь! Ничто!*

«Мне нужен воздух. Воздух! Где мой меч? Где Эдаар? Эдаар! Верный конь! Где ты, друг?..»

Пустота — чем не свобода? Нет рабства, нет бессмысленного стремления подчиняться, жажды подчинять. Только ты со своими мыслями. Один.

Унэг метался в мареве урагана. Глаза слезились от песка.

— Нет! Нет... Верни меня. — Унэг лег, обессиленный. Палаш выпал из ослабевшей руки. — Верни. Прошу...

Забылся...

Тебя ждет такой же конец. Помни об этом, багатур!

Сколько раз он слышал внутри себя эти слова... Слова стали его проклятием. А может, это не проклятие, а предостережение? Последние дни он провел в мучительных попытках осознать, что чувствовала к нему Млада. Почему после смерти стала его оберегать? Но нет. Млада здесь ни при чем. Ее кости, обглоданные падальщиками, давно истлевали в степи, забытые всеми. Забытые им.

— Я понял, — прошептал Унэг. Вокруг по-прежнему вихрилась извечная буря. Воин забыл, что один на весь свет. — Я понял, — повторил он с небывалым сожалением. — Я должен был спасти тебя. Я любил тебя... Но струсил. Трусость в нашей крови. Мы даже не замечаем ее. Прости меня.

Воображение, подстегнутое чувством вины, сыграло с ним злую шутку. Не было никакого призрака Млады. Лишь собственное воображение. Он убил ее, отдав в лапы Хайсы, не уберег, как когда-то...

Мать, поющая колыбельную. На своем родном языке. Грязный ребенок, спотыкаясь, бредет по разбитой дороге. Бежит, протягивая вдаль руки и плачет...

— Ведь это был я. Я бежал за тобой. — Унэг вдруг ясно вспомнил Елену, мать. Русые волосы. Серые глаза. Печальный взгляд. — Почему ты ушла? Почему ты ушла?! Почему я не остановил тебя? Почему? Я был слишком мал... Опять оправдание... Все время я сам себя оправдываю...

Млада разбудила дремавшие глубоко внутри воспоминания о матери. Поэтому его так влекло к ней?

Он должен найти свою мать. Должен поговорить с ней. Она должна быть жива. Бросьте все и найти. Ведь кому он служит? Кому служил всю жизнь?

Леша. Алексей.

Он только убивал. Только сеял смерть. И новый владыка степей...

Разрушенный каменный город, овеваемый холодными ветрами. Колодец, в нем кто-то есть, он почувствовал на себе взгляд оттуда.

Когда они с Берюком и Беаром униженные, побитые, одинокие возвращались из Драгнийского похода Габы Одноглазого, они набрали на такой город.

Лабиринт рушащихся стен, выбеленных временем, солнцем и непогодой. Ветер нес перекасти-поле по улицам. Они решили переночевать в одном из немногих зданий, где была крыша. То был дворец. Свод, кажется, улетал ввысь и терялся где-то там, во мраке. Голоса отдавались эхом.

Внутри давным-давно был пожар. Предметы утвари превратились в почерневшие искореженные призраки былого.

Ночью к костру подошел старик. Унэг заметил, что он был поразительно похож на бродягу, встреченного ими накануне штурма цитадели «хранителей огня». Но, может, ему показалось? Беар, всю дорогу пребывавший где-то далеко, не заметил сходства.

— Он есть и грядет! — завопил безумец, заставив их вздрогнуть и схватиться за мечи. — Он есть и грядет!

Они прогнали его, а он все кричал:

— Он есть, он был! Он грядет во веки веков! Грядет!

А когда утром они покидали заброшенный город, им мерещились лица в темноте руин.

В провалах обрушившихся колодцев. Тысячи глаз, следящих за ними. Тысячи ртов, шептавших...

Тебя ждет такой же конец...

Поднялся вихрь, Унэг упал, зажмурился и слепо пополз. Впереди темнели какие-то фигуры. Крики. Стук.

На какой-то миг Унэг обрадовался. «Это они, — подумал он. — Это они, мои братья, мои соплеменники. Братья!»

Он с трудом поднялся и, шатаясь, побежал навстречу им.

Ураган не ослабевал. Унэг не имел возможности разглядеть лица, но при этом ни секунды не сомневался: там они, родные...

Он закричал, замахал руками — кажется, никто не услышал. Воин подбежал уже совсем близко, но никто не обернулся, не обратил внимания на приближение человека — вещь немислимая для чутких и осторожных кочевников.

Тогда он остановился и со страхом взглянул на себя. Все как обычно: серый потрепанный бешмет; поверх него кольчуга; кожаные штаны, сапоги.

Армия окружила своего повелителя, Барха.

Унэг, задрожав, отступил. Он все понял. Не проронил ни слова, не выкрикнул ни одного проклятия. «Все это время... — подумал он. — Сумрак. Он есть и грядет. Откуда у него сумрак? Он есть и грядет...» Воин с болью, стиснувшей грудь, понял, что должен исправить то, что они свершили десять лет назад.

И единственная мысль начала сверлить мозг.

«Убить демона. Убить демона. Убить демона».

Унэг с мрачным и угнетенным видом шел мимо воинов. Они не обращали на него внимания. Они были поглощены им. Демоном. Тем, во что превратился Барх. Или его никогда не существовало? Или он уже умер? Переродился? Неважно. Песчаная буря, заметно стихшая, трепала нечесанные космы Унэга, несла с собой тучи песка, больно бьющего в лицо, но он не обращал на это внимания. Преисполнившись решимости, воин двигался навстречу торжествующему кагану адрагов.

На берегу ручья, там, где пал Эллак-младший, на коленях стоял Талгат — руки связаны за спиной, левая щека болезненно подергивается, вид затравленный и покорный. Над ним царственно возвышался Барх с Сумраком в руках. Унэг подошел к ним, уверенный, что его никто не видит, уверенный, что он, кажется, уже умер и разрубленное тело его стынет где-то в общей куче, а все происходящее с ним — не более чем видения смерти, преддверие вечного небытия.

Барх эффектно размахнулся и одним движением снес голову мятежнику. Она еще летела, а каган уже обратил свой ледяной взор на Унэга. Он будто не узнал старого товарища и соратника — лицо исказила гримаса ярости, неприязни, отчуждения...

Страха.

Голова с плеском упала на каменистое мелководье, покатила, подскакивая. Вода размывала сочащуюся из шеи кровь.

Вихрь внезапно прекратился. Люди, почуяв неладное, испуганно осмотрелись. Барх не отрываясь глядел на Унэга, застывшего на месте, будто пригвожденный. Барх бледнел, кожа его приобретала песочный цвет. От меча, от головы, от каждой частички тела Барха вдруг потянулись сотни и сотни терявшихся в сером небе тончайших черных нитей. Он, точно кукла, странно задергал плечами, руками и, не мигая, продолжал сверлить Унэга взглядом.

Унэг вынул меч и вонзил его в тело своего повелителя. С нечеловеческим воем Барх рассыпался и тучей песка взвился ввысь.

Тьма. Он слепо шарит во тьме. Он задыхается.

Где-то вдали проблеск. Мелькают тени. Кто-то что-то кричит. Его трясут. Его бьют по щекам. Журчит вода, спасительно холодя спину. Смывая кровь и пыль. Почему-то болит горло. Тьма рассеивается, и он видит долину безымянного ручья, усеянную телами павших. Нестерпимо болит голова. Буря наконец-то прекратилась. Он успел заметить в небе исполинские крылья, оставлявшие за собой дымный след.

«Все люди мои давно уж пали духом!..

Бредем мы по пустыне уже который месяц, теряя каждый день своих друзей...»

— Унэг! Унэг! Очнись!

Он открыл глаза. Тумур навис над ним. Берюк. Ярун. Шайтан. Все здесь. Тумур смотрел на друга глазами, полными ужаса. И боли. И непонимания.

— Что случилось? — прохрипел Улеш.

іКешик — личная дружина.

26. Искра и тьма спасительного подземелья

Холодным туманным утром, в самом конце первого осеннего месяца хмуренья, в 879 году от воцарения императора Адриана Великого, пригородным крестьянам — тем немногим, что поднялись спозаранку с целью насобирать грибов либо порыбачить, — довелось узреть поистине устрашающее и угнетающее зрелище.

Густой клочковатый туман незаметно сползал в низины и овраги. Веющее прохладой солнце поднималось все выше, золотя прямыми, как копья, лучами приунывшие деревья, серебря темную гладь Крина и открывая горизонт, почерневший от несметного количества людей.

То была неоднократно воспетая в песнях и былинах разбойничья рать Междуречья — вся та ее часть, что признала над собой верховенство дубичского князя-изгнанника Военег.

Был там и Лют Кровопийца, и бравый Редедя, и Нежата — толстяк и выпивоха. И Рогволод Хитрый — стервец тот еще. И Мелех Драчун, не признающий никого над собой, но следующий за Военегом, по его словам: «Согласно договору». И Верпя Слепой — самая пожалуй, одиозная фигура у разбойников: жестокий, кровожадный, но и вправду слепой (болтают, глаза ему выколол лично Тут Эйк). И Чом Болтун, и Боняк-горец, и Янка Свирепаз (а как же без бабы-то!), и престарелый Феодор Хруст, бывший когда-то священником в самой Пронте и основавший в незапамятные времена легендарную столицу всех междуреченских багунов: Хутор Абаряха. Этот самый Абарях — зажиточный хуторянин — был повешен по приказу Феодора сразу же по прибытии в то знаменательное место, так понравившееся Хрусту, но по непредсказуемому капризу судьбы хутор так и остался Абаряховым.

Все это войско окружило Воиград и принялось немедленно жечь, насиловать и убивать. Уже к вечеру того злосчастливого дня берега Крина были усеяны горами изувеченных трупов, а тракт в Иссены вмиг наполнился беженцами. Халупы бедняков горели. По раскисшим от многочисленных копыт и телег пригородным дорогам бегали поруганные женщины, судорожно прикрывавшиеся порванными лохмотьями, и дети, служившие мишенями для гуляк-хольдов. Разбойники стреляли в них, мечущихся в страхе меж пожарищ, из арбалетов, луков, подсекали кнутами, волочили по земле, потрошили, вешали.

Кремль был взят в плотное кольцо — за это отвечали объединенные дружины Волка и Путяты. Внутри никого не впускали и не выпускали. Всех жителей Черного Воиграда — бедных и не совсем — согнали на главную городскую площадь. Дробуш, Лют и Аскольд оповестили собравшихся, что власть поменялась.

— Отныне, — холодно изрек Дробуш, — ваш князь — Военег.

Множество рук грубо схватили Искру. Она находилась в полуобморочном состоянии и не понимала, куда ее ведут. «Что с Мечеславом?» — эта единственная мысль назойливо крутилась в голове.

Девушку волокли, словно мешок с овсом, ноги не слушались, не успевали, заплетались. Ее бросили на пахнувший навозом пол, покрытый прелой соломой. Заскрипела дверь, загремел засов, и ключ с оглушительным лязгом повернулся в навесном замке.

«Вот и все, — подумала она обреченно. — Вот так все закончилось. Вот что за участь ты уготовил мне, батюшка. Млада погибла от рук степняков, на чужбине, а я... а я... тоже, на

чужбине».

Искра лежала свернувшись, дрожа. Она смертельно боялась. За себя, за возлюбленного, такого несчастного, горемычного. Она боялась так, что не решалась открыть глаза, — ей казалось, что вокруг висят искалеченные пытками багунов люди и с немым укором смотрят на нее.

Ее заперли в конюшне. В денниках тихо пофыркивали кони. Девушку немного успокоило их присутствие, и она в конце концов забылась тревожным мучительным сном.

Сон, приснившийся ей в те предутренние часы, был сбивчивым, изменчивым. Но она запомнила его. Она видела Девятко. Он лежал в грязной тесной землянке... даже не в землянке, а в норе, на шкурах. Рядом, прямо на полу, сидела старая взлохмаченная женщина, облаченная в нечто, с трудом напоминающее одежду: лоскутки необработанной кожи, грубо сшитые еще зелеными стеблями. В руках женщина-дикарка держала подобие глиняной кружки или неправильной формы чашу, и поила «дядьку» остро пахнущим отваром из трав.

«Как хорошо. — Искра проснулась, почувствовав, как солнечные лучи коснулись ее закрытых глаз. — Как хорошо. Он жив. Он все-таки спасся».

Кажется, она сомкнула веки всего на миг. Мучительно долго текли часы. Никто за ней не приходил, а она ждала, ждала, когда же решится ее участь.

Наконец она не выдержала и поднялась, смахивая прилипшую к платью солому. Прихрамывая, подошла к двери и приникла к щели. Двор был пуст.

Посередине стоял окровавленный пенёк с воткнутым в него топором. Один вид этого пня вызвал у девушки новый прилив страха. Она попятилась и забилась в самый дальний и темный угол.

И пока Искра сидела, дрожа в ожидании своей участи, рисуя невероятные картины страданий, коим предстоит выпасть на ее долю, во дворе раздались голоса.

Лют Кровопийца сидел на ступенях, ведущих во дворец, постукивая посохом по сапогу, поеживаясь от пронзительного ветра, и, чуть склонив голову набок, смотрел на затянутое светло-серой пеленой небо, словно спрашивая у него, что ожидает дальше?

— Нет, ребята, — произнес он равнодушно. — Либо вы с нами, либо...

— Либо что? — раздраженно спросил Горыня. Его лицо пылало ярким румянцем. Княжич был, во-первых, немного пьян, во-вторых, жутко зол, и эти два обстоятельства разжигали в его душе небывалый огонь.

— Либо вы умрете, — пожав плечами, ответил Лют. — Умрете, ребятки, хоть, видят боги, вы мне нравитесь, особенно вон тот здоровяк со шрамом, что скалит мне зубы за твоей спиной. И тот, молчун. Не из степняков, нет? А мне всегда хотелось посмотреть, какие они. Из нашего ль теста слеплены, а? Че скажешь, молчун? Не хошь говорить, да? Ну ладно. А мы могли б... э-э-э... как там? Стакнуться, что ль?

— Освободите сестру, — потребовал Горыня.

Лют покосился на него и хитро усмехнулся.

— Этого, — протянул он, — не можем. Не можем, братишка, не можем. Никак. Уж больно-то Военег-батька осерчал на ее.

— За что?

Лют снова взглянул на Горыню.

— Да за шо? Знамо дело, за шо. За коварно умерщвленного братца яво, вот за шо. За шо ж еще-то?

— И что, вы хотите сказать, что она...

— Подговорила любовничка сваво убить Бориса, точно, — спокойно закончил за него Лют. — Это ж ясно. Сам-то Мечеслав разве мог? Да он, как мои други балакают, и двух слов связать не может. Хе-хе. Подговорила девка его, и баста. Девка-то мудра, шо сам Военег. Дескать, пусти Борьке-то кровь. Дескать, Военег-то только того и ждет. Он-де тебе только спасибо скажет. Во-во.

— Бред.

— Подбирай слова, добр молодец. Зелен еще, чтоб старику-то грубить. Во-во. А братцы?

Гриди Люта заулыбались, самодовольно закивали головами, с толикой презрения поглядывая на побледневшего венежского княжича.

— Зелен? — начал он, но тут его оборвал Злоба.

— Княже, — пробасил он, — отойдем, поговорим?

— Ну чего тебе? — набросился на него Горыня, после того как десятник довольно грубо отвел его в сторону.

— Не кипятись, — сказал Злоба. — Грубостью ты ничего не выгадаешь. Проиграна схватка эта. Ничего уж не попишешь. Хитростью надо. Мечеслав главу свою по глупости аль еще почему на плаху уже положил. Казнит его Военег, да и верно это — разве можно простить убийцу брата? По безумству он иль как, но бугунам этого не объяснишь. Видал, как глаза их горят? Так что плюнем на него, бедолагу, и будем выручать Искорку. Но, княже, хитростью. Давай к самому, что с этим холопом разговаривать.

— Так в том и дело, что он меня не пускает, этот холоп. Военег — князь, видите ли, никого не желает слушать!

— Я могу поговорить с Буяной, — неожиданно предложил Черный Зуб. — Она вхожа к Добронеге, а Искра с Добронегой, насколько я знаю, дружила.

— Что на баб надеяться?! — взорвался Горыня. — Вы тут умничаете, а сестра, может быть, висит где-нибудь в той же башне, на цепях, а эти грязные ублюдки лапают ее, а то чего и похуже! Пусти меня, Злоба, я решаю, как быть.

— Нет-нет! — Злоба схватил княжича за руку. — Видишь, как смотрят они? Эти ребята шутить не любят. Попали мы в переделку, это уж точно. И надобно бы нам выбираться из нее по уму, а не по горячке. Да и ты, княже, ты маленько поддал, и не вовремя. Зная тебя, скажу, как на духу: накличешь беду ты на свою голову. Не дури! Не можем же мы и тебя выручать.

— Отойди, говорю, — прорычал Горыня. Черный Зуб, внимательно посмотрев на княжича, положил руку на плечо Злобе.

— Пусть идет.

— Но... — растерянно проговорил великан.

— Он выбрал свою судьбу.

И Горыня, оттолкнув гиганта, решительно направился к Люту.

— Эй, эй! — закричал старый кун, завидев приближающегося к нему княжича. — Ты чего это? Ну-ка не дури! Ох, ребятки, приготовьтесь-ка. А то...

Горыня вынул меч. Вслед ему полетел перепуганный возглас Злобы:

— Эй! Да ты что, княже?! Оставь...

Преградивший путь Горыне рыжий парень в обшитом металлическими пластинами кафтане хотел было что-то произнести, для чего уже разинул рот, но выдал лишь сдавленный

хрип. Горыня вонзил ему в живот меч по самую рукоять. Оттолкнул его, и тот упал, громко ударившись рыжей башкой о брусчатку. Лют, явно испуганный, поднялся и попятился к закрытым дверям. Гриди, никак не ожидавшие такого поворота событий, растерялись и ошалело воззрились на метнувшегося с мечом наперевес к старому куну венежанина. Злоба с криком «не надо!» дернулся вперед, но, почувствовав укол копья в бок, остановился. С двух сторон его, а также Зуба, окружили разбойники. Тем временем Горыня уже занес меч, намереваясь разрубить им Кровопийцу, но в этот момент ему в бедро воткнулась стрела, потом вторая — в плечо. Горыня вскрикнул, выронил меч, и мигом пришедший в себя Лют пнул княжича в живот, проворно забежал ему за спину и приставил к горлу кинжал.

— Ну что, собачий сын, — прошипел Лют ему прямо в ухо. — Думал справиться с нами? Думал прирезать старика, а потом и Военег? А вы что стоите, придурки?! Не по вашей ли вине я чуть было не угодил в преисподнюю? В клетку их, паршивцев, в клетку всех! Ну же!

Несколько человек разом подскочили к Горыне и, отвесив пару тумачков, связали ему за спиной руки.

— И этих не забудьте. — Лют, деловито прохаживаясь взад-вперед вдоль дверей, указал на венежских десятников. — Сегодня все умрут, и девка их умрет, но прежде-то отдам ее на забаву хольдам. Ох, отдам, не будь я Лют Кровопийца. Вяжите, вяжите, что стоите?

Но Злобу и Черного Зуба обступили люди другого куна. И впереди них стоял Семен с луком в руке.

— Кто тебе, старому козлу, дал право здесь командовать? — спросил он.

— Ах ты... — начал было Лют, но тут внезапно осекся и, оглядевшись вокруг — повсюду были Семеновы багуны, — натянуто улыбнулся. — Так ведь сам-то дал мне полную свободу. Дескать, делай что хошь, старина Лют. Надеюсь на твою мудрость. Во-во!

— Как я не люблю таких вот как ты, — сказал Семен. — Не говорил тебе ничего Военег, не ври. Лучше иди отсюда — и своих мясников забери.

— Не надо, Семен, не надо так со мной. Горыня-то вон, одного моего хлопца зарубил. Так чаво ж ты его защищаешь? Чаво тут выступаешь? Браты крови требуют, и тебе, мой дорогой, с ними не совладать.

— Я понимаю. Горыня обрек себя. Так запри его в клетку. А слуг его разоружи и оставь под присмотром — они пока ни в чем не провинились. Но — запомни, Лют, — никто здесь не посмеет тронуть ни Мечеслава, ни Горыню. Никто. Только сам Военег может отдать приказ. И нечего мне намекать на Хруста, Янку и прочих. Плевал я на них. Ты знаешь, старый. Ты знаешь меня.

Лют, кряхтя и недовольно косясь на венежских десятников, удалился восвояси. За ним повели ослабевшего и, казалось, уже смирившегося со своей участью Горыню.

— Вот, значит, как, — проговорил Злоба, провожая его глазами.

Семен резко обернулся и посмотрел на великана.

— Идите, — бросил он. — Идите, не высовывайтесь. До поры.

В тронной зале стояла широкая лавка, на которой лежало накрытое белой тканью тело Бориса. Вокруг расположились молодые люди в черных траурных одеждах и молились, следуя наставлениям Ольгерда, взиравшего на них строго и мрачно. Неслышно подошел Военег и остановился за спиной волхва. Склонил голову. Обряд продолжался еще минут десять, и Военег за все это время не проронил ни слова, не пошевелился, не поднял головы.

Наконец Ольгерд вздохнул и обернулся к князю.

— Сколочена ль домовина? — спросил он, вздернув бровь. — Сложен ли погребальный костер?

— Все готово, — ответил Военег.

— Хорошо. Вечером, на закате, разожжем священный огонь. Проводим царя дубичского с почетом, по обычаю предков.

— Да.

— Хочешь проститься с братом один? — с нажимом поинтересовался волхв.

— Да.

— Хорошо. Но потом, будь добр, удели мне пару минут.

Военег кивнул.

Все ушли, а он стоял и молчал. Он не мог уйти. Не мог, потому что должен был... покаяться.

— Прости, — выдавил из себя Военег. И в этот момент он сломался. Слова потекли сами собой, и он не мог остановиться. — Я виноват. Я всегда был виноват. Всю жизнь я... не знаю, как и сказать. И я не уверен, совсем не уверен, нужно ли мне это. — Он грустно покачал головой и, немного погодя, продолжил: — Когда мне исполнилось, кажется, двенадцать лет, меня привели к женщине. «Она научит тебя искусству любви», — сказали мне и оставили с ней наедине. Ее звали Лада, и ей было что-то около тридцати. Она была красива. Лада, жрица любви. Признаюсь, я никогда не видел ее одетой. Ни разу! И ее нагое тело всегда нравилось мне... нет, от ее наготы буквально захватывало дух. Я проводил с ней целые дни, в маленьком домике в саду, подобном тому, в котором ты... провел последние свои часы. Лада была очень ласкова, очень нежна, и... и она безумно любила трахаться. Она боготворила мужское тело, особенно... Черт, даже сейчас я стыжусь сказать это. Она брала его в руки и говорила с ним, молилась ему. Чудачка. Потом я расстался с ней на год, а когда вернулся, Лада — та самая скромная, нежная Лада — рассмеялась мне в глаза. Я хорошо запомнил ее слова: «Все, мальчик, тебе я больше не нужна». Ничего оскорбительного, простые слова, и — проклятье! — мудрые ведь слова. Лада... она была ангелом во плоти.

Военег умолк и вроде бы собрался уходить, но, сделав шаг, остановился.

— Я убил ее, — сказал он, глядя на лежащее перед ним тело родного брата так, словно он был живой. — У меня был с собой короткий меч, подаренный мне, кстати, тобой, и я сразу же после тех слов вспорол ей живот. Я будто обезумел, понимаешь? Я залил ее... их кровью весь домик. А опомнившись, сжег... домик.

Военег снова умолк и на этот раз долго, очень долго молчал. Наконец, глубоко вздохнув, совсем тихо произнес:

— Она была беременна.

У выхода из тронного зала путь ему преградил волхв.

— Погоди, — сурово произнес он. — Не спеши. Скажи-ка мне вот что. Достаточно ли ты храбр, чтобы выслушать меня? Или, подтвердив все глупые байки, что плетут про тебя, отмахнешься, прикажешь повесить?

Военег ответил не сразу. Он глядел волхву в глаза, и Ольгерду показалось, что князь тщательно обдумывает ответ.

— Что ты хочешь узнать, мудрец? — Последнее слово прозвучало как издевка. — Что брат мой умер по моей вине? Да, это так. Достаточно ли я храбр, по-твоему? Я не раз пользовался услугами Эразма из Рории, воспользовался и сейчас. Не морщ лоб, это имя тебе

ничего не скажет. Эразм — колдун, и очень хороший, не чета тебе, мудрец. А теперь иди. Но, пока я добрый, дам тебе совет. Завтра, вместе с прахом Бориса, убирайся отсюда, и поскорее. И знай — я скоро буду в Дубиче. Надеюсь, ты понимаешь?

И Военег ушел, оставив потрясенного Ольгерда обдумывать эти слова.

Андрей уже давно услышал шаги, но упрямо продолжал читать, не видя текста, не вникая в смысл написанного. Он хотел продлить это чувство — чувство свободы, уюта, уединенности. Продлить до конца.

— Здравствуй, Андрей Мечеславович.

— Хм. Ты, верно, хотел сказать: «Попался, калека! Твоя смерть пришла».

— Ты мне льстишь, царевич. — Военег поискал глазами стул и, обнаружив его в дальнем углу библиотеки, пожал плечами, сядя на край стола. — Но, как я думаю, еще чуть-чуть, и она — то есть смерть — по праву уступит мне свое место.

— Венец мечтаний, — буркнул Андрей, закрыв книгу.

— Ничего подобного. Что хорошего в этом? Вечно собирать души усопших. Вечно бродить по белу свету, всегда делая одно и то же. Это проклятие. Не завидую смерти.

— Зачем пришел? Пофилософствовать?

— Чуешь запах? Это горит твой город. Мои псы жгут предместья Воиграда и беснуются оттого, что так мало выпивки в этих краях и так мало женщин, так мало всего. «Здесь нечем поживиться», — кричат они.

— Не трать силы понапрасну, говори прямо, чего тебе надо? Что-то не чувствую я себя такой уж важной персоной, достойной внимания самого Военег. Много ли людей удостоились душевной беседы с «Великим» перед тем, как вложить свою голову в петлю? А?

— Что мне в тебе нравится, царевич, так это твоя выдержка. Не знаю, каково быть калекой, но думаю, мысль о смерти как об избавительнице от страданий не раз посещала тебя, а, Андрей Мечеславович? Поэтому ты так нахально себя ведешь?

Андрей поморщился, выпрямляя спину.

— Кто там у тебя? — поинтересовался он, посмотрев на слегка приоткрытую дверь. — Псы?

Военег беззаботно улыбнулся.

— Всего лишь слуги. Эй, там! Вина!

Андрей хмуро уставился на чарку, наполненную солнечным напитком.

— Что тебе надо? — повторил он свой вопрос.

— Не будешь пить? — удивился Военег и отодвинул свою чарку в сторону. — Хорошо, и я не буду. Итак, признаюсь тебе честно: я, увы, коварен. Я не подарю тебе смерть. Ты будешь жить, царевич. Я так хочу.

Андрей криво ухмыльнулся.

— Я хочу, — продолжал Военег, — чтобы ты стал моим наместником в Воиграде.

— Так я и знал.

Военег наклонился к Андрею, схватил его за кончик бороды, повернул к себе, посмотрел в глаза. Но, не выдержав спокойного, ничего не выражавшего взгляда калеки, отпустил, отодвинулся, сделав вид, что прислушивается к шуму во дворе.

— Вот, слышишь? — сказал он. — Кра́ду строят. Домовину. Высокую, в человеческий рост. Как и положено царю. Вечером будут похороны. С обрядами, погребальными песнями. А перед этим смерть примет твой отец. Смерть позорную, ужасную. И после будет брошен

на съедение собакам. Как куча потрохов.

— Зачем ты мне это говоришь? Хочешь за живое задеть?

— Я прикажу просто отрубить ему голову и похоронить с честью.

— Торгуешься? Когда-то и я так делал. Точно так же морочил людям головы и всегда выигрывал.

— И что?

— Подумай. Свой путь я прошел, и ты хорошо знаешь какой. А тебе еще предстоит его пройти. Ты поймешь.

— Это значит, ты отказываешься? И тебе не жалко отца?

— Жалко. Однако ты недалеко, Военег. Ведь ты брал с меня пример? Ты знаешь, кем я был, что совершил. Ты уверен, что хорошо изучил все мои ошибки? Все промахи? Эх, ты...

Военег нахмурился.

— Не люблю, когда со мной разговаривают таким тоном. Очень не люблю. И все-таки я предлагаю тебе власть, могу предложить и... жену. Как тебе Искра? Неплоха! Все-таки за тебя она должна была выйти, не так ли?

Андрей помолчал, обдумывая ответ, потом сказал:

— Мой ответ — нет. И когда-нибудь ты узнаешь почему, Военег. Я люблю своего отца, но нет. Это все.

— Так любишь, что обрекаешь его на погибель? На позор? На бесславие? Принято. Теперь скажу я. Ты не умрешь, ибо я уготовил тебе, Андрей Мечеславович, особую участь. Ты станешь моим шутком. Интересно, да? Мрачный унылый калека в роли скомороха!

Дверь с жалобным стоном отворилась, и в конюшню вошли двое: один — приземистый лысый крепыш в синем кафтане, покрытом пятнами ржавчины; другой — долговязый субъект, зябко кутающийся в просторный серый плащ.

— Че жмешься к стене, красотка? — усмехнулся крепыш. — Вставай, авось не тронем. Идем. Время пришло. Ну давай, давай. Пошевеливайся. Шустрей.

Искра поднялась, но ноги не слушались, подкашивались; руки тряслись, как в лихорадке; горло стиснуло ожидание неминуемой беды.

— Во, как очи горят, — сказал крепыш, безжалостно разглядывая девушку. — И большие, как два золотых пятака.

Он схватил княжну за руку и вытолкнул наружу, нагло хлопнув ее по задку.

Близился вечер. Солнце, бледно-желтое на свинцовом небе, нависло над башней Блажена, будто призрак. В воздухе явственно ощущался запах гари. Пень с топором так и стоял на том же месте, окровавленный, одиноко мрачней среди жухлой листвы и увядшей травы.

За казармами, у Боярского дома, на пустыре у куста дикого раkitника возвышалась гора трупов. Искра, еще не увидев этого ужасного зрелища, уже все поняла: карканье ворон, слетевшихся на пиршество, после преследовало ее весь день. Ноги отказывались идти, и сопровождавшим ее хольдам пришлось практически нести княжну.

Крепыш бросил камень в стаю черных птиц, облотивших мертвецов, и они с недовольным шумом разлетелись.

— Смотри, красотка! — Крепыш больно схватил девушку за скулы и заставил посмотреть на убитых. — Видишь? Нравится? Да ты что, плачешь? Ну не надо, дитя мое...

— Хватит дурить, Ларь, — рывкнул долговязый и, грубо встряхнув Искру, поволок ее

дальше.

Она не верила своим глазам. В куче находились такие живые, такие близкие ей люди: кухарка, слуги, юные дружинники Олега... и Авксент. Милый толстячок Авксент — голый, грудь и живот превратились в кровавое месиво, выкатившийся, висевший на одной жиле глаз жадно клевала ворона, поглядывая на людей.

Искре трудно было дышать, воздуха отчаянно не хватало.

Потом они прошли через пустую площадь у дворца, где горделиво возвышалось большое деревянное сооружение: сложенные штабелями бревна конусом сходились у венчавшего их гроба — готовый погребальный костер царя Бориса, что запылает на закате, почти ночью, превращая в прах уготованное ему тело. Смешанные чувства вызвал он у Искры: и стыд, и злость, но все это перекрывал страх.

Страх, сдавивший ей грудь тяжким грузом.

У храма толпился разношерстный народ: вездесущие багуны, молчаливые робкие горожане, угрюмые дружинники предателя Дробуша. На месте спиленных сосен теперь красовалась виселица — на длинной перекладине болталось десять человек, в основном священнослужителей, а также молодой воевода Олег.

Прямо перед виселицей стояли две грубо и наспех сколоченные клетки. К ним и подвели Искру.

— Горыня, Мечеслав... — только и успела вымолвить она, увидев двух узников — избитых, раненых, одетых в рваное рубище, закованных в цепи, — и на миг потеряла сознание.

Крепыш по имени Ларь отвесил ей пощечину — девушка вскрикнула, схватилась за прутья клетки и медленно сползла на землю. Она больше не могла, это было выше ее сил. Горыня высунул закованные в цепи руки и прижал ее к решетке.

— Держись, сестра, — прошептал он. — Не плачь, будь сильной. Держись.

Мечеслав рвался к ней, что-то говорил, она не слышала. Окружавшие ее люди слились в одно сплошное грязное пятно, издающее мерзкие гавкающие звуки. Изредка ей открывался клочок печального осеннего неба, в которое всовывались уродливо вытянутые морды, скалящие в дикой усмешке кривые гнилые зубы.

Но вот она очнулась, едва почувствовав тепло любимого человека, почувствовав его запах, — терпкий, единственный на свете запах, который не перебила вонь немытого тела и измочаленных лохмотьев.

Мечеслав сидел на коленях и прижимал к груди Искру.

— Тебя выпустили и сняли цепи, — проговорила она, слабо улыбаясь, глядя его по щетинистой щеке, притронувшись к заплывшему посиневшему глазу.

— Мы должны идти, — глухо сказал он. — Нас зовут, не знаю куда. Мы должны идти.

Искра поразила, рассмотрев возлюбленного — он выглядел дико уставшим, словно этот день бесконечных побоев, угроз, насмешек продолжался уже целую вечность.

— Что с нами будет? — спросила она.

— Теперь уже неважно. Обними меня покрепче.

И они, прижавшись друг к другу, побрели сквозь гроыхающий, оглушающий слепой неприязню строй. Вслед им неслись крепко проперченные оскорбления, тычки, плевки. Но в тот миг они остались одни в этом мире, одни в бушующем море.

Одни.

Они держались вместе до конца, их пальцы не желали разъединяться, пока множество

цепких рук не оттащило девушку от бывшего царя Воиграда.

На небольшой, расчищенной от толпы площадке перед входом в храм должна была состояться классическая дубичская казнь — побиение кнутом; согласно распространенному мнению — самая позорная смерть, применяемая для воров и насильников. Казненные подобным образом не подлежали захоронению — их тела выбрасывались на помойку. На съедение собакам и стервятникам.

Данную весть во всеуслышание объявил сам Военег — сидя на коне, сверкая вычищенными до блеска доспехами. Весть приняли громом оваций, в котором потонул горестный крик Искры, мечущейся, точно обезумевшая кошка, меж с трудом сдерживавших ее стражников.

Они хотели поставить Мечеслава на колени, но он не повиновался, невозмутимо глядя на Военегу. Но его заставили это сделать, ударив сапогом в пах. Толпа разом затихла.

Мечеслав задыхался, отчаянно хватая ртом воздух, прижав одну руку к животу, другой упершись в землю.

Первый удар коротким толстым дубичским кнутом, который предварительно вымачивали в течение суток, звонко, слишком звонко щелкнул — Мечеслав вскрикнул, выгнув спину и упал на живот.

Искра содрогнулась, но не смогла отвести глаз.

Второй, третий, четвертый. Удары градом, со всех сторон, посыпались на Мечеслава, неподвижно лежавшего на земле. Лохмотья разорвались, обнажив множество глубоких окровавленных полос.

— Нет-нет-нет... — шептала застывшая, окаменевшая Искра, и ее очи — два золотых пятака — блестели от дрожавших на ресницах слез.

Военег поднял руку. Палачи остановились.

— Все? — недоуменно спросил он. — Уже?

Но Мечеслав с великим трудом поднялся и с вызовом взглянул на Военегу. Тот дал знак. Стоявший справа от Мечеслава взмахнул кнутом, но жертва неожиданно перехватила его — ремень змеей обернулся вокруг руки, — дернул на себя и вырвал кнут из рук опешившего палача.

Дальнейшие события происходили очень быстро: на Мечеслава сразу обрушилось три или четыре удара — один из них попал по лицу, — но князь, казалось, не обратил на это никакого внимания. Мечеслав размахнулся и хлестнул находившегося перед ним — то был Коснята. Сбив взревевшего от боли парня плечом, Мечеслав рванулся вперед, к Военегу, уже натянувшему в испуге поводья, но тут сразу с десятков багунов набросились на взбунтовавшегося воиградского царя и принялись остервенело его избивать.

У Искры опять подкосились ноги, и она чуть не упала, — стражники поддержали ее. Кто-то сзади с криком: «Смотри, шлюха!» — влепил ей затрещину. С ужасом глядя на пыль, клубившуюся вокруг сбившихся в тесную кучу разбойников, убивавших ее возлюбленного, девушка преисполнилась уверенностью, что он уже мертв.

— Верую!!! — внезапно раздался истошный крик, и в толпу избивавших Мечеслава врезался... Клеарх. Багуны в недоумении расступились. — Верую в бога, во Творца... — Клеарх, растрепанный, заплаканный, помог подняться Мечеславу на ноги. — Помолимся, друг. Помолимся и примем смерть с богом в сердце. — Голос Клеарха сильно дрожал. — Вместе... повторяйте со мной, это поможет вам...

Мечеслав уже ничего не видел — все лицо его превратилось в один большой распухший

синяк.

— Да... — выдавил он с кровью, судорожно держась за монаха.

— Повторяйте за мной: верую...

— Верую.

— В бога...

— В бога.

— Да кончайте же с ними! — воскликнул Военег. — Проклятье! Это уже смешно выглядит! Что за лицедейство? Еще мученичества не хватало! Убейте их!

— В Творца неба и земли, единого в трех воплощениях... — Оба, прижавшись, сцепившись, сели на колени. Палачи с удвоенной яростью продолжали осыпать обоих ударами. — Даруй же мне мир в душе, во всякий час поддержи и наставь меня, обрати к себе сердца врагов наших. Избавь от сетей ловчих и слов мятежных. Крылом своим осени и защити. Утверди в вере истинной. Благословен ты, Господь мой, Заступник и Избавитель. Только истинно уверовавший в милость твою всеблагу откроет в себе три святых облика твоих. И не убоится более стрелы, пущенной из чаши лесной, и язвы, ходящей во мраке...

Избиение все продолжалось, а приговоренные к смерти никак не умирали, хотя сил молиться у них больше не было. Только лежали, все так же прижавшись друг к другу и вздрагивали от нескончаемых ударов.

Искра лишилась чувств, и стражники, увлеченные зрелищем, бросили ее на землю.

Конец этому безумству положил Тур. Совершенно неожиданно для всех он, шепча под нос ругательства, спрыгнул с коня, обнажил меч и, фыркнув на палачей, вмиг отпрянувших, подошел к Мечеславу.

— Брат, я помогу. Помогу тебе, брат, — сказал он и, вложив меч в его руку, помог уже почти мертвому человеку заколоть себя. — Умри как воин, брат, — добавил он и, с сомнением взглянув на Клеарха, зарубил и его.

Затем встал, сунул клинок обратно в ножны, сурово посмотрел на Военегу, плюнул в его сторону и ушел.

И Военег, посмотрев вслед Туру, недовольно расталкивавшему стоявших у него на пути, притихших, вспомнил слова Андрея. Вспомнил и тотчас же понял, как сильно ошибся.

Мелкий-мелкий дождь висел в воздухе, словно снег. Он пришел с резко нахмурившимся небом, и следом торопливо явились сумерки. Но, несмотря на холодную, слякотную погоду, Воиград шумел, жил, перерождаясь в нечто, может быть, более уродливое по сравнению с тем, что было. Хотя... как знать? Те, кто помнил Блажена, могли бы поспорить.

Багуны, дубичские сановники, дружинники предателя Дробуша теперь переключили все внимание на предстоящее сожжение царя Бориса и последующие поминки, что должны были состояться в большом тронном зале. Кстати, Военег распорядился убрать оттуда трон и поставить на его место орлиный из малого тронного.

Команда из пяти человек под предводительством крепыша Ларя суетливо, скрытно, во тьме, закапывала тела Мечеслава и Клеарха за кремлевской стеной, в глухом безлюдном месте.

Сам Военег, а по сути — Великий князь Дубича, Воиграда и Нижней Аларии, первый вересский владыка за полторы тысячи лет, простерший свою власть на столь огромную территорию, сидел в своей комнате в скверном настроении. Неподалеку тихо-тихо плакала Добронегу. Военег прекрасно понимал ее. Он хорошо знал все упреки, что она могла бы ему

высказать (хотя она ни за что бы ни осмелилась), и терзался от этого еще сильнее.

Он понял. Понял после поступка Тура, что всеми его действиями руководила трусость. Он боялся за свою жизнь, будучи окруженным людьми без веры, без совести и чести. Поэтому он отдал им на растерзание Мечеслава, монахов, прочих — чтобы утолить их голод. Поэтому предложил Андрею стать наместником в Воиграде, ибо хотел задобрить воиградцев. Поэтому не разрешил убивать Горыню и Искру — потому что не знал, что собой представляет Волчий Стан, но понимал, что народ, долгие годы воюющий с жестокими степняками, может оказаться весьма грозным и неудобным врагом.

Вот, оказывается, как. Он — Военег — трус. Даже в отношениях с Добронегой он страшился повторить ту безумную свою выходку. Ему постоянно мерещилась Лада. Видя обнаженную Негу, он вспоминал... Ладу.

Боже! Как легко быть изгоем, парией, разбойником! Как легко, ведомым мыслью о мести, о власти, славе, идти по трупам к намеченной цели — и как трудно удержаться на вершине, сохранить рассудок, свой прославленный холодный разум!

Военег сидел, охваченный приступом страха, а Нега плакала, никак не решаясь спросить: «Почему? За что?».

Искра очнулась все в той же конюшне и в первый момент подумала, что все произошедшее у храма ей приснилось, но потом...

Как больно. Впервые ей отчаянно захотелось умереть. И, преисполнившись решимостью, девушка попыталась встать и сделать это — любой ценой, хоть как-нибудь, но тут поняла, что связана по рукам и ногам.

— Проклятый! — закричала она в темноту. — Ты и это предусмотрел?! Ты и это предусмотрел... Будь ты проклят! Будь ты проклят во веки веков! Да иссохнет твое тело, да поразит тебя тяжкое безумие! Проклят! Ты не проживешь и года, нечестивец! Я призываю Небеса в свидетели! Чтоб ты сдох, мерзавец! Проклят, проклят, проклят!!!

Она умолкла и долго лежала — безмолвно, отрешенно. Время превратилось в бесконечность; в мыслях пестрой круговертью проносились последние месяцы: прощание со Светлогором; Сивояр-колдун, умевший превращаться в сову; Шагра, песочный человек и рассыпающийся на его руках младенец; битва с мертвецами и таинственный крик последнего. С бородой веером. Что за запах он имел в виду?

Вспомнился ей и Девятко, и встретившийся на пути вестник. Жуткие сны о заброшенном городе и владыке его Тысячеликом. А потом была любовь, первая ночь, боль и кровь. И последняя ночь, такая волшебная, неземная...

И смерть возлюбленного.

Потихоньку воспоминания угасли. Искра стала замерзать. Дождь усилился, и сквозь дробный стук капель по кровле она услышала треск горящих бревен. Ей показалось, что жар погребального костра дохнул ей в лицо.

Они пришли очень тихо, Искра ждала их.

— Вы? — проговорила она, не открывая глаз. — Убьете меня сейчас, во дворе? Для этого пень? Мне все равно. Давайте, собаки, рубите голову, будьте вы прокляты...

Шипели факелы. Гости переминались с ноги на ногу.

— Так много на одну? Трусы...

Кто-то ласково погладил ее по волосам. Мягкая женская ладонь. Знакомая. Искра открыла глаза и увидела перед собой... Буяну.

Служанка быстро зажала ей рот.

— Молчи, — сказала она. — Ничего не говори. Гуннар, развяжи ее.

Черный Зуб, все такой же невозмутимый, перерезал путы кинжалом, после чего тихо и незаметно вышел из сарая.

— Переодевайся. — Буяна бросила Искре в ноги тюк с одеждой, сапоги и ее короткий меч в ножнах. Но княжна медлила, глядя непонимающими глазами на служанку. — Только не заставляй себя упрашивать. Знаю, что ты хочешь сказать, — не хочу жить и все такое. Забудь. Одевайся поскорее, а по дороге поешь. У меня в котомке хлеб с ветчиной и фляга с вином.

— Ты думаешь, мы сможем? — слабо спросила Искра.

— Сможем, — ответила Буяна, помогая ей одеться. — И в этом нам поможет Семен. Безбородый. Ты ведь знаешь его? Тот самый.

— Можно ли ему доверять?

— Не знаю, но у нас нет выхода.

На улице стояли Черный Зуб, Чурбак и Семен.

— А... — раскрыла рот Искра.

— Больше никого, — перебила ее служанка. — Злоба, Гудим, Лещ и остальные решили остаться.

— Волк предложил нам службу в его полку, — добавил Чурбак. — Посулил золотые горы, вот и... Я уговаривал здоровяка, но он отказался. Сказал, что не хочет бросать на произвол судьбы Горыню.

— Ерунда, — сказал Семен. — Служа у Волка, он ничем Горыне не поможет. Скорее всего, Горыню продадут в рабство.

— Неужели... — запинаясь, спросила Искра. — Неужели его не спасти?

— Нет, — сурово сказала Буяна. — Его хорошо охраняют, и он закован в цепи. Придется его оставить.

— Не отчаивайся... государыня, — ободрил Семен. — Если у нас все получится и нам удастся смыться, то мы можем надеяться на удачу и в освобождении твоего брата. Если, конечно, мои догадки насчет рабства верны. Багуны очень расхлябаны и плохо следят за пленниками, особенно в Междуречье.

— Хорошо, — глухо сказала Искра и сжала рукоять меча, словно он мог дать ей надежду. — Я верю вам. Не пора ли идти?

— Пора, — сказал Чурбак, но тут Семен жестом остановил его.

— Кто-то идет, — сказал он, вглядываясь во тьму и потихоньку вынимая меч из ножен.

— Один, — проговорил Черный Зуб.

— Опустите мечи, ребята, — послышался голос. — Это я, Тур.

— Чего тебе надо? — настороженно спросил Семен.

Показалась крупная фигура, освещенная заревом погребального костра.

— Я с вами, ребята.

Семен, Чурбак и Черный Зуб продолжали держать мечи. Тур грустно посмотрел на выставленные вперед клинки и вздохнул:

— Семен. Ты мой друг, и я не брошу тебя. Куда ты, туда и я. Я знаю о твоей мечте, не думай, что я такой уж дурак. Сколько попили вина... Позволь пойти с тобой.

— Раз ты знаешь о моей мечте, — досадливо сказал Семен, — то нам тем более не по пути. Ты — гридь, Тур. Воин, солдат. Твоя стихия — война.

— Не мели чепуху. Все это можно сказать и о тебе. Ты — солдат, собирающийся стать крестьянином, построить дом и выращивать хлеб. Я — солдат, и моим новым полем боя станет охота. Ты будешь махать тяткой, а я буду пить пиво и хватать за жопы... хм, простите. Заживем. И потом. Мне нет пути назад. Думаю, Военег не простит мне моего сегодняшнего поступка. Искра, — внезапно обратился он к княжне. — Ты была без сознания... Это я убил Мечеслава, вернее, помог ему убить себя, и того парня убил... как его... я...

— Из сострадания, — приобняв девушку, сказала Буяна. — Он прервал их мучения. Сам. Никто его не просил. Я видела.

— Прости, госпожа, — повесив голову, сказал Тур.

— Из сострадания... — повторила княжна.

— Ну? — нетерпеливо спросил Чурбак. — Бежим, что ль? Или будем слезы лить? Умер Мечеслав, земля ему пухом. Что случилось, то случилось. Думаю, Тур поступил по-человечески. Бежим!

— А зачем? — неотрывно глядя на Тура, спросила Искра. — Зачем бежать?

Тур замялся.

— Чтоб... отомстить. Но только не мне, я ведь...

— Отомстить... — Искра вдруг распрямилась, вскинула голову. — Верно. Бежим.

Беглецы стояли перед утопленной в стене, окованной ржавым железом дверью, полускрытой за зарослями ивняка и орешника.

— Что это за дверь? — спросил Чурбак. — Куда ведет?

— Это потайная дверь, — ответил Семен. — За ней тропинка, ведет в Чудесный Сад (когда-то Чудесный). Перейдем на улицу Воров... бывшую. Ныне это трущобы, и в них мало кто обитает. Там я надеюсь повстречаться с одним человеком, если он, конечно, жив. Он поможет нам наверняка.

Искра промолчала.

— Итак, следуйте за мной, — сказал Семен. — И ни звука.

Дверь действительно давно не открывалась. Протиснувшись в нее, беглецы заботливо прикрыли ее и поспешили прочь от стен Кремля.

Вокруг была тишина, прерываемая лишь далеким лаем собак. Спутники шли в полной темноте, без факелов, цепью, которую замыкал Тур, а возглавлял, естественно, Семен. Постоянно осматриваясь, останавливаясь и прислушиваясь, Безбородый вел своих товарищей через густые замусоренные, одичавшие заросли, еще лет десять назад бывшие Чудесным Садам.

Улица Воров представляла собой ряд убогих почерневших от времени одно-, и двухэтажных домов, фасадом выходивших на булыжную мостовую с вывороченными камнями и большими лужами. Кое-где еще висели потрескавшиеся вывески с облупившейся краской — улица Воров в свои лучшие годы была богата питейными и увеселительными заведениями. Позади домов находился беспорядочный лес сараев, кривых заборчиков, конюшен и прочих хозяйственных пристроек.

Тишина и мрак, царившие здесь, успокоили беглецов, и после краткой остановки, во время которой мужчины высматривали любое движение, Семен свернул в дебри задних дворов.

После долгих блужданий среди нагромождений различного хлама, развороченных телег, снующих под ногами крыс и сверкавших бездонными очами кошек беглецы пришли к

погребу на самой окраине улицы, — прямо за ней чернел лес.

Погреб был прикрыт заслонкой — плотным переплетением плюща, за которым таилась деревянная дверь. Если бы не Семен, никто бы не догадался, что этот холмик — чье-то жилище.

Безбородый условно постучал. Довольно долго никто не отзывался. Наконец послышался шум, возня, и дверь приоткрылась.

— Кто? — рявкнул скрипучий дребезжащий голос.

— Отец, — сказал Семен, подавшись вперед. — Это я, Трубадур. Семен я, учитель вспомни!

Едва Семен договорил, как дверь захлопнулась, словно тот, за дверью, услышал нечто ужасное.

— Ну вот, — пробормотал Чурбак. — Не признал.

— Признал, — улыбнулся Семен. — Сейчас увидите.

И в подтверждение его слов заслонка откинулась, и взору беглецов предстал горбатый старичок. Он поманил их пальцем и проворно юркнул внутрь.

Жилище старичка находилось глубоко под землей, и в него вел узкий лаз с крутыми стершимися ступеньками, с которых чуть было не скатился Тур. Собственно, жилищем это назвать можно было с большой натяжкой. Скорее нора, и Искре сразу же пришло на ум сравнение ее с кроличьей. Просторная комната утопала во мраке, но старичок разжег свечу, обнаружив при этом удивительную ловкость для человека преклонных лет, рыскавшего, будто мышь, в крошечной тьме.

Три стены комнаты-подвала занимали стеллажи со съестными припасами и обилием холодного оружия, среди которого попадались очень даже неплохие образцы. У четвертой находился низкий топчан, притулившийся прямо меж двух дверей. В центре стоял стол и три лавки.

Теперь беглецы смогли рассмотреть того, кого Семен назвал учителем. Он был сед, морщинист; лицо покрывали пигментные пятна; одет серую хламиду до пят, поверх нее — меховой жилет. Но главное, что было в нем, — это глаза: немигающие, широко раскрытые.

Старик был слеп.

— Учитель, — выдохнул Семен и нежно обнял старичка. — Ты еще жив.

— Семен, мальчик мой. — Учитель ощупал дряблой рукой лицо ученика. — Да, это ты. Как давно, как давно...

— Присядем. — Семен заботливо подвел его к столу.

— Не надо цацкаться со мной, как с детей. Я, как ты видишь, ослеп, состарился, но ловкость рук, — тут старик показал Семену золотой, — не утратил.

Семен засмеялся, выхватил у него монетку и сунул себе за пазуху.

— Я рад. Бодр ты, старина. Я рад.

— Кто это с тобой? Познакомь.

— Друзья, отец. Вот это — Тур. — Семен поочередно подвел учителя к каждому. — Черный Зуб, Буяна, Чурбак, Искра.

У последней старик задержался, приложил ладонь к ее щеке.

— Красива, холера! — Старик, глядя на девушку своими неподвижными глазами, осклабился, показав единственный зуб. — Красива. И кличка-то какая — Искра. Огонь бабенка, верно? Палец в рот не ложи. Не бойсь, милая, не укушу. Чую, в тебе пламя полыхает неслабое. Эх, где же мои молодые годы! Проходите, подкрепимся, покалякаем, обмозгуем

дельце ваше. От кого бежите-то? От новых властей? От этого сукиного сына, Воньки-подлеца?

— Так-так. — Учитель постучал пальцем по столу. — Не забыл меня, значить. То, что ты надумал-таки бежать от Воньки — дело хорошее. Плохой он парень. Добра от него не жди. Насчет хода... Туда уже несколько лет никто не совался. Но, думаю, он в порядке. Так что повезло вам, братцы. Отдохнете...

— Некогда отдыхать, отец, — перебил Семен. — Ты нас снабди всем необходимым, и мы сразу же сдернем.

— Хорошо-хорошо, не вопрос. Надо так надо. Важных пташек, значить, прячешь. Хорошо. Ну, пойдемте тогда.

— Может быть, — обратилась Искра к Семену, — ты расскажешь, куда нас поведешь?

— Все очень просто, — ответил он. — Лаз вырыли в незапамятные времена такие же воры, как и мы с учителем. Он выходит к реке, далеко за городом. Оттуда есть тропка на Болото, — путь неблизкий, полтора-два дня пути. То есть до болотистой местности, неподалеку от Деодара — Шагры по-вашему. Там рукой подать до владений курченей. Болото — дикое, гиблое место, безлюдное, труднодоступное.

— Хорошее местечко для тех, кто хочет залечь на дно, — добавил старик.

— Да, — согласился Семен. — Именно поэтому я ждал, когда появлюсь в Воиграде. Уверяю вас, мы исчезнем и никто нас не найдет. Перезимуем, я те места знаю хорошо, там у меня припрятан домик, в очень и очень укромном месте. А потом... видно будет.

Спустя два часа все были готовы. Учитель щедро снабдил беглецов провизией, оружием, факелами, запасом пакли и смолы. Пустил слезу.

— Живи, мой мальчик, — пожелал он Семену. — Живи. А я тут... не пропаду. Конечно, одинок я. Была пара парней неплохих, но уж с полгода от них ни весточки. Только лишь по старинке вот запасуюсь. И не зря. Помог хоть людям. Идите с богом, ребята, и помните старика Зыряна.

Он отпер правую от топчана дверь. Все пожали ему руку, сердечно поблагодарили. Последней шла Искра.

Девушка наклонилась к старику и поцеловала его в щеку.

— Спасибо тебе, — сказала она. — Я тебя никогда не забуду.

Зырян растроганно сглотнул. Махнул рукой, отвернулся.

И запер за ними дверь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net